

ПАРУСНИК

№ 25

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

Парусник № 25 и другие рассказы

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Парусник № 25 и другие рассказы / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936029-8

Это собрание ранних произведений содержит тринадцать рассказов и новелл, написанных Джеком Вэнсом в период его становления в качестве автора, публиковавшегося в популярных дешевых журналах конца 1940-х и начала 1950-х годов. Рассказы демонстрируют размах воображения Вэнса, благодаря которому он заслужил звание «гроссмейстера» Всемирной ассоциации писателей-фантастов (SFWA) в 1997 году и место в «Зале славы» мастеров научной фантастики.

ISBN 978-5-44-936029-8

© Вэнс Д.

© Издательские решения

Содержание

ПЛАНЕТА ЧЕРНОЙ ПЫЛИ	6
ПРЯМО ПО КУРСУ	19
ОЧАРОВАННАЯ ПРИНЦЕССА	32
ГОНЧАРЫ ФИРСКА	50
ПОСЕТИТЕЛИ	63
НЕОБУЗДАННАЯ МАШИНА	74
I	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Парусник № 25 и другие рассказы

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2018

© Александр Фет, перевод, 2018

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-6029-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЛАНЕТА ЧЕРНОЙ ПЫЛИ

Примерно через час после начала полувахты капитан Крид поднялся в рубку управления грузового звездолета «Персей», подошел к иллюминатору и сосредоточил взгляд на кроваво-красной звезде, горевшей чуть левее заданного курса.

Небольшая безымянная звезда в хвосте созвездия Змеи, она осталась в стороне от обычных космических трасс. Маршрут Земля – Расалаг пролегал с одной стороны, Дельта Орла находилась далеко по другую сторону, а до межсекторной трассы Дельта Орла – Сабик оставалось еще не меньше светового полугода.

Погруженный в раздумье, капитан Крид стоял и смотрел на маленькую красную звезду – коренастый человек с брюшком, спокойной бледной физиономией и тщательно подстриженной угольно-черной бородой. Он переутомился – о этом свидетельствовали темные круги под его безжизненными, лишенными какого-либо выражения черными глазами. На капитане был строгий черный костюм, его тщательно начищенные сапоги отливали глянцем, а о своих холеных белых руках он явно заботился не меньше, чем о сапогах.

Капитан Крид повелевал не только «Персеем». Вместе с братом-партнером он владел синдикатом с впечатляющим слух названием – транспортной компанией «Европа—Арктур».

Главное управление синдиката, однако, занимало одну грязноватую комнату в старой Сомарсианской Башне в Тране, причем единственным активом компании являлся звездолет «Персей» как таковой – если не считать ожидаемой прибыли от продажи партии ароматических масел, загруженную капитаном Кридом на планете звезды Маквэнна в секторе Змееносца.

«Персей» никак нельзя было назвать имуществом более ценным, чем содержимое его трюма. Это был старый, медлительный, покрытый вмятинами от ударов метеоритов космический корабль, способный взять на борт не больше 600 тонн груза.

Другое дело груз – бутылка за бутылкой, фляга за флягой редкостных душистых эссенций: экстракт из бутонов сиранга, елей звездных маков, эфирное масло зеленых орхидей, мускус из давленных майанских мушек, дистиллят синего кустарника Маквэнна – экзотические жидкости, собранные буквально по капле клубниками с планеты Маквэнна! И капитан Крид был чрезвычайно раздражен, когда оценщик отказался оформить страховой полис на более чем восемьдесят миллионов долларов, яростно возражая против того, чтобы сумма страхования превышала себестоимость груза.

Пока Крид попыхивал сигарой в рубке управления, к нему присоединился первый помощник Блэйн: высокий и сухощавый, а также – если не считать редких черных волосков – лысый, как яйцо. Блэйн отличался длинным остроконечным носом и ртом, постоянно искривленным язвительной усмешкой. Его торопливая, слишком откровенная манера выражаться нередко смущала осторожного и разборчивого капитана Крида.

«Дело в шляпе! – объявил Блэйн. – Осталось подождать минут десять...» Нахмурившись и кивнув головой в сторону, Крид заставил его замолчать – только теперь Блэйн заметил, что они не одни. Впереди, у пульта управления, стоял молодой человек с решительной физиономией и пронзительными голубыми глазами – Холдерлин, второй помощник и навигатор.

На Холдерлине были только свободные потрепанные штаны; багровое сияние приближавшейся звезды придавало его торсу дьявольский красный оттенок, а лицо превращало в подобие огненно-мрачной маски. Капитан и первый помощник настороженно смотрели на него, как две хищные птицы – то, что они видели, не слишком их успокоило.

Через несколько секунд капитан Крид притворно-добродушно произнес: «Скорее всего, вы ошиблись, мистер Блэйн. Период колебаний светимости такой переменной звезды продолжительнее и равномернее. Думаю, что вы сами в этом убедитесь, проверив результаты своих наблюдений».

Блэйн бросил еще один быстрый взгляд на Холдерлина и, пробурчав что-то невразумительное, направился в двигательный отсек.

Крид подошел к пульту управления: «Поверните градусов на пять ближе к звезде, мистер Холдерлин. Мы слегка отклонились от курса – притяжение звезды его откорректирует».

Холдерлин удивленно покосился на капитана, но выполнил указание, не сказав ни слова. «Крид дурака валяет!» – подумал Холдерлин. Корабль уже находился в зоне сильного притяжения. Неужели его надеялись провести на такой мякине? За кого они его принимали?

Даже ребенок уже догадался бы о том, что происходило на борту «Персея». Сначала, еще в Порфирии, космопорте планеты Маквэнна, капитан Крид беспричинно уволил радиста и обоих бортмехаников.

В этом не было бы ничего особенного, если бы капитан подыскал им замену. Таким образом, помимо капитана, Блэйна и Холдерлина, на борту оставался только один астронавт – Фарджорам, полусумасшедший кок-каллистянин.

После того, как они вылетели из Порфирии, Холдерлин несколько раз заставлял Блэйна и Крида в радиорубке. Позже, просматривая записи автоматического регистратора, он не нашел никаких следов переговоров.

Дней пять тому назад, когда закончилась его смена и он должен был спать, Холдерлин заметил, выходя из своей тесной каюты, что люк, ведущий в правобортную спасательную шлюпку, открыли настежь. Они ничего никому об этом не сказал, но позже, когда Блэйн и Крид заснули, проверил обе шлюпки – левобортную и правобортную – и обнаружил, что в правобортной почти не осталось горючего, и что радиопередатчик в ней был сломан.

Левобортную шлюпку, однако, до отказа заправили горючим и снабдили запасом провизии. Поэтому Холдерлин потихоньку заправил правобортную шлюпку, а затем, поразмышляв, припрятал в ней еще несколько канистр с горючим.

А теперь Блэйн прибежал к капитану и выпалил то, чего Холдерлину слышать не полагалось, после чего Крид дал навигатору по меньшей мере странное указание держаться ближе к звезде. Широкоплечая фигура капитана загородила красное солнце, плывавшее в левой части иллюминатора; загорелое лицо следившего за ним Холдерлина сохраняло полностью бесстрастное выражение. Но при этом он лихорадочно пытался представить себе возможности и последствия возникшей ситуации. Роберту Холдерлину недавно исполнилось тридцать три года, но уже четырнадцать лет он провел в блужданиях по космосу – и, разумеется, давно научился заботиться о своем благополучии.

Корпус корабля едва заметно вздрогнул. Капитан Крид беззаботно оглянулся и снова устремил взор в космические просторы. Холдерлин ничего не сказал, но глаза его тревожно бегали.

Прошло несколько минут; Блэйн вернулся в рубку управления. Холдерлин почувствовал, хотя и не заметил, взгляд, которым обменялись капитан и его худощавый помощник.

«А! – сказал Крид. – Кажется, мы достаточно близко. Возьмите курс на десять градусов правее и включите автопилот».

Холдерлин задал новый курс. Он знал, что топливо подается к двигателям, но корабль не поворачивал.

«Судно не слушается, сэр!» – сказал Холдерлин.

«В чем дело? – воскликнул капитан Крид. – Мистер Блэйн! Проверьте рулевые двигатели! Корабль не меняет курс!»

«Крид не желает действовать слишком откровенно, – думал Холдерлин, – и поэтому заранее придумал такую хитрость. Или, может быть, он догадывается, что у меня в кармане пистолет». Блэйн убежал и почти сразу же вернулся, оскалив кривые губы волчьей усмешкой: «Рулевые двигатели сгорели, капитан. Дешевая футеровка, установленная на Ауреолисе, отказала».

Капитан Крид оторвал взгляд от яростно горевшего впереди маленького солнца и посмотрел сначала на Блэйна, потом на Холдерлина. В этот момент он рисковал всем своим состоянием, но выглядел странно безразличным, словно возможность катастрофы его нисколько не волновала. Но Крид всегда умел контролировать выражение своего бледного лица. Он отдал приказ, которого ожидал второй помощник: «Покинуть корабль! Мистер Блэйн, включите сирену! Мистер Холдерлин, найдите Фарджорама и ждите с ним у входа в правобортную шлюпку!»

Холдерлин пошел искать кока. Проходя мимо Блэйна, он заметил, что тот все еще не повернул большой красный рубильник аварийной сигнализации.

Через некоторое время капитан Крид и Блэйн присоединились к Холдерлину и коку, стоявшим на мостках, ведущих к шлюпкам.

«С кем я полечу, капитан – с вами или с мистером Блэйном?» – наивно спросил Холдерлин, как если бы не понял предыдущий приказ Крида – или намерен был не подчиниться. Блэйн с внезапной тревогой обернулся к капитану.

«Вам надлежит воспользоваться правобортной шлюпкой, мистер Холдерлин, – с медоточивой любезностью ответил капитан. – Я хотел бы, чтобы меня сопровождал мистер Блэйн». Он уже повернулся, чтобы залезть в левобортную шлюпку, но Холдерлин сделал шаг вперед и протянул ему лист бумаги, который носил с собой уже несколько дней.

«Одну минуту, сэр, если не возражаете! Так как я беру на себя ответственность за спасательную шлюпку, с тем, чтобы обеспечить мою безопасность – и безопасность кока – на тот случай, если шлюпка будет потеряна, не могли бы вы подписать это свидетельство о кораблекрушении?»

«Никто из нас не потеряется, мистер Холдерлин, – поглаживая черную бороду, отозвался капитан Крид. – Мистер Блэйн уже связался с патрульным крейсером, он всего в ста пятидесяти миллионах километров от нас».

«Тем не менее, капитан, насколько мне известно, „Астронавигационный кодекс“ требует, чтобы вы оформили такой документ».

Блэйн лукаво подтолкнул капитана локтем.

«Да, разумеется, мистер Холдерлин, мы обязаны соблюдать закон», – сказал Крид и подписал свидетельство. Без дальнейших церемоний он залез в спасательную шлюпку, и Блэйн последовал за ним.

«Отчаливайте, мистер Холдерлин! – прокричал через открытый люк капитан. – Мы подождем, пока вы не окажетесь на безопасном расстоянии».

Холдерлин обернулся. Кок исчез.

«Фарджорам! – позвал его Холдерлин. – Фарджорам!»

Холдерлин побежал снова искать его – пушистый маленький каллистянин скорчился на койке у себя в каюте; его красные глаза выпучились от ужаса, изо рта выступила пена.

«Пошли!» – ворчливо приказал Холдерлин.

Каллистянин лихорадочно лепетал, пуская пузыри: «Нет, нет! Не пойду в шлюпку! Только не в шлюпку! Уходи, уходи! Я останусь!»

Холдерлин вспомнил историю, которую ему рассказывали в космических портах – о том, как Фарджорам и восемь других астронавтов четыре месяца дрейфовали в спасательной шлюпке по Фенезийской Бездне. Когда их наконец подобрали, в шлюпке остались только Фарджорам и обглоданные кости его спутников. При мысли об этом даже выдавший виды Холдерлин вздрогнул.

«Спешите! – донесся голос капитана Крида. – Мы скоро упадем на звезду!»

«Пошли! – Холдерлин грубо потянул за собой кока. – Если мы не улетим, нас убьют!»

Вместо ответа каллистянин выхватил длинный нож, судорожно воткнул его себе в глотку и упал к ногам Холдерлина. Навигатор вернулся к шлюпке один.

«Где Фарджорам?» – резко спросил Крид.

«Покончил с собой, сэр. Ножом».

«Хммф! Что ж, отправляйтесь в одиночку, – пробормотал капитан. – Встретимся в ста пятидесяти миллионах километров отсюда на линии между этой звездой и Дельтой Орла».

«Так точно, сэр!» – Холдерлин отдал честь, без лишних слов закрылся в шлюпке и отчалил.

Красное солнце было рядом, не еще не слишком близко. Не запроваленную горячим шлюпку оно притянуло бы и обрело на огненную гибель, но гравитация звезды не помешала бы другому звездолету подрулить к «Персею», пристегнуться к кольцам на носу и на корме и отбуксировать корабль на безопасное расстояние.

Через несколько секунд Холдерлин выключил двигатели – так, как если бы у него кончилось горючее. Его шлюпка постепенно удалялась от «Персея», якобы беспомощная в поле притяжения красной звезды. Вскоре левобортная шлюпка отчалила и стала ускоряться, но не в направлении Дельты Орла, а в обратную сторону – туда, откуда должен был прилететь чужой звездолет.

Холдерлин подождал несколько минут в тишине – на тот случай, если капитан Крид или Блэйн следили за ним в телескоп. Но времени оставалось мало. Пиратский корабль должен был скоро догнать «Персей»; перегрузив драгоценное содержимое трюма, сообщники капитана позволили бы старому звездолету сорваться в короне багрового солнца.

У Холдерлина были другие планы. Он убедился в том, что свидетельство, подписанное капитаном, осталось в целости и сохранности, решил, что прошло достаточно времени, включил двигатели и быстро подлетел обратно к «Персею».

Почти прикоснувшись носом спасательной шлюпки к носовому буксирному кольцу «Персея», он надел скафандр, выбрался в открытый космос и пристегнул шлюпку к звездолету. После этого, вернувшись в шлюпку, он потихоньку нарастил мощность двигателей и стал подталкивать «Персей», отводя его подальше от звезды.

Снова покинув шлюпку, он оттолкнулся от нее и пролетел в скафандре к входному люку «Персея». Оставив скафандр в шлюзе, он побежал в рубку управления и включил радар. Почти в тот же момент прозвучал сигнал сближения: другой корабль был уже близко – слишком близко для того, чтобы Холдерлин мог скрыться в единственном убежище, на которое он мог рассчитывать: на одинокой планете красной звезды.

Холдерлин нашел пиратский корабль и направил на него телескоп. Перед ним было огромное черное веретено с опоясанной кольцами обшивкой носа, широкими ребристыми дюзами и обтекаемой рубкой управления, едва выступавшей из корпуса. Холдерлин сразу распознал один из тяжело вооруженных кораблей, построенных земной корпорацией «Белизариус» для патрулирования пограничных областей в секторах Скорпиона и Стрельца.

Два года тому назад он работал на борту корабля того же класса и хорошо помнил, что случилось во время этого полета. В районе Фомальгаута им пришлось отбиваться, не останавливаясь, от клантлаланской «боевой сферы», и случайное попадание врага в главный генератор вывело земной звездолет из строя.

Только прибытие трех земных крейсеров предотвратило захват звездолета и продажу команды в рабство. Холдерлин попытался как можно точнее вспомнить, куда именно попал клантлаланский выстрел. Огненный луч вонзился в среднюю часть звездолета, непосредственно перед нижними дюзами главного двигателя. Луч проник через небольшое выпускное отверстие в массивной броне, обнаружив таким образом «ахиллесову пяту» в конструкции боевого корабля.

Холдерлин ждал, наблюдая за перемещением обтекаемого черного звездолета. Челнок, пристегнутый к носу «Персея», частично скрывался на теневой стороне – Холдерлин надеялся, что пираты заметят его не сразу.

Пиратский звездолет приближался с ленивой беспечностью – судя по всему, там еще никто ничего не подозревал. Когда Холдерлин прицелился, наводя на пиратов древнее лучевое орудие «Персея», его обычно неподвижное лицо поморщилось нервной усмешкой.

Все произошло быстро, просто и бесшумно, как во сне. Подобно гигантской мрачной акуле, пиратский звездолет проплывал над головой, и маленькое черное выпускное отверстие притягивало прицел лучевого орудия, как магнит.

Холдерлин нажал на курок – и громко рассмеялся, когда в том месте, где было выпускное отверстие, распахнулась большая дыра. Так же, как это случилось в бою с клантлаланами, огни в иллюминаторах черного звездолета погасли – погасли и огненные струи выхлопных дюз. Пиратский корабль больше не подавал признаков жизни, медленно вращаясь вокруг продольной оси от толчка, вызванного взрывом – огромный, беспомощный металлический труп.

Холдерлин подбежал к пульту управления. Он мог рассчитывать на то, что опасность исчезла по меньшей мере на несколько часов – такой задержки должно было быть достаточно, чтобы найти укрытие там, где пираты не смогли бы его найти. А если команда пиратского звездолета не запустит вспомогательный генератор достаточно быстро, им придется самим спастись в шлюпках – красная звезда пылала все ближе.

Холдерлин включил двигатели и стал ускоряться к одинокой планете багрового солнца; спасательная шлюпка, пристегнутая к носу, нелепо торчала впереди под углом.

Через час планета выросла в иллюминаторе, и «Персей» начал погружаться в ее зеленоватую атмосферу. Для того, чтобы ускользнуть из поля зрения телескопов противника, Холдерлин обогнул планету, подталкивая носом корабля спасательную шлюпку.

Пользуясь собственным телескопом, он рассмотрел планету – мир примерно в два раза меньше Земли, иссеченный шрамами пропастей и отвесных утесов, перемежавшихся равнинами. Равнины эти, казалось, были заполнены черной пеной, при ближайшем рассмотрении оказавшейся ковром лиственной растительности.

В отчетливо зеленоватой атмосфере плыли огромные кучевые облака, окаймленные оранжевыми, золотистыми, красными и желтыми сполохами мрачного солнечного света.

Холдерлин направил медленно падающий «Персей» к основанию высокого черного горного хребта, где густой лес обещал быть надежным укрытием. Ему удалось в одиночку посадить корабль, не пользуясь отказавшими рулевыми двигателями – эпохальное достижение само по себе!

Два напряженных часа Холдерлин провел, сгорбившись в шлюпке и направляя нос «Персея» то в одну, то в другую сторону по мере того, как звездолет опускался на струях посадочных двигателей сквозь зеленый сумрак под огненными облаками.

Холдерлин взял с собой в шлюпку два длинных троса – один он привязал к рукоятке управления дросселем, чтобы у него была возможность снова подняться в небо, если поверхность оказалась бы слишком топкой или слишком неровной для посадки, а второй позволял ему выключить двигатели, когда корабль соприкоснется с надежной почвой.

«Персей» спускался, покачиваясь, в зеленом воздухе, и, наконец, с треском продавил кроны черных деревьев, остановившись на твердом грунте. Холдерлин дернул трос, отключивший двигатели, и ревущие дюзы замолкли. Холдерлин в изнеможении откинулся на спинку ковшеобразного сиденья.

Через несколько секунд он встрепенулся. Зеленая атмосфера выглядела нездоровой – снова забравшись в скафандр, он вернулся на борт «Персея».

Поворачивая верньеры радиоприемника, он не смог уловить никаких сигналов. Холдерлин проверил состав атмосферы анализатором Брэмли; как он и подозревал, местный воздух был ядовит. Тем не менее, в нем, судя по всему, не было раздражающих органические ткани газов, а содержание кислорода оказалось достаточно высоким.

Поэтому Холдерлин вставил в респиратор соответствующие фильтры и спрыгнул на поверхность планеты, чтобы осмотреть дюзы рулевых двигателей. Он тут же погрузился по колено в едва ощутимую, тончайшую черную пыль, напоминавшую сажу – здесь каждое дуновение воздуха поднимало вихри черного дыма.

С каждым шагом он вздымал облака этой пыли, оседавшей на одежде и проникавшей в ботинки. Холдерлин выругался. Он уже понимал, что ему предстояло провести много времени в грязи. Стараясь передвигать ноги как можно осторожнее, он приблизился к рулевым дюзам.

Состояние дюз одновременно обрадовало и огорчило его. Футеровка растрескалась, ее фрагменты отломились и застряли в выпускных горловинах. Электронные волокна сторели, но опорные пластины из кристаллического телекса выглядели неповрежденными.

Металлические дюзы как таковые сохранились – не вздулись, не сморщились и не треснули; по всей видимости, индукционные обмотки не перегорели. Холдерлин предположил, что в каждой из дюз взорвался небольшой заряд ванзитрола.

Насколько он помнил, запасной футеровки на борту не было, но на всякий случай обыскал звездолет. Ничего не нашлось. Тем не менее, стандартная флотская печь для изготовления футеровки и запас флюса находились в положенных местах в соответствии со статьей 80 «Астронавигационного кодекса», предусмотренной в раннюю эпоху космической экспансии, когда сверхпрочная футеровка, не нуждавшаяся в замене, была еще неизвестна.

В те времена в любом звездолете хранились десятки запасных элементов футеровки – но они часто прогорали и растрескивались от жара и давления, и кораблю рано или поздно приходилось приземляться на подходящей планете и формировать дополнительный запас. Теперь Холдерлину нужно было найти слой чистой глины.

Грунт под ногами был покрыт толстым слоем черной пыли. Может быть, здесь можно было раскопать глину?

Размышляя о возможности починки двигателей, Холдерлин услышал в лесу тяжелые шаркающие шаги. Он тут же подбежал к входному люку и заскочил в него, понимая, что на незнакомой планете предусмотрительность и проворство обеспечивали безопасность лучше, чем лучемет или стальная броня.

Существо, издававшее шаркающие звуки, прошло рядом с кораблем – тощее и высокое, ростом метров пять, чем-то походившее на человека, но членистой структурой скорее напоминавшее паука. Его руки и ноги выглядели, как прутья, туго обтянутые зеленовато-черной кожей, а длинная морда покачивалась из стороны в сторону – казалось, рассеянно и бесцельно.

Под затылком существа вздымалась грива из пламенно-красных пучков, глаза выпучились, как молочно-белые шары, широкие уши настороженно расправились. Но тварь даже не удостоила «Персей» взглядом, не задержалась и не проявила никакого интереса к человеку.

«Эй! – закричал Холдерлин, снова спрыгнув на землю и размахивая руками. – Иди сюда!»

Тварь на мгновение остановилась, обернувшись к нему в красном полумраке леса, но тут же продолжила путь шаркающими шагами в прежнем направлении, поднимая черные облака пыли, и скрылась в темной чаще перистолистных деревьев.

Холдерлин вернулся к проблеме ремонта дюз. Он нуждался в запасе глины, достаточном для формирования новой футеровки – требовалось не меньше ста пятидесяти или даже двухсот килограммов. Он взял в кладовой корабля лопату и стал раскапывать грунт.

Полчаса тяжелой работы не позволили обнаружить ничего, кроме горячей черной лестной подстилки. Чем глубже он копал, тем плотнее и жестче становились сплетения корней грибовидных деревьев. Холдерлин с отвращением отшвырнул лопату.

Пока он выбирался из ямы, потный и грязный, ветерок пробежался по вершинам древесных крон, заставляя шелестеть длинные перистые листья, и с деревьев начал постепенно

спускаться черный туман – Холдерлин понял, что черная пыль под ногами была не чем иным, как древесными спорами.

Но ему нужно было найти глину – чистую желтую глину – чем ближе, тем лучше. Ему не хотелось таскать глину на своем горбу издалека. Холдерлин взглянул на спасательную шлюпку, висевшую на носу «Персея».

Буксирное кольцо, служившее опорой висящей на нем шлюпке, заклинилось. Холдерлин почесал в затылке. С помощью антигравитационных репульсоров можно было бы выровнять шлюпку в воздухе, чтобы освободить кольцо и отстегнуть шлюпку.

Когда, наконец, ему удалось подвесить шлюпку в воздухе и выбраться на ее нос, он обнаружил, что масса его тела заметно наклонила шлюпку и, если бы он отстегнул ее от буксирного кольца, шлюпка немедленно «клюнула» бы носом и сбросила его на землю.

Проклиная и буксирный хомут, и шлюпку, Холдерлин оставил их в прежнем положении и спустился на поверхность. Забравшись в звездолет, он обзавелся мешком, легкой лопатой, фляжкой с питьевой водой и запасными фильтрами для респиратора.

«На борту „Персея“! На борту „Персея“! Отзовитесь!» – послышалось из радиорубки.

Холдерлин мрачно усмехнулся и присел рядом с микрофоном.

«На борту „Персея“! – повторился вызов. – Говорит капитан Крид. Если вы живы и слышите меня, немедленно отзовитесь. Вы нас обвели вокруг пальца – и мы это заслужили, о чем тут говорить! Но, даже если вам удалось приземлиться на этой планете, у вас не осталось никакого выхода. Мы прощупываем планету радиолокатором и можем установить координаты источника любого сигнала».

Судя по всему, Крид еще не знал наверняка, кто именно украл у него звездолет, и каким образом это было сделано. Вмешался другой голос, резкий и грубый.

«Отвечайте немедленно! – произнес новый голос. – Назовите свои координаты, и вы получите долю добычи. Если это не будет сделано, вам не поздоровится, когда мы вас найдем – а мы вас найдем, даже если для этого потребуются обойти пешком всю планету!»

Пока передавались увещевания и угрозы, сила принимаемого радиосигнала заметно нарастала, и теперь снаружи послышался отдаленный рокот, быстро перераставший в рев. Подбежав к входному люку, Холдерлин заметил черный пиратский звездолет, мчавшийся к нему по зеленому небу под самым покровом разноцветных облаков.

Почти над самой головой Холдерлина зажглись выхлопные струи тормозных дюз – звездолет замедлил свой величественный полет. «Я в западне!» – подумал Холдерлин. Сердце его билось часто и тяжело – он просился к шлюпке. Чертово буксирное кольцо можно было разрезать лучеметом!

Но черный звездолет пролетел над горой и медленно скрылся из вида, поблескивая тусклыми отражениями красного солнечного света. Холдерлин облегченно вздохнул. На этой небольшой планете горный пик был заметным ориентиром, и он, скорее всего, привлек внимание пиратов так же, как привел сюда его самого.

По меньшей мере теперь он знал, чем занимались враги – что давало ему некоторое преимущество. Как сбежать? На этот вопрос он еще не мог ответить. Пираты казались неуязвимыми в скоростном, хорошо вооруженном звездолете с командой, насчитывавшей не меньше тридцати или сорока человек – а у него была только старая развалюха с висящей на носу шлюпкой.

Холдерлин пожал плечами. Прежде всего нужно было починить дюзы. А потом уже можно было попытаться ускользнуть из западни. Если бы ему удалось довести ароматные сокровища, лежавшие в трюме, хотя бы до Ларокника на Гаунаде, шестой планете Дельты Орла, его будущее было обеспечено.

Он мог бы купить космическую яхту и виллу на Веере, «планете наслаждений». Он мог бы купить астероид и сотворить мир по своей прихоти, как это делали миллионеры Импе-

рии. Холдерлин заставил себя забыть о мечтах. Схватив мешок, он поплелся по черной пыли к подножию горы – в поисках глины. Примерно в километре от корабля перистый черный лесной покров слегка поредел – Холдерлин вышел на прогалину.

Здесь он увидел высоких человекоподобных существ – не меньше двадцати. Но у них были зеленовато-черные гривы, а не красные, как у той твари, что прошла мимо «Персея» в лесу. Существа суетились вокруг гигантского животного, очевидно смиренного и ручного.

Огромное – размером с дом – округлое тело животного поддерживалось кольцом толстых дугообразных ног. Двумя длинными щупальцами оно засовывало длинные черные древесные листья в пасть, открывавшуюся в верхней части туши. Под тушей висело множество сосков – их доили черные существа, наполняя горшки зеленой жидкостью.

Холдерлин пересек прогалину, залитую мрачно-красным солнечным светом, но твари, бросив на него несколько туповатых взглядов, сразу вернулись к своему занятию. Еще через полтора километра Холдерлин вышел из леса к крутому горному склону.

Почти сразу же он обнаружил под ногами то, что искал. Сила тяжести на этой планете была гораздо меньше земной, так что Холдерлин мог поднять гораздо больше глины, чем сумел бы унести на Земле – пожалуй, половину требуемого запаса. Наполнив мешок, Холдерлин взвалил его за спину и стал возвращаться.

Тем не менее, пока он брел по черной пыли, мешок, казалось, становился все тяжелее, и к тому времени, когда он снова вышел на прогалину, где аборигены доили огромное круглое животное, у него онемели руки и болела спина.

Холдерлин опустил мешок и отдыхал, наблюдая за работой мирных туземцев. Ему пришло в голову, что одного из них, возможно, удалось бы уговорить помочь ему.

«Эй, ты!» – позвал он ближайшего туземца приглушенным респиратором голосом. – Иди сюда!»

Тот оглянулся, не проявляя ни малейшего интереса.

«Иди сюда! – снова позвал Холдерлин, хотя существо явно его не понимало. – Мне нужна помощь. Я тебе подарю... – порывшись в карманах, Холдерлин вытащил сигнальное зеркальце. – Вот это!»

Он показывал зеркальце, поигрывая зайчиками отражений, и через некоторое время туземец прошаркал к нему по прогалине. Членистоногий гуманоид нагнулся, чтобы рассмотреть зеркало, и на его длинной унылой морде появились какие-то признаки интереса.

«Возьми это! – Холдерлин протянул туземцу мешок с глиной. – И следуй за мной».

Существо наконец сообразило, что от него требовалось. Не проявляя особого усердия, но и не уклоняясь от выполнения просьбы, туземец безразлично взял мешок тонкими, как прутья арматуры, кожистыми руками и побрел, шаркая, за Холдерлином к кораблю. Когда они пришли, Холдерлин забрался внутрь «Персея», вернулся с длинной блестящей цепью в руках и показал ее своему помощнику.

«Нужно принести еще один мешок, понимаешь? Еще раз. Пошли!» Существо послушно последовало за Холдерлином.

Холдерлин накопал еще глины, наполнил мешок и всучил его туземцу.

Где-то наверху послышались голоса, шаги, скрип и шорох камней, скользящих по камню. Холдерлин бросился под прикрытие ближайших деревьев. Туземец продолжал тупо стоять с мешком в руках.

Со склона спускались трое. Два человека в респираторах громко и часто дышали: Блэйн и высокий субъект с заостренными ушами и удивленно изогнутыми бровями полукровки-транкли. Третьим был туземец с красной гривой.

«Смотри-ка! – воскликнул транкли, заметив помощника Холдерлина. – Этот мешок...»

Таковы были его последние слова. Его разрезал шипящий лазерный луч. Блэйн вихрем развернулся на месте, схватившись за кобуру. Но громкий голос предупредил его: «Руки по швам, Блэйн! Или я прожгу дыру в твоей башке!»

Блэйн медленно опустил руки, злобно поглядывая туда, откуда доносился голос; его кривые губы дрожали и подергивались. Холдерлин выступил из теней под багровые лучи солнца; его лицо застыло, как маска смерти: «Нашел, кого искал?»

Подойдя к Блэйну, он вынул из кобуры первого помощника лучемет, после чего обратил внимание на туземца с красной гривой. Конечно, это был тот самый, который прошел по лесу мимо «Персея» – очевидно, теперь он служил проводником его врагов.

Снова прошипел лазерный луч, и высокое черное тело обрушилось в пыль, как подкошенное огородное чучело. Туземный помощник Холдерлина безучастно наблюдал за происходящим.

«Мне не нужны свидетели», – сказал Холдерлин, обратив на Блэйна ледяные голубые глаза.

«На что ты надеешься, Холдерлин? – рявкнул Блэйн. – Ты не уйдешь живьем!»

«А ты надеешься меня пережить? – издевательски отозвался Холдерлин. – Что это у тебя? Рация? Давай-ка ее сюда! – он отобрал у Блэйна рацию. – Туземец вел тебя к „Персею“, и ты собирался передать координаты корабля. Так?»

«Само собой», – мрачно пробормотал Блэйн; его явно интересовало только одно: когда Холдерлин его прикончит?

Холдерлин задумался: «Как называется ваш корабль? Чей это корабль?»

«Палача Донахью. Он называет его „Маэфо“. Ничего у тебя не получится, Холдерлин. От Донахью ты не уйдешь».

«Посмотрим!» – коротко обронил Холдерлин.

Значит, это был знаменитый «Маэфо» Палача Донахью! Холдерлину не раз приходилось слышать сплетни об этом пирате. Рассказывали, что он – поджарый человек лет сорока, темноволосый, с черными глазами, все подмечающими даже за углом и читающими мысли других людей. У Донахью было лицо клоуна-кривляки, но у него за плечами было столько убийств и грабежей, что собеседники не видели в его ужимках ничего смешного.

Холдерлин помолчал, глядя на осунувшегося Блэйна. Выживший туземец безразлично стоял с мешком глины в руках.

«Что ж, ты хотел найти „Персей“? – произнес наконец Холдерлин. – Пошли!» Он указал дулом лучемета в сторону леса.

Блэйн медленно и неохотно сдвинулся с места.

«Хочешь умереть сейчас же? – поинтересовался Холдерлин. – Или будешь делать то, что я скажу?»

«Лучемет у тебя, – прорычал Блэйн. – Что мне остается?»

«Хорошо! – откликнулся Холдерлин. – Тогда пошевеливайся. Сегодня вечером мы будем формировать футеровку для рулевых дюз». Он подал знак ожидавшему дальнейших указаний туземцу. Пропустив Блэйна вперед, они побрели к кораблю.

«Что там, за горой? Логово Донахью?» – спросил Холдерлин.

Блэйн угрюмо кивнул, после чего решил, что ничего не потеряет, если станет потакать Холдерлину: «Туда ему приносят пыльцу тэйма, он продает ее на Веере».

Из тэйма делали возбуждающий сладострастие порошок.

«Туземцы собирают пыльцу в маленькие горшки. Донахью платит им солью. Они обожают соль».

Холдерлин молчал – он уже устал месить ногами черную пыль.

«Даже если ты сбежишь, – продолжал рассуждать Блэйн, – ты не сможешь нигде продать масла́ из трюма. Стоит кому-нибудь почуять сиранг – и за тебя возьмется Межпланетное бюро расследований».

«А я и не собираюсь их продавать, – отозвался Холдерлин. – Ты меня за дурака принимаешь? Зачем, по-твоему, я потребовал у Крида свидетельство о кораблекрушении? Я предъявлю права на вознаграждение за спасенное имущество. По закону, это девяносто процентов стоимости корабля и груза».

Блэйн замолчал.

Когда они наконец добрались до «Персея», изможденные и перепачканные пылью, туземец бросил мешок на землю и протянул сучковатую руку.

«Фоуп, фоуп!» – сказал туземец.

Холдерлин взглянул на него в замешательстве.

«Он хочет соли, – объяснил Блэйн, все еще намеренный как-нибудь заслужить расположение Холдерлина. – За соль они готовы сделать что угодно».

«Неужели? – поднял брови Холдерлин. – Что ж, пойдем, найдем в камбузе соль».

Холдерлин расплатился с туземцем блестящей цепью и кульком соли, после чего отпустил его. Повернувшись к Блэйну, он вручил ему рацию: «Вызови Крида или Донахью и скажи им, что, по словам туземца, до „Персея“ вы не дойдете до завтрашнего вечера – корабль слишком далеко».

Блэйн колебался лишь долю секунды – достаточно долго, чтобы Холдерлин многозначительно положил руку на рукоять лучемета. Блэйн передал требуемое сообщение. Он вызвал Крида, и капитан, судя по всему, был удовлетворен полученными сведениями.

«Скажи ему, что не будешь пользоваться рацией до завтрашнего вечера, – приказал Холдерлин. – Скажи, что Холдерлин может уловить отражение сигнала от горного склона».

Блэйн подчинился.

«Хорошо! – одобрил Холдерлин. – Блэйн, я чувствую, что мы с тобой поладим. Может быть, когда кончится вся эта история, я даже тебя не прикончу».

Блэйн нервно сглотнул. Ему не нравились такие разговорчики.

Холдерлин потянулся, разминая руки: «А теперь изготовим футеровку для дюз. Так как именно ты их испортил, заниматься этим придется главным образом тебе».

Всю ночь они сушили футеровку в атомной печи. Холдерлин выполнил обещание – Блэйну пришлось трудиться за двоих. Его вспотевшая лысина блестела в зареве печи.

Футеровка получилась – глина превратилась в тяжелые трубки, отливающие металлическим блеском. Холдерлин закрепил их в дюзах. Утром, когда взошло мрачное маленькое светило, «Персей» был снова готов к полету.

С помощью Блэйна Холдерлин отсоединил спасательную шлюпку от кольца на корпусе звездолета и посадил ее рядом с «Персеем». Затем Холдерлин запер Блэйна в кладовой.

«Тебе повезло, – заметил при этом Холдерлин. – Ты можешь спать. А мне придется работать».

В арсенале «Персея» нашлась пятикилограммовая банка ванзитрола – химически стабильного материала с неустойчивой атомной структурой. Холдерлин отмерил полкилограмма ванзитрола в бумажный кулек – достаточно, чтобы «Персей» разнесло на кусочки по всей планете.

Захватив с собой детонатор, Холдерлин забрался в спасательную шлюпку и взлетел. Чувствуя себя в относительной безопасности после того, как Блэйн снабдил Крида дезинформацией, Холдерлин мчался над лесом на бреющем полете, пока не нашел километрах в пятидесяти от «Персея» подходящую поляну – не слишком большую, но и не слишком маленькую.

Холдерлин приземлился и закопал ванзитрол вместе с детонатором посреди поляны, после чего вернулся к «Персею» и проспал пять часов.

Проснувшись, он разбудил Блэйна. Они разместились вдвоем в спасательной шлюпке и полетели к заминированной поляне. Холдерлин посадил шлюпку в лесу, метрах в шестидесяти от поляны.

«А теперь, Блэйн, – сказал Холдерлин, – ты вызовешь Крида и скажешь, что нашел „Персей“. Скажи ему прибыть немедленно туда, откуда передается сигнал твоей рации. Скажи, что в этом месте – удобная для посадки поляна».

«И что потóm?» – недоуменно спросил Блэйн.

«Потóm ты будешь ждать прибытия „Маэфо“ на поляне. Когда звездолет Донахью начнет приземляться, у тебя будет выбор. Если хочешь вернуться к Донахью, оставайся на поляне. Если хочешь вернуться ко мне, беги к шлюпке со всех ног. Дело твое».

Блэйн ничего не ответил, но взгляд его стал подозрительным, а кривые губы догадливо поджались.

«Передай сообщение!» – приказал Холдерлин.

Блэйн так и сделал, к полному удовлетворению Холдерлина. Блэйн сказал Криду, что они нашли Холдерлина в «Персее», и что Морданг, полукровка-транкли, держал его под прицелом, пока Блэйн говорил по радио.

«Прекрасно, Блэйн!» – послышался ответ Крида. Донахью вмешался и сухо задал несколько вопросов. Разбился ли «Персей»? «Нет, – ответил Блэйн, – корабль в полном порядке». Можно ли обстреливать упомянутую Блэйном поляну из лучевого орудия «Персей»? «Нет, – сказал Блэйн, – поляна достаточно далеко, почти в километре за кормой „Персея“». Донахью приказал Блэйну ждать прибытия звездолета на поляне.

Через двадцать минут Холдерлин, прятаящийся в лесу, и Блэйн, тревожно переминавшийся с ноги на ногу на поляне, увидели в небе угрожающе приближающийся силуэт «Маэфо».

Звездолет завис метрах в ста пятидесяти над поляной. Выполняя указания Холдерлина, Блэйн, озаренный красным солнечным светом, призывно махал руками.

Наступила пауза. Осторожный Донахью изучал окрестности.

Через некоторое время Холдерлин, ожидавший на краю леса, увидел, как от «Маэфо» отделился и стал спускаться к поляне небольшой разведочный катер. Холдерлин досадливо поджал губы и громко выругался.

Крид или Донахью – кто-то из них почуял неладное. Его план провалился – причем ему нужно было спешить, чтобы спасти свою шкуру! Блэйн тоже понял, что ловушка не сработала, но никак не мог решить, куда ему податься.

В конце концов Блэйн пришел к выводу, что в сложившихся обстоятельствах Холдерлин представлял собой меньшую опасность, и стал уходить с поляны так, словно хотел освободить место для посадки катера. Рация в руке Блэйна тут же рывкнула потрескивающим голосом Донахью: «Блэйн! Стой, где стоишь!»

Блэйн бросился наутек, но бежать по колено в черной пыли было трудно. Прошипел луч лазерного орудия «Маэфо», и Блэйн испарился – составлявшие его атомы рассеялись в облаке черной пыли.

Холдерлин уже подбежал к спасательной шлюпке. Оставался ничтожный шанс на то, что команда разведочного катера, опустившегося на поляну, не найдет мину, что «Маэфо» так-таки приземлится и взорвется. Но Холдерлин сомневался в возможности такого исхода, так как детонатор был очень чувствителен, а поляна – небольшой.

Оглушительный взрыв, раздавшийся в тот момент, когда он залезал в шлюпку, подтвердил обоснованность его сомнений. Почва всколыхнулась, как студень, и град комьев земли, камней и щепок прокатился волной по черному лесу. Даже громадный «Маэфо» подбросило, как воздушный шарик. Небо потемнело в пелене черной пыли.

Холдерлин тут же взлетел и принялся лихорадочно маневрировать между деревьями, над самой землей. Его жизнь висела на волоске – шлюпка задевала за стволы, и иногда и сбивала те, которые он не успевал обогнуть.

Он улетел как раз вовремя: орудия «Маэфо» обрушили на лес целый шквал огня, выжигая дотла каждую пядь земли вокруг поляны. Дважды разряды, несущие миллионы ватт энергии, воспламеняли деревья буквально в нескольких шагах от шлюпки Холдерлина.

Холдерлин, схватившийся за штурвал в истерическом напряжении, вырвался за пределы зоны поражения и, замедлив сумасшедший полет, стал осторожнее лавировать между стволами.

Когда «Маэфо» закончил канонаду, в радиусе нескольких километров лес превратился в дымящиеся воронки и поля обугленных пней. Осторожно приподняв шлюпку, чтобы выглянуть над кронами деревьев, Холдерлин заметил огромный угрожающий силуэт боевого корабля, возвращавшегося над горами к пиратской базе. Над поляной вздымался к облакам постепенно расширяющийся гриб черной пыли.

Холдерлин вернулся в каюту на борту «Персея» и сидел, погруженный в мрачное раздумье. Он зашел в тупик – уже через несколько часов Крид и Донахью не преминули бы найти очередного туземца, готового служить проводником. Теперь ничто не мешало им найти «Персей».

Холдерлин растянулся на койке, подложив руки под голову. Ему внезапно вспомнилась крупная информация, полученная от Блэйна, и у него в голове сразу возник новый план действий. Холдерлин вскочил, наполнил ванзитролом еще один кулек, взял из камбуза несколько пачек соли и поспешил к спасательной шлюпке.

Примерно через четыре часа, когда сумерки быстро сгущались над черным лесом, он вернулся – в его пружинистой походке, в решительно выпяченном подбородке снова стала заметной торжествующая самоуверенность.

Холдерлин направился к телеэкрану и вызвал пиратский звездолет: «Вызываю „Маэфо“! Крид или Донахью, отзовитесь! Вызываю „Маэфо“!» Экран сразу засветился. На нем появился Донахью; за спиной пирата маячила чернородая физиономия капитана Крида.

«Да? – сухо спросил Донахью. – Что тебе понадобилось?»

Холдерлин ухмыльнулся: «Ничего мне не понадобилось. Примерно через две минуты взрыв разнесет ваш звездолет на куски. Если вам дорога жизнь, смывайтесь!»

«Как ты сказал? – голос Донахью стал хлестким, как плетка. – Пытаешься взять меня на пушку?»

«Через две минуты узнаете, – пожал плечами Холдерлин. – Сегодня туземцы принесли вам горшки с пыльцой тэйма – они у вас на борту. Три горшка наполнены ванзитролом. У меня – гамма-лучевой детонатор, заглушить его сигнал вы не сможете. У вас осталось меньше двух минут».

Донахью вихрем развернулся и прокричал в микрофон системы оповещения: «Покинуть корабль! Всей команде – покинуть корабль!»

Пират тут же подскочил обратно к телеэкрану, как подпрыгнувший от испуга кот. Холдерлин с любопытством наблюдал за ним. Тем временем капитан Крид поспешно направился к выходу – но встретился глазами с Донахью. Увидев в них смерть, Крид остановился и медленно повернулся лицом к пирату.

Донахью начал говорить – и Холдерлин понял, что этот человек давно сошел с ума. Пират разразился потоком грязной ругани.

«Паршивый пес, ты меня погубил!» – истерическим фальцетом вопил Донахью; все мышцы его тела предельно напряглись, как в эпилептическом припадке.

«Давайте покинем корабль – спорить можно будет потом», – хладнокровно предложил Крид.

«Стой, где стоишь, и заткнись, жирная мразь!» – закричал Донахью, выхватив лучемет.

Крид выстрелил из потайного оружия, спрятанного в рукаве; Донахью с визгом повалился на пол – ему обожгло правое плечо.

Пират подобрал выпавший лучемет левой рукой и принялся беспорядочно палить из него в Крида. Капитан спрятался, пригнувшись за стойкой оборудования, но не мог добраться до двери. Лазерный луч разрезал кабели питания. Телеэкран погас.

Холдерлин взглянул на наручные часы. Другую руку он занес над небольшой черной клавишей.

Двадцать секунд – десять секунд – восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, две... «Подожду еще пять секунд», – сказал себе Холдерлин. Одна – две – три – четыре – пять! Она нажал клавишу, замкнув контакт, и замер, ожидая прибытия ударной волны из-за горного хребта.

Бум!

Ухмыляясь во весь рот, Холдерлин встал, задраил люки и уселся за пульт управления. Предстояла хлопотная неделя, и работать нужно было за четверых. Он потянул на себя рукоятку дросселя. «Персей» взлетел, направляясь в Ларокник на планете Гаунад.

ПРЯМО ПО КУРСУ

Появившись в аудитории, Хирэм прошествовал короткими уверенными шагами к столу и уселся. Только после этого он, казалось, заметил мужчин и женщин – человек двадцать пять – устроившихся аккуратными рядами на раскладных стульях.

«Могу уделить вам примерно двадцать минут, – сказал Хирэм. – Чего, конкретно, вы от меня ожидаете?»

«Как насчет краткого заявления? – предложил Эд Джефф, корреспондент агентства „Всемирные новости по факсу“. – После чего, возможно, вы согласитесь ответить на несколько вопросов?»

Хирэм откинулся на спинку стула: коренастый субъект средних лет с решительным выражением лица, львиной гривой волос, оттенком и жесткостью напоминавших стальную вату, повелительно-пронзительным взглядом и пухлым, но не слишком большим ртом. На нем были синий костюм и серый свитер – консервативная повседневная одежда, свидетельствовавшая о том, что Хирэм одевался по привычке, не руководствуясь ни тщеславием, ни желанием производить впечатление.

«Мои сотрудники и я, – ответил Хирэм, – осуществляем исследовательскую программу, финансируемую Джейм Бэннерсом. В конечном счете мы планируем совершить полет вокруг Вселенной». Хирэм замолчал; репортеры ждали. «Таково мое заявление», – сухо прибавил Хирэм.

Послышались возбужденные, перебивавшие друг друга голоса. Хирэм поднял руку: «По очереди, пожалуйста... Да, сударь? В чем заключается ваш вопрос?»

«Вы сказали: полет вокруг Вселенной? Не только вокруг Галактики?»

Хирэм кивнул: «Вокруг Вселенной»

«Откуда вы знаете, что Вселенную можно облететь по окружности?»

«Мы этого не знаем, – натянуто улыбнувшись, отозвался Хирэм. – Экспериментальных данных нет, одних математических выкладок недостаточно. Так или иначе, мы руководствуемся таким допущением и готовы рискнуть жизнью, чтобы проверить его достоверность».

Репортеры уважительно прокашлялись. Хирэм слегка расслабился: «Протяженность окружности Вселенной, по предварительной оценке, составляет от десяти до ста миллиардов световых лет. Мы намерены вылететь с Земли и взять какой-нибудь курс – практически любой курс. По прошествии достаточного времени, перемещаясь с достаточно высокой скоростью, мы надеемся вернуться на Землю с противоположной стороны».

«Какова вероятность обнаружения Земли по возвращении?»

Хирэм поджал губы; он считал такую формулировку вопроса легкомысленной.

«Теоретически, – резко ответил он, – если мы не будем отклоняться от заданного курса, мы должны вернуться туда, откуда вылетели. В рамках нашей программы основное внимание уделяется изучению возможностей прецизионной космической навигации. Ошибка величиной в одну угловую секунду на расстоянии в сто миллиардов световых лет приведет к отклонению от курса на триста тысяч световых лет. Если мы промахнемся, мы никогда не вернемся в родную Галактику. Задача первостепенной важности заключается в обеспечении полета по математически идеальной окружности – прямо по курсу».

«Разве вы не можете ориентироваться по звездам – оставшимся за кормой или тем, что впереди?»

Хирэм покачал головой: «Свет звезд, оставшихся позади, нас не догонит. По существу, мы настолько перегоним свет, что излучение всех звезд – и тех, что за кормой, и тех, что впереди нас – сольется в одно неразборчивое пятно, – он сложил руки на столе, сцепив короткие пальцы. – В этом заключается вторая проблема: как мы увидим, куда мы движемся? Мы

будем перемещаться практически мгновенно. Допуская, что эффективность расслоения пространства составит девяносто процентов, средняя скорость космического аппарата достигнет шести или семи тысяч световых лет в секунду, то есть полет на расстояние в сто миллиардов световых лет займет примерно шесть месяцев. При такой скорости воздействие излучения на незащищенный объект носит катастрофический характер. Доплеровский эффект превратит в гамма-лучи самый безобидный инфракрасный свет; волны видимого спектра станут в тысячу раз короче и будут нести в тысячу раз больше энергии в расчете на единицу времени, а частота космического излучения возрастет до десяти в тридцать первой или тридцать второй степени. Не могу себе представить последствия облучения такого рода, но ничего хорошего из этого не выйдет. Мы пытаемся разработать видеосистему, способную функционировать в условиях такого разрушительного воздействия. В поперечной плоскости, разумеется, можно будет вести нормальное наблюдение, так как свет будет поступать к аппарату в нормальном диапазоне».

«Сколько времени займет решение этих проблем?»

«Мы продвигаемся удовлетворительными темпами», – Хирэм на стал вдаваться в подробности.

«Как вы узнаете, что вернулись? Одна галактика может походить на другую...»

Хирэм постукал пальцами по столу: «Интересный вопрос. Должен признаться, не могу на него ответить с уверенностью. Придется проявлять бдительность, внимательно изучая любую галактику подходящих размеров и конфигурации, встретившуюся на нашем пути. Поможет тот факт, что Млечный Путь примерно в два раза крупнее галактики средней величины. Но во многом придется положиться на удачу».

«Что, если Вселенная бесконечна и не является сферой?»

Хирэм вперил в репортера презрительный взор: «Не я сотворил Вселенную. Кто может это знать наверняка?»

Репортер торопливо поправился: «Я имею в виду, предусмотрен ли какой-нибудь срок, в течение которого вы рассчитываете облететь Вселенную и вернуться?»

«Мы считаем, что Вселенная имеет сферическую форму, – с прохладцей ответил Хирэм. – В четырех измерениях, разумеется. Мы будем непрерывно ускоряться, скорость перемещения корабля будет постоянно возрастать. Если Вселенная – четырехмерная сфера, мы вернемся. Если она бесконечна, мы не вернемся никогда».

Приземлились два корабля – стройный цилиндрический и другой, с нелепым на первый взгляд корпусом в форме бублика. Хирэм вышел из цилиндрического корабля и промаршировал вверх по бетонной рампе в управление со стеклянными стенами.

Его ждали Джей Бэннерс, плативший за экспедицию, и долговязый молодой человек. Внешностью Бэннерс напоминал Хирэма, но у него уже поредели волосы, а черты лица были гораздо мягче. Бэннерс вел себя непринужденно и дружелюбно, в нем не было ничего спартанского или аскетического.

Хирэм участвовал в открытии расслоения пространства и в разработке гравитрона, а также в первой экспедиции, вернувшейся из сектора Центавра. Бэннерс никогда не был в космосе, но ему принадлежал контрольный пакет акций корпорации «Звездные острова»; кроме того, он входил в состав советов директоров шести других корпораций.

Бэннерс приветствовал Хирэма взмахом пухлой руки: «Эрб, позвольте представить вам моего сына, Джея-младшего. А теперь я должен вас удивить. Не падайте в обморок! Джей хочет отправиться с вами в полет вокруг Вселенной. И я обещал ему сделать все, что смогу». Предприниматель вопросительно взглянул на физика.

Уголки рта Хирэма приподнялись; он прищурился так, словно случайно проглотил что-то безнадежно прокисшее. «Знаете ли, Бэннерс... Вряд ли можно рекомендовать участие в экспедиции... э... неопытному молодому человеку», – пробормотал он.

«Ну зачем же так? – дружелюбно-укоризненным тоном возразил Бэннерс. – Джея не назовешь любителем-простофилей. Он только что закончил инженерную школу, знает космос как свои пять пальцев, изучал астронавигацию и все такое – не так ли, Джей?»

«Что-то в этом роде», – лениво отозвался Джей.

Хирэм смерил ледяным взглядом Джея Бэннерса-младшего – слегка развинченного долгового юнца с маслянисто-черными волосами, слишком длинными на вкус Хирэма. Физик сказал: «Экспедиция – не загородный пикник, молодой человек. В полете будет поддерживаться строгая дисциплина. Нам придется провести много времени в тесной кабине, где не будет никаких развлечений – а это нешуточное испытание. Причем неизвестно, вернемся ли мы когда-нибудь... Пожилому человеку – такому, как я – легче расставаться с жизнью. А у тебя еще все впереди».

Джей безразлично пожал плечами, а старший Бэннерс сказал: «Я все это объяснял, Эрб, но он непременно желает отправиться с вами. Кроме того, будет только полезно, если на борту окажется Бэннерс. Тогда всю эту затею можно будет безусловно назвать „экспедицией Хирэма-Бэннерса“. Как вы думаете?»

Не находя слов, Хирэм раздраженно стучал пальцами по столу.

Джей заметил: «В инженерной школе нас учили многим новейшим методам. В случае чего я мог бы помочь, если вы заблудитесь».

Хирэм побагровел и отвернулся.

«Полегче, Джей! – предупредил сына старший Бэннерс. – Не советую действовать на нервы старине Хирэму. Всем известно, что у тебя голова набита модными идеями, но не забывай, что полет стал возможен благодаря именно таким людям, как Эрб Хирэм».

Молодой человек снова пожал плечами и слегка нахмурился, попыхивая сигаретой.

«Договорились, значит! – жизнерадостно воскликнул Бэннерс. – И не давайте ему никаких поблажек, Эрб. Обращайтесь с ним, как с наемным подрядчиком. Он вынослив и настойчив – яблоко от яблони недалеко падает. Джей справится. А если заартачится, приструните его хорошенько».

Хирэм подошел к окну и смотрел на посадочное поле.

Бэннерс продолжал: «Мы видели, как приземлялись корабли. Как прошли испытания?»

«Неплохо, – отозвался Хирэм. – На пути от Земли до Плутона мы отклонились от идеального курса на сорок восемь сантиметров. То есть порядка одной триллионной доли угловой секунды. Может быть, даже меньше. Я еще не производил точные расчеты. Погрешность пренебрежимо мала».

Джей стряхнул пепел на пол небрежным движением мизинца: «Может быть, следовало бы установить гирокомпасы – на всякий случай».

Хирэм ответил резко и холодно: «Гирокомпас не идет ни в какое сравнение с системой космического золотника».

«Объясните Джею, как она работает, – предложил Бэннерс. – Я сам никак не могу в ней разобраться. Знаю только, что „Шток“ и „Гильза“ поочередно летят впереди...»

Хирэм объяснил – напряженно, нетерпеливо: «В свободном полете объект движется, не отклоняясь от курса, если объект изолирован от гравитационных полей в расслаивающей пространстве оболочке. Наша задача – в том, чтобы сохранить такой безошибочный курс в условиях ускорения. Мы решили использовать два корабля, поочередно ускоряющихся, а затем переходящих в режим свободного полета – таким образом корабль, находящийся в свободном полете, сможет корректировать курс ускоряющегося корабля».

Допустим, один из компонентов системы находится в свободном полете – скажем, цилиндрический корабль, «Шток». Полая «Гильза» летит в пятнадцати тысячах километров за кормой «Штока». «Гильза» ускоряется; при этом возможно едва заметное отклонение от курса. Как только расслаивающиеся пространство оболочки сближаются, производится сверка радаров двух кораблей, и любое отклонение от курса корректируется. «Гильза» обгоняет «Шток», пропуская его через себя, ее двигатели отключаются, и она движется впереди в режиме свободного полета. Когда «Шток» отстаёт на пятнадцать тысяч километров, он начинает ускоряться и пролетает через полость «Гильзы». Процесс повторяется автоматически с высокой частотой и обеспечивает прецизионную коррекцию курса».

Бэннерс серьёзно спросил: «Разве все эти включения-выключения двигателей не приведут к постоянной встряске?»

Джей положил ногу на стол: «Не приведут. У тебя устаревшие представления, папа. В последнее время инерцию кораблей удалось полностью нейтрализовать. Мы не почувствуем никакого ускорения – только нормальное земное притяжение встроенного гравитрона».

Бэннерс снисходительно рассмеялся и хлопнул Хирэма по напрягшемуся от такой фамильярности плечу: «Вот видите, Эрб? Этот парень далеко опередил нас, старых хрычей... Такова жизнь! Пора уступить место новому поколению».

Джей безмятежно выпустил струю дыма. Несколько секунд Хирэм молча смотрел на юношу, после чего сделал пару шагов назад и вперед.

«Бэннерс! – сухо сказал он. – Учитывая все обстоятельства, я не считаю, что вашему сыну следует участвовать в экспедиции».

Джей поднял брови, уголки его губ опустились. Старший Бэннерс раздраженно поднял глаза, но его лицо тут же смягчилось: «Послушайте, Эрб! Я знаю, что это опасно, и понимаю, что вы не хотите брать на себя такую ответственность. Но Джей не откажется от своего намерения. Насколько я понимаю, он хочет сбежать подальше от какой-то девицы. И я тоже хотел бы, чтобы он полетел с вами. По сути дела, я сам подумывал о том, чтобы присоединиться к экспедиции...»

Хирэм поспешно вмешался: «Ладно, хорошо! Предупреждаю, однако, молодой человек – тебе придется нелегко. Придется сразу выполнять приказы, без разговоров. Если ты это понимаешь... Пожалуй, здесь не о чем больше говорить».

«Ничего, ничего – вы поладите! – заявил Бэннерс. – Принимая во внимание ваш опыт, Эрб, и подготовку Джея, не вижу, каким образом проект не завершился бы потрясающим успехом! Только подумайте, Эрб! Экспедиция Хирэма-Бэннерса! Эрб Хирэм – капитан, Джей Бэннерс-младший – навигатор! Что может быть лучше?»

«Головокружительная перспектива!» – съязвил Хирэм.

Джей бросил окурок на пол и задумчиво сказал: «Вы знаете, вполне может быть, что эта чехарда со „Штоком“ и „Гильзой“ сработает, но я все-таки больше доверяю старому доброму гирокомпасу... Нужно захватить с собой по меньшей мере пару гироскопов, для регистрации корроборативного показателя».

Хирэм нахмурился и презрительно спросил: «Корроборативный показатель? Это еще что такое?»

«Недавно разработанная концепция, – ответил Джей. – Я вам как-нибудь ее разьясню. Грубо говоря, это усредненное значение площади интеграла под множеством вероятностных кривых, каждая из которых построена с применением соответствующего весового коэффициента».

Бэннерс многозначительно кивнул: «У парня есть голова на плечах, Эрб. Может быть, лучше действительно установить пару гироскопов. Лишняя предосторожность не помешает».

Хирэм слегка поклонился в сторону Джея: «Поручаю тебе оснащение корабля гироскопами. Проследи за тем, чтобы их объем не превышал примерно половину одной десятой кубометра».

Джей не возражал: «Прекрасно. Я могу сделать так, чтобы они заняли еще меньше места. Гироскопы стали точнее и миниатюрнее с тех пор, как вы их видели в последний раз, господин Хирэм». Юноша погладил верхнюю губу: «По сути дела – если не возражаете – я мог бы полностью избавить вас от необходимости заботиться о навигации. Я в этом деле неплохо разбираюсь – на занятиях по астронавигации получал только отличные оценки».

Хирэм хрюкнул: «Не выйдет, молодой человек! Объяснимся начистоту – сию минуту! Ты будешь делать то, что тебе прикажут, и держать при себе школьные фантазии, пока тебя не попросят высказать свое мнение!»

Джей с изумлением уставился на физика, повернулся и взглянул на отца; тот торжественно покачал головой: «Так оно и будет, Джей. Старина Эрб – крепкий орешек. Попробуешь ему перечить – узнаешь, где раки зимуют. Как он скажет, так и будет, заруби это себе на носу».

Команду «Штока», цилиндрического корабля, составляли Хирэм, Джей Бэннерс-младший, молчаливый техник по имени Боб Галт и кок Джулиус Джонсон – улыбчивый субъект с волосами оттенка жженого сахара, плоским лицом и плоской макушкой. На борту трубчатого корабля, «Гильзы», разместились два опытных астронавта, Арт Генри и Джо Лавиндар.

Запуск снимали кинокамерами и телекамерами; наблюдать за ним собралась толпа из четырех миллионов человек. Два корабля взлетели один за другим, чтобы встретиться в полутора миллионах километров от Земли, за орбитой Луны. Там они должны были сориентироваться и взять курс на Денеб в созвездии Лебеда, чуть севернее галактической плоскости Млечного Пути.

Хирэм собрал команду в небольшом салоне под рубкой управления, служившем одновременно столовой, спальней и комнатой отдыха. Боб Галт сидел на конце скамьи – сутулый тонкокостный человек, совершенно самоуверенный и самодостаточный, напоминавший сердитого попугая. Рядом с ним пристроился кок Джулиус – его широкий рот кривился вечной ухмылкой. Джей развалился на другом конце скамьи, скрестив ноги и полукрыв глаза.

Хирэм повернулся к ним лицом – коренастый, прямой, с только что подстриженным ежиком седеющих волос.

«Вам известно, господа, что нам предстоит долгий и трудный полет. Если мы вернемся, мы вернемся героями. Вполне вероятно, однако, что мы никогда не вернемся. Если космос бесконечен, мы будем лететь вечно. Если мы отклонимся от прямого курса, мы потеряемся – и тоже никогда не вернемся. Кроме того, конечно, существуют самые фантастические возможности – на нас могут напасть космические корабли инопланетян или существа, живущие в безвоздушном пространстве. Сами понимаете, что подобной чепухой можно пренебречь».

Наибольшую опасность создаем мы сами. Скука, мелочное раздражение – наши худшие враги. Здесь тесно, мы буквально будем жить бок о бок. Трудно представить себе ситуацию, быстрее провоцирующую самое худшее в характере человека. С вами, Боб и Джулиус, я уже летал неоднократно – знаю, что на вас можно положиться. Ты, Джей, представляешь своего отца – уверен, что так же, как все остальные, ты стараешься как можно меньше действовать другим на нервы.

Работы у нас немного. Хотелось бы, чтобы ее было больше. Джулиус, конечно, будет готовить еду и заведовать камбузом, – в голосе Хирэма появилась ироническая нотка. – Джей может заботиться о своих гироскопах – насколько я понимаю, он намерен регистрировать их показания... Что ж, каждому свое, как говорится.

Я возьму на себя первую вахту, вторую будет нести Джей, третью – Боб. Наши основные обязанности состоят в том, чтобы смазывать механизмы, отмечать в журнале то, что мы сможем

увидеть на смотровых экранах, и следить за тем, чтобы эффективность расслоения пространства не выходила за пределы заданного диапазона. Каждый несет ответственность за соблюдение правил гигиены, в том числе в том, что относится к одежде и постели. Важность чистоты и аккуратности трудно переоценить. Ничто не деморализует команду больше, чем неряшливость и беспорядок. Бриться и носить свежую одежду – обязательно... Пока что это всё».

Хирэм повернулся и бодро поднялся в рубку управления.

Луна висела в пространстве слева под кораблем, как чудовищная серебристая дыня, покрытая разбросанными пятнами черной накипи. Прямо впереди дрейфовал тороидальный корабль, «Гильза» – в его отверстии мерцали звезды.

Хирэм направил нос цилиндрического корабля на это отверстие и замкнул переключатель. Цилиндр вздрогнул и задрожал; включились реле, совмещающие направляющие лучи – центральные оси двух кораблей точно совместились.

Прямо по курсу сиял Денеб – первый и последний ориентир в их полете вокруг Вселенной.

Хирэм вызвал «Гильзу» по радио: «У вас все в порядке?»

«Мы готовы», – отозвался Генри.

«Включайте генератор поля», – сказал Хирэм. Он замкнул еще один переключатель; гравитрон зажужжал – но дребезжащий звук вскоре сменился тихим равномерным гулом. Теперь команда и весь корабль были свободны от инерции.

Хирэм повернул блестящий верньер – полет начался.

Через мгновение на боковых экранах промелькнула вперед «Гильза». Еще через мгновение «Шток» промчался сквозь «Гильзу». Мелькание становилось все чаще, превратилось в трепещущую полосу и в конце концов исчезло.

Звезды стали перемещаться, проскальзывая одна за другой подобно невесомым блесткам в пронизанном солнечными лучами воздухе. Они пролетали мимо то плотной толпой, то редкими россыпями – скопления и стайки светил перемежались полыхающими облаками газа; оказываясь за кормой, звезды тут же пропадали – свет отставал от «Штока» и «Гильзы», обгонявших друг друга, как пушинки, подхваченные внезапным шквалом.

Сполохи, вспышки, проблески – пары, трио и квартеты звезд, многочисленные группы торопливых звезд, потоки звезд, а иногда и отдельные одинокие звезды, мигающие, как светлячки. Звезды стремительно приближались издали и проносились сверху, снизу, справа и слева, как искры на ветру. Через некоторое время звезды исчезли и спереди, и на боковых экранах: «Шток» и «Гильза» проникли в межгалактическое пространство.

Скорость постоянно возрастала; два корабля проскакивали один мимо другого с лихорадочной частотой работающего поршневого двигателя, направляя друг друга по геометрически прямой линии – настолько прямой, что на расстоянии тысячи световых лет ошибка могла составить километров сто, причем на гораздо большем расстоянии даже эта погрешность, скорее всего, уменьшилась бы благодаря взаимному вычету отклонений в разных направлениях.

Джей проверил показания гирокомпасов. Понаблюдав за прибором минуту-другую, он постучал пальцем по корпусу прибора: «Так держать! – объявил он. – Летим прямо по курсу».

«Рад слышать! – язвительно отозвался Хирэм. – Не спускай глаза с компаса».

Огромная туманность Андромеды проплыла под кораблем – приплюснутый водоворот ледяного огня – и пропала за кормой.

Скорость, скорость, скорость! Ускорение достигло предельной частоты срабатывания реле, чередовавших позиции кораблей. Теперь «Шток» и «Гильза» перемещались в пространстве почти мгновенно.

Вахта сменяла вахту, проходили дни. Галактики пролетали мимо, как святящиеся летучие мыши – порхающие часовые пружины, горячие сгустки газа. В начале и в конце каждой

смены Джей проверял показания гироскопа, а затем проводил два-три часа, занося в журнал различные записи: подробности полета, философские заметки, результаты наблюдений за характером спутников.

Джулиус и Боб играли в карты и в шахматы; время от времени к ним присоединялся и Хирэм. Джей сыграл несколько партий в шахматы – достаточно для того, чтобы понять, что Джулиус мог выигрывать у него столько, сколько хотел – и потерял интерес к этому занятию. Джулиус ухмылялся, как всегда, и говорил очень мало; Боб, нахохлившийся, как раздраженный попугай, вообще ничего не говорил. Хирэм держался отстраненно, бдительно и неотступно наблюдая за всеми деталями жизни на борту и показаниями приборов и, по мере необходимости, давал указания старательно сдержанным тоном. После нескольких тщетных попыток критиковать навигационные методы Хирэма Джей стал таким же молчаливым, как остальные.

Одна за другой, галактики улетали в бездну небытия. По окончании каждой смены Джей напряженно приглядывался к гироскопу.

Однажды он подозвал Хирэма: «Мы отклонились от курса. Смотрите – не может быть никаких сомнений! На целый градус. Я слежу за этим уже несколько дней».

Несколько секунд Хирэм смотрел на прибор, затем покачал головой и почти отвернулся: «Где-то возникла прецессия».

Джей шмыгнул носом: «Скорее всего, разладилась фокусировка совмещения корпусов».

Хирэм свысока взглянул на гироскопы и холодно ответил: «Вряд ли. Радары автоматически калибруются, с двойной поверкой. Не забывай, что используются два независимых комплекта датчиков – один корректирует фокусировку на основе интерференции волн, другой – посредством корреляции угловой величины и мощности излучения. Они точно синхронизированы. В случае нарушения синхронизации подавался бы сигнал тревоги... Твой гироскопас в чем-то ошибается».

Бормоча себе под нос, Джей снова взглянул на индикатор: «Один градус! Это миллион световых лет – сто миллионов световых лет...» Но Хирэм уже ушел.

Джей уселся рядом с гироскопасом и стал наблюдать за его индикатором, как кошка, следящая за перемещением рыбок в аквариуме. Если он был прав, корабли экспедиции были безвозвратно потеряны. Опустившись на четвереньки, он как можно тщательнее проверил состояние каждого компонента гироскопа – судя по всему, с ними все было в полном порядке.

Джей безутешно подошел к столу, за которым сражались в шахматы Боб и Джулиус, постоял, заложив руки за спину. Техник и кок не обращали на него никакого внимания.

«Вот таким образом! – Джей вздохнул, обернувшись туда, где лежал гироскопас. – Нам конец. Мы заблудились».

«Неужели? Почему?» – спросил Джулиус, передвинув пешку.

«Гироскопы не могут ошибаться, – сказал Джей. – Судя по их показаниям, мы отклонились от курса на градус».

Боб Галт бросил на Джея безразличный взгляд и снова сосредоточил внимание на шахматной доске.

«Я сообщил об этом капитану, – с горечью прибавил Джей. – Я говорил ему еще перед запуском, что его система коррекции курса слишком сложна, чтобы на нее можно было положиться».

«Мы все когда-нибудь умрем, приятель, – отозвался Джулиус. – Почему бы не умереть в глубоком космосе? Я не беспокоюсь. Жратва у нас подходящая, а старина Галт скоро получит мат...» Ухмылка кока стала еще шире.

Боб фыркнул: «Мы еще посмотрим!» Он переставил коня, угрожая пешке: «Как тебе это понравится?»

Джулиус наклонил большую голову над доской: «Не нервничай, приятель, любуйся видами...»

Джей поколебался, отвернулся, перешел в другой конец салона и бросился на койку, беззвучно шепча ругательства. Так он пролежал минут двадцать, уставившись в потолок. Отклонение от курса на целый градус...

Приподнявшись на локте, Джей следил за тем, как галактики проносились мимо на смотровых экранах. Звезды – миллионы, миллиарды звезд, закрученные в мерцающие водовороты. Бесчисленные безымянные миры, неизвестные астрономам на далекой былинке Земли... Он подумал о Земле, затерянной на таком расстоянии, что она казалась уже недостижимой. Как они смогут снова найти эту драгоценную крупинку? Скорее всего, если бы они вернулись в родную Галактику, Землю можно было бы найти. Но они отклонились от курса на целый градус! И никому на борту не было до этого никакого дела... «Будь они прокляты! – яростно размышлял Джей. – Тупые животные, неспособные даже позаботиться о спасении своей шкуры! Но у него, Джея Бэннерса-младшего, еще вся жизнь впереди!» Если бы ему удалось, однако, восстановить правильный курс корабля, у них еще сохранился бы какой-то шанс найти Млечный Путь на обратном пути. И все они – Хирэм, Боб Галт и Джулиус – только поблагодарят его за это. Обменяются шутками-прибаутками, поворчат – и, конечно же, упрямый Хирэм станет расхаживать взад и вперед, выпрямившись и заложив руки за спину. Но даже ему придется сказать Джею спасибо за возможность вернуться домой – придется отступить и признать свою ошибку... А если вся эта история обнаружится... Воображение стало рисовать Джею роскошные картины. Газеты, телевидение, восторженные приветствия толпы на улицах...

Джей поднялся на ноги. Хирэм спал на своей койке, аккуратно скрестив ноги в белых носках.

Джей посмотрел по сторонам. Строго говоря, уже началась вахта Галта – но, поглощенный игрой, он занес руку над ферзем, не замечая ничего вокруг. Джулиус, нахмурившись, поглаживал рот большой желтоватой ладонью.

Джей прошел по салону, поднялся по трем ступеням в рубку управления и небрежно облокотился на навигационный стол, глядя на передний смотровой экран. Черная бездна – и в ней галактики, как светящиеся медузы в полночном океане. Они приближались из невообразимых далей и бесшумно проплывали мимо – при этом ближайшие перегоняли дальние, создавая неправдоподобную иллюзию перспективы.

Гипнотическая картина космоса успокаивала, как молчаливое, великолепное сновидение... Из салона послышался смех Джулиуса. Джей моргнул, встрепенулся, снова сосредоточился. Он осторожно пригляделся к секции приборов управления на металлической стойке справа. Доступ к этой секции был разрешен только Хирэму. Джей посмотрел на боковой смотровой экран. Другой корабль, «Гильзу», конечно же, невозможно было заметить – он обогнал «Шток» и отставал от него с постоянно возрастающей частотой. Джей взглянул на компьютерный индикатор скорости: 6200 световых лет в секунду, и с каждой секундой значение увеличивалось. Ага, вот он! Блестящий ребристый верньер. Одно прикосновение привело бы к практически незаметному уменьшению мощности луча с одной стороны и, следовательно, к смещению оси, вдоль которой летели оба корабля.

Джей шагнул, как бы невзначай, к секции приборов управления, быстро протянул руку, прикоснулся к верньеру... Что-то с ужасной силой ударило его в плечо. Джей отпрянул и упал на палубу. Он увидел три пары ног, услышал безжалостный хриловатый голос: «Я ждал чего-то в этом роде с тех пор, как он показал мне свой дурацкий прибор».

«Парень просто ошалел с непривычки», – беззаботно и безучастно отозвался голос Джулиуса.

Ноги Боба Галта резко повернулись на пол-оборота.

Хирэм продолжал тем же резким, хриловатым тоном: «Поднимите его, уложите на койку и пристегните к стойке... Джулиус, забинтуй пулевую рану. Нельзя позволять этому лунатику бродить где попало».

Джею не на что было пожаловаться. Джулиус тщательно обработал и забинтовал его рану; большие, желтовато-коричневые руки кока двигались быстро, точно и осторожно – при этом он продолжал ухмыляться.

Ему приносили еду на подносе, его выпускали в туалет. Больше на него не обращали никакого внимания. Какой бы скучной ни была жизнь на корабле, даже она проходила мимо него. Его присутствие игнорировали, с ним никто не разговаривал, и он ни с кем не говорил.

Со своей койки он мог видеть весь салон и все, что происходило на борту. Главным образом, Джулиус и Боб Галт бесконечно играли в шахматы. Джулиус сидел лицом к Джею, поглаживая большое плоское лицо ладонью, когда позиция на доске приводила его в замешательство или становилась опасной. Галт сидел спиной к Джею, сгорбившись над столом – лишь иногда можно было заметить его угловатый профиль. Хирэм больше не играл ни в карты, ни в шахматы; его основное занятие состояло в том, что он медленно расхаживал взад и вперед по салону. Впрочем, каждое утро и каждый вечер он проводил полчаса, упражняясь на гимнастическом тренажере.

Джей помнил наизусть все детали корабельной рутины. Все повторялось, ничто никогда не менялось. Те же цвета, те же сочетания теней, та же практичная, размеренная поступь Хирэма, та же ухмылка на лице Джулиуса, те же сутулые плечи Галта.

Корабль погрузился в космический мрак. Больше не было никаких галактик, никаких туманностей. Джей слышал, как Хирэм с явным сожалением сказал: «Надо полагать, мы пересекли внешнюю границу расширяющейся Вселенной». И Джей спрашивал себя: «Что теперь? Бесконечность?» Он понимал, что расширяющуюся Вселенную можно было уподобить раздуваемому воздушному шару, четырехмерной оболочкой которого было пространство-время, что речь не шла о триллионах звезд и галактик, разлетающихся в бездну небытия...

Бесконечен ли космос? Суждено ли им лететь до конца своих дней, как сновидениям в окружении вечной ночи? Лететь и лететь – только лететь, и ничего больше, ничего дальше...

Смотровые экраны наполнились глухой, слепой тьмой без единой искорки, без единой вспышки. Тем не менее, они все еще ускорялись. С какой скоростью они теперь летели? Восемь тысяч световых лет в секунду? Десять тысяч?

Джей повернулся спиной к салону, чтобы внести очередную запись в журнал. Теперь он много писал, заполняя страницу за страницей самонаблюдениями и отрывками поэтических набросков, к которым он часто возвращался, переписывая их заново и редактируя. Кроме того, Джей заполнял статистические таблицы: характеристик блужданий Хирэма по салону, в том числе среднего числа его шагов в расчете на квадратный метр площади палубы, закономерностей выбора Джулиусом различных меню. Джей тщательно описывал свои сны и проводил долгие часы, пытаясь проследить происхождение этих снов в своем прошлом. Он формулировал подробные обвинительные заключения в адрес Хирэма – «документальные свидетельства», как он их называл – и не менее обоснованные доводы в оправдание своих действий. Он составлял всевозможные списки: мест, в которых он побывал, друзей, книг, оттенков цветов, песен. Он делал эскизные зарисовки Хирэма, Джулиуса и Боба Галта – снова и снова.

Проходили часы, дни, недели. Разговоры велись все реже и, наконец, полностью прекратились. Джулиус и Боб играли в шахматы, а если Боб спал или выполнял какие-нибудь вахтенные обязанности, Джулиус раскладывал пасьянс – неспешно, аккуратно, разглядывая каждую карту так, словно она преподнесла ему сюрприз.

Шахматы – ходьба по салону – еда – сон – хождение в туалет под безмятежным присмотром Джулиуса. Время от времени Джей подумывал о возможностях нападения на Джулиуса и убийства всех своих спутников. Но с коренастым и жилистым коком было бы трудно справиться. И какую пользу, в конечном счете, принесло бы такое развитие событий?

Мрак на экранах... Двигался ли корабль на самом деле? Или движение как таковое было свойством привычного пространства, где существовали объекты, позволявшие измерять расстояние? Неужели бесконечность была не более чем глухой темной западней, где никакое усилие не приводило к осмысленному результату? Вечная тьма со всех сторон! Что, если бы в этой тьме можно было прогуляться пешком?

Джей отложил журнал, уставившись на экран. Его глаза выпучились. Он что-то прохрипел. Хирэм прервал хождение из угла в угол, обернулся. Джей протянул дрожащую руку, указывая на экран: «Там было лицо! Я видел, как оно заглянуло в корабль!»

Хирэм удивленно посмотрел на смотровой экран. Галт, лежавший на койке, что-то недовольно проворчал во сне. Джулиус продолжал раскладывать пасьянс невозмутимыми движениями безволосых желтоватых рук. Хирэм скептически взглянул на Джея.

Джей воскликнул: «Я не ошибся – говорю вам, я видел лицо! Я не сошел с ума! Там была какая-то белесая фигура, потом она подлетела ближе и в корабль заглянуло лицо...»

Джулиус перестал раскладывать карты, Галт приподнялся на койке, Хирэм подошел ближе к экрану и взгляделся в темноту. Повернувшись к Джею, он грубовато произнес: «Тебе приснилось».

Джей опустил голову на руки, сморгнул навернувшиеся слезы. Так далеко, так далеко от дома... Из космоса заглядывали призраки... Неужели сюда, в бесконечный мрак, улетали души умерших? Затерянные навсегда, бесконечно одинокие, блуждающие в холодной пустоте?

«Я видел лицо, – повторил Джей. – Видел. Что бы вы ни говорили. Я его видел».

«Успокойся, парень, успокойся, – сказал Джулиус. – Так ты всех нас напугаешь».

Джей лежал на боку, уставившись в экран. И громко ахнул: «Я опять его видел! Это лицо, говорю вам!» Джей приподнялся на койке, его длинные черные волосы – теперь уже очень длинные – растрепались и упали на лоб. Его влажный рот дрожал и блестел.

Хирэм подошел к аптечному шкафчику и зарядил инжектор раствором из ампулы. Он подал знак; Галт и Джулиус схватили Джея, удерживая его руки и ноги. Хирэм нажал кнопку – снотворный препарат просочился через бледную кожу Джея в его кровь, в его мозг...

Когда он проснулся, Галт и Джулиус играли в шахматы, а Хирэм спал. Джей испуганно взглянул на экран. Темнота. Чернота. Полное отсутствие света.

Он вздохнул и застонал. Джулиус бросил на него быстрый взгляд и вернулся к изучению шахматной позиции. Джей снова вздохнул и потянулся за журналом.

Тянулись недели, месяцы. Корабль мчался с фантастической скоростью – куда? Однажды Джей позвал Хирэма, расхаживавшего по салону.

«Что тебе?» – резко спросил тот.

«Если вы снимете с меня эти кандалы, – пробормотал Джей, – я мог бы вернуться к выполнению своих обязанностей».

Хирэм ответил сдержанным, бесстрастным тоном: «Очень сожалею, но тебе придется остаться на койке. Это необходимо не в виде наказания, а для обеспечения безопасности экспедиции. Потому что ты вел себя безответственно. Потому что я не могу тебе доверять».

Джей сказал: «Обещаю, что буду вести себя... ответственно. Вы преподали мне урок – я его усвоил... Что, если мы будем лететь бесконечно – вот так? Лететь в никуда? Вы хотите, чтобы я был прикован к постели до конца моих дней?»

Хирэм задумчиво смотрел на него, пытаясь определить, каким могло бы стать самое справедливое решение в сложившейся ситуации.

Галт, поднявшийся в рубку управления, прокричал: «Эй, капитан! Впереди что-то забрезжило! Свет!»

Хирэм подскочил к экрану тремя прыжками. Джей приподнялся на локте, вытянул шею. Далеко впереди в пространстве висела туманная светящаяся сфера.

Хирэм тихо произнес: «Так выглядит с огромного расстояния Вселенная из миллиардов галактик». «Значит, мы возвращаемся, капитан?» – напряженно спросил Галт.

Хирэм медленно ответил: «Не знаю, Боб... Мы улетели далеко – дальше, чем кто-либо мог предположить... Это может быть наша Вселенная – а может быть и другая. Я нахожусь в полном неведении по этому поводу – так же, как и ты».

«Но если это наша Вселенная, мы сможем вернуться домой?»

Помолчав, Хирэм отозвался: «Это одному дьяволу известно, Боб. Надеюсь, что сможем».

«Может быть, лучше притормозить? Мы летим сломя голову».

«Двадцать две тысячи световых лет в секунду. Но замедлиться мы можем гораздо быстрее, чем ускорились. Достаточно постепенно убавить мощность поля».

Наступило молчание. Наконец Галт сказал: «Она расширяется очень быстро...»

Хирэм бесстрастно заключил: «Это не вселенная. Это облако газа. Я сделаю спектральный анализ».

Светящийся туман вырос на глазах, промчался бледным потоком под кораблем, исчез. Впереди осталась только черная тьма. Хирэм спустился из рубки и, опустив голову, возобновил хождение из угла в угол.

Подняв голову, он встретился глазами с Джейм. Тот все еще лежал, опираясь на локоть и глядя вперед, в пустоту.

«Ладно, рискнем! – сказал Хирэм. – Я сниму с тебя наручники».

Джей медленно опустился на спину и расслабился. Хирэм продолжал: «Выслушай указания. Тебе запрещается заходить в рубку управления. В следующий раз я буду стрелять в голову».

Джей молча кивнул. Его глаза блестели за завесой длинных волос. Хирэм вытащил из кармана ключ, открыл замок наручников и тут же возобновил бесцельную прогулку по салону.

Пять минут Джей пролежал, не двигаясь, на койке. Джулиус позвал из камбуза: «Обед готов!»

Джей заметил, что кок разложил на столе четыре столовых прибора.

Джей вымылся и побрился. Свобода казалась незаслуженной роскошью. Он снова жил – даже если жизнь заключалась только в том, чтобы есть, спать и смотреть в темноту. Такова была жизнь. И она могла остаться такой же до конца его дней... Любопытный способ существования. Он казался теперь естественным, приобрел смысл. Земля стала не более чем мимолетным воспоминанием детства.

Гироскопы... Да, гироскопы! Что они скажут теперь? Джей давно о них забыл – может быть, нарочно вытеснил их из сознания как причину, как символ постигшей его неудачи... Тем не менее, что показывали гироскопы?

Он подошел к столику, на котором лежал гирокомпас, и приподнял крышку прибора.

«Что скажешь, приятель? Мы все еще летим по курсу?» – беззаботно спросил Джулиус.

Джей медленно закрыл крышку и сказал: «В последний раз, когда я снимал показания, расхождение составляло один градус. Теперь мы отклонились от курса на семьдесят пять градусов влево!»

Продолжая ухмыляться, Джулиус покачал головой – поведение гирокомпаса явно приводило его в замешательство: «Это уже не ошибка – здесь что-то не так».

Джей закусил губу: «Что-то странное происходит на этом корабле...»

Галт громко закричал: «Эй, капитан! Впереди снова свет – и на этот раз там звезды, чтоб мне провалиться!»

Они приближались к вселенной, как парусный корабль к далекому острову в океане – сначала впереди не было ничего, кроме туманных очертаний, но силуэт становился все больше,

все отчетливее и, наконец, корабль окружили гигантские массы светящейся материи. Галактики проносились мимо, как стаи испуганных птиц – загадочно светящиеся диски.

Хирэм стоял в рубке управления, как мраморная статуя, положив руку на регулятор расхождения пространства. Галт стоял рядом, втянув голову в плечи.

Они пролетали над огромной спиральной галактикой – так близко, что отдельные звезды мерцали и подмигивали, приглашая посетить чудесные неизведанные планеты.

«Похожа на нашу, капитан», – сказал Галт.

Хирэм покачал головой: «Млечный Путь больше. Не забывай, наша Галактика – одна из крупнейших, в несколько раз больше средней величины. Я ищу именно такую галактику. Конечно, – тут он понизил голос, – это может быть вообще не наша Вселенная. Это могут быть галактики другой вселенной. Нет никакой возможности с уверенностью отличить ее от нашей... Если мы заметим, что приближается исключительно крупная галактика знакомой конфигурации – тогда мы отключим подачу энергии к генератору поля».

«Смотрите-ка! – воскликнул Боб. – Вот она, большая галактика – видите? Выглядит в точности, как наша». Его голос торжественно звенел: «Это она, капитан!»

«Не знаю... не знаю, Боб, – неуверенно отозвался Хирэм. – Она слишком далеко, совсем не по курсу... Конечно, мы преодолели чудовищное расстояние, но если мы теперь повернем и ошибемся, мы наверняка заблудимся навсегда».

«Если мы пролетим мимо, мы уже никогда не вернемся», – возразил Галт.

Хирэм колебался, обуреваемый сомнениями. Джей заметил, как покривились его губы. Хирэм протянул руку и взялся за регулятор поля.

Джей неожиданно выпалил: «Это не наша галактика! Это даже не наша вселенная!»

Галт обернулся, побагровел и прикрикнул на него из рубки: «Заткнись!»

Хирэм не обратил внимания на слова Джея. Его пальцы сжались на ручке регулятора.

«Капитан, я могу это доказать. Послушайте!» – взмолился Джей.

Хирэм обернулся: «Как ты можешь это доказать?»

«Гироскоп! – Джей торопился опередить еще один окрик презрительно фыркнувшего Галта, пробить потоком слов стену враждебности, окружавшую Хирэма. – Ось вращения гироскопа никогда не меняется. После того, как мы провели в полете несколько недель, я заметил отклонение в один градус. Я неправильно истолковал это показание. Я думал, что мы сбились с курса. Я ошибся. Гироскоп показывал угол дуги, которую мы пролетели по окружности Вселенной. Один градус из трехсот шестидесяти. Я только что снова проверил показания гироскопа. Отклонение теперь составляет семьдесят пять градусов – но в другую сторону. Или двести восемьдесят пять градусов в ту же сторону. Другими словами, мы проделали больше, чем три четверти пути. А когда ось вращения гироскопа снова совпадет с курсом корабля, мы вернемся домой».

Хирэм прищурился, взглянул на Джея – взглянул сквозь Джея, куда-то гораздо дальше. Раздражение Галта прошло – теперь он скорее побледнел, нежели покраснел, его поджатые губы задумчиво выпятились. Галт с сомнением смотрел на большую галактику, проплывавшую под кораблем.

Хирэм спросил: «Что показывает гироскоп в данный момент?»

Джей подбежал к прибору, откинул крышку: «Двести восемьдесят шесть градусов!»

Хирэм кивнул: «Что ж, будем лететь дальше. Прямо по курсу».

«Шеренгой в затылок и ни шагу в сторону!» – обронил Галт.

Хирэм мрачно усмехнулся: «Шуточки!»

Другая вселенная кончилась, они снова погрузились в океан мрака. На борту возобновился прежний распорядок – но теперь все то и дело настороженно следили за экранами.

Хирэм наблюдал за показаниями гирокомпаса так же внимательно, как это делал Джей; курсовая метка неотвратимо перемещалась день за днем: 290 – 300 – 310 – 320...

Галт проводил все больше времени в рубке управления, глядя вперед, и неохотно спускался даже для того, чтобы поесть. Он больше не играл в шахматы; Джулиус раскладывал пасьянс в одиночку – медленно, внимательно разглядывая каждую карту.

330 градусов. Хирэм присоединился к Галту в рубке и тоже стал нести тревожную вахту.

340 градусов. «Скоро что-то должно появиться», – бормотал Галт, вглядываясь в бездонную тьму.

Хирэм сказал: «Мы не прилетим раньше, чем прилетим».

350 градусов. Галт наклонился вперед, опираясь ладонями на навигационный стол и опустив голову на уровень локтей: «Свет! Я вижу свет!»

Хирэм встал рядом с ним, глядя на бледное свечение посреди переднего экрана: «Так и есть!»

Он отключил ускорение – теперь корабль мчался с постоянной скоростью. Впервые с тех пор, как начался их долгий полет, появился второй корабль – на борту «Штока» уже почти забыли о существовании «Гильзы».

355 градусов. Галактики стали пролетать мимо, как первые здания пригорода – мимо окон поезда-экспресса.

357 градусов. Команда «Штока» чувствовала себя так, словно они проезжали по улицам родного города после длительного отсутствия.

358 градусов. Все с напряженным ожиданием вертели головами, поглядывая то на один смотровой экран, то на другой. Хирэм расхаживал по палубе с необычной поспешностью, приговаривая: «Слишком рано, слишком рано... Еще лететь и лететь...»

359 градусов. Хирэм молчаливо согласился с присутствием Джея в рубке управления: они стояли, сгрудившись вчетвером, указывая то на одну галактику, то на другую, бормоча и покачивая головами.

360 градусов. «Вот она! И вправду большая! Словно увидел лицо старого знакомого!»

Прямо впереди светилась огромная спиральная галактика. Она становилась все больше, мерцающие потоки звезд распахнулись, словно обнимая корабль. Хирэм убавил мощность генератора поля, расслаивающего пространство. Корабль пришел в соприкосновение с вакуумом материального мира и замедлился, как пуля, выпущенная в воду.

Они медленно проплыли мимо окраинных звезд, пересекли далеко раскинувшиеся газовые облака, оставили позади шаровые скопления, миновали центральное ослепительное вздутие Галактики...

Прямо впереди, как по волшебству, в черном небе показались знакомые сочетания звезд.

«Прямо по курсу! – воскликнул Хирэм. – Смотрите! Вот созвездие Лебеда – отсюда мы начали путь... А там, прямо впереди – эта желтая звезда...»

ОЧАРОВАННАЯ ПРИНЦЕССА

Джеймс Эйкен узнал человека, стоявшего у конторки в приемной – Виктора Мартинона, бывшего режиссера-постановщика из киностудии «Карнавал». Мартинона уволили во время недавнего сокращения кадров, когда от заголовков в журнале «Варьете» мурашки пробегали по коже каждого, кто работал в отрасли. Если выгнали даже знаменитого скандальными выходами Мартинона, снимавшего прибыльные фильмы, кто мог чувствовать себя в безопасности?

Озадаченный присутствием Мартинона в детской клинике Кребиуса, Эйкен подошел к конторке. Неразборчивый любовник, Мартинон никогда не состоял в браке достаточно долго, чтобы у него завелись дети. Если же Мартинон находился в клинике по той же причине, по которой туда явился Эйкен – что ж, тогда это было совсем другое дело. Эйкен внезапно заинтересовался.

«Привет, Мартинон!»

«Привет», – отозвался Мартинон так, как если бы не узнал Эйкена. Может быть, так оно и было.

«Я работал с тобой на съемках „Лунного света“ – монтировал сцену на „Яхте мечты“».

«Ах, да. Пришлось здорово попотеть. Ты все еще в „Карнавале“?»

«Нет, у меня теперь своя лаборатория. Снимаю спецэффекты для телевидения».

«Каждому нужно чем-то зарабатывать на жизнь, – заметил Мартинон, тем самым подразумевая, что ниже Эйкен опуститься уже не мог.

Губы Эйкена задрожали, его обуревали противоречивые эмоции: «Если ты когда-нибудь снова займешься режиссурой, не забывай про меня».

«Ага. Обязательно».

В любом случае, Мартинон Эйкену никогда не нравился. Высокий и широкоплечий, лет сорока, с напояженными серебристыми волосами, расчесанными до блеска, большими темными глазами, окруженными мелкими морщинками, он напоминал филина, а встопорщенными усами – кота. Мартинон всегда одевался с иголки. У Эйкена не было усов; смуглый и жилистый, он слегка прихрамывал из-за пулевого ранения, полученного в Корее, и поэтому выглядел старше своих двадцати пяти лет. Мартинон вел себя обходительно, от него пахло вереском. Угловатый Эйкен говорил отрывисто, и от него ничем особенным не пахло.

Эйкен обратился к медсестре, сидевшей за конторкой: «У вас сынишка моей сестры. Банни Тедроу».

«Да-да, Банни. Замечательный маленький мальчик!»

«Вчера она приходила его навестить и рассказала мне о фильме, который вы ей показали. Я хотел бы посмотреть этот фильм. Если это возможно, конечно».

Медсестра покосилась на Мартинона: «Не вижу, почему бы это было невозможно. Думаю, однако, что вам лучше поговорить с доктором Кребиусом. Или, если господин Мартинон не возражает...»

«О! – Эйкен взглянул на Мартинона. – Значит, это ты снимаешь здесь фильмы?»

Мартинон кивнул: «Можно сказать и так. Экспериментальные съемки, конечно. Не знаю, почему бы кому-то хотелось проверять эти кадры».

«А вот и доктор Кребиус!» – безмятежно заметила медсестра. Мартинон нахмурился.

Доктор Кребиус оказался коренастым краснолицым человеком с прямолинейными манерами. Его шевелюра была еще белее, чем у Мартинона, и торчала над головой, как метелка. Он носил белый халат; от него исходил едва уловимый аромат чистого белья и йодоформа.

Медсестра сказала: «Этот господин слышал про наши фильмы и хотел бы их посмотреть».

«А! – доктор Кребиус вперил в Эйкена глаза, подобные блестящим голубым шарикам. – Наши истории для малышей». Он говорил ворчливо и гортанно, с сильным акцентом: «А кто вы такой?»

«Меня зовут Джеймс Эйкен. Вчера моя сестра видела ваш фильм и рассказала мне о нем».

«Ага! – буркнул Кребиус, повернувшись к Мартинону так, словно собирался похлопать того по плечу. – Может быть, нам пора брать плату за просмотр, а? Делать деньги для больницы?»

Мартинон сдержанно произнес: «Эйкен работает в киностудии. Его интерес носит профессиональный характер».

«Вот и замечательно! Что с того? Пусть смотрит! Это ничему не помешает!»

Мартинон пожал плечами и удалился по коридору.

Кребиус снова повернулся к Эйкену: «Мы не можем показать ничего особенного. Просто несколько коротких историй на радость детишкам». Врач взглянул на часы: «Через шесть минут, точно в два часа пополудни. Мы работаем по расписанию, не опаздываем ни на секунду. Таким вот образом – лечим больные детские ножки, слепые глаза».

«Неужели? – отозвался Эйкен. – Слепых детей вы тоже лечите?»

«Моя специальность! Разве вы не слышали о клинике Кребиуса в Лейпциге?»

Эйкен покачал головой: «К сожалению, не слышал».

«За десять лет мы сделали там огромную работу. Далеко опередили всё, что умеют в Америке. Почему? Потому что впереди – еще больше работы, нужно смело браться за дело!» Кребиус постучал Эйкена по груди жестким коротким пальцем: «Два года назад мне пришлось покинуть нашу чудесную больницу. С коммунистами невозможно иметь дело. Они приказали мне делать линзы, чтобы солдаты лучше прицеливались из ружей. Я исцеляю глаза, а не заставляю людей закрывать их навеки. Я приехал сюда».

«Хорошо вас понимаю», – откликнулся Эйкен. Он колебался. Явная неприязнь Мартинона вызвала у него неудобное ощущение. Не вмешивался ли он не в свое дело?

Кребиус поглядывал на него из-под мохнатых бровей.

«Кстати, – сказал Эйкен, – как уже упомянул Мартинон, я занимаюсь съемкой специальных эффектов. И в моей профессии нужно быть на переднем крае всего, что делается в отрасли».

«Разумеется. Почему нет? Меня фильмы не интересуют, это не мое дело. Смотрите, сколько хотите. Мартинон – осторожный человек. Осторожность – это страх. Я не боюсь. Я осторожен только с инструментами, когда работаю. А тогда... – он поднял ладони, поигрывая в воздухе короткими пальцами. – Тогда мои руки надежны, как тиски! Глаз – чувствительный, легко ранимый орган!»

Врач поклонился и ушел по коридору. Эйкен и медсестра смотрели ему вслед. Слегка ухмыльнувшись, Эйкен покосился на медсестру: та тоже насмешливо улыбалась.

«Вы бы на него посмотрели, когда он злится! Не подступись! Я выросла на ферме. Помню, как печка в кухне накалялась докрасна. А если еще и воду на нее пролить...»

«Я сам вырос на ферме», – сообщил Эйкен.

«Вот так и доктор Кребиус – как печка. Вам пора идти. Он не шутит, здесь все делается с точностью до секунды. Прямо по коридору. В самом конце – палата, где сегодня показывают фильмы».

Эйкен прошел по коридору и открыл двустворчатую дверь, ведущую в большое помещение с окнами, затемненными плотными портьерами. На кроватках вдоль стены лежали детские калекки; те, что постарше, сидели в инвалидных колясках посреди палаты. Эйкен поискал глазами Банни, но его вокруг не было. На столе у двери стоял кинопроектор для 16-миллиметро-

вой пленки; на противоположной стене висел экран. Мартинон возился у проектора, протягивая пленку. Он коротко кивнул Эйкену.

Настенные часы показывали без одной минуты два. Мартинон включил лампу и мотор проектора, сфокусировал изображение. Медсестра присела под экраном с большой красной книгой в руках.

Минутная стрелка указывала прямо вверх.

Два часа пополудни.

«Сегодня, – сказала медсестра, – мы увидим еще один эпизод из жизни Одиссея. В прошлый раз, как вы помните, Одиссея и его спутников запер в пещере – на острове, который теперь называется Сицилией – ужасный одноглазый великан Полифем. Полифем, кошмарное чудовище, ел одного грека за другим». По всей палате дети зашевелились и забормотали, предвкушая развлечение. «Сегодня мы увидим, как Одиссей и его друзья готовятся к побегу». Она кивнула. Свет погас. Мартинон запустил проектор.

Что-то затрещало. Белый прямоугольник на экране задрожал, подпрыгнул. Мартинон выключил проектор. Зажегся свет. Беспokoйно нахмурившись, Мартинон наклонился над проектором. Постучав по аппарату костяшками пальцев, он встряхнул его и снова попробовал включить. Раздался такой же треск. Мартинон выпрямился, беспомощно качая головой: «Не думаю, что у нас сегодня что-нибудь получится».

«У-у!» – дети вздохнули и приуныли.

Эйкен подошел к проектору: «В чем дело?»

«Я давно ожидал чего-то в этом роде, – сказал Мартинон. – Барахлит зубчатая передача. Придется отнести аппарат в ремонтную мастерскую».

«Дай-ка мне посмотреть. У меня проектор той же модели, я его знаю вдоль и поперек».

«А, не беспокойся!» – отмахнулся Мартинон, но Эйкен уже изучал механизм. Он вынул из кармана складной нож, раскрыл его и повозился внутри аппарата секунд десять: «Теперь он заработает. Выскочил винт, прижимающий звездочку к приводной шестерне».

«Премногим обязан», – пробормотал Мартинон.

Эйкен присел на стул. Мартинон встретился глазами с медсестрой. Та нагнулась над раскрытой книгой и стала читать вслух. Свет погас.

«Одиссея!» Эйкен увидел огромную пещеру, тускло озаренную пламенем костра. Закопченные стены поднимались так высоко, что исчезали во мраке. Поодаль, сбоку, лежала чудовищная туша, напоминающая человеческую. За спиной спящего великана лихорадочно суетились двенадцать человек – в гигантском задымленном пространстве пещеры они казались миниатюрными манекенами. Они держали над огнем заостренный конец длинного толстого ствола; отблески красного пламени играли и танцевали на их взмокших полубоженных телах.

Камера приближалась к этим людям. Их черты становились различимыми – молодые, стройные воины двигались со страстной решительностью, с героическим отчаянием. Впереди всех стоял Одиссей: человек с лицом Иеговы на фреске Сикстинской капеллы. Он подал знак. Воины взвалили на плечи ствол-копье. Согнувшись под его весом, они торопливо приближались к плохо различимому в сумраке лицу спящего великана – расслабленному, обмякшему лицу идиота с одним глазом посреди лба.

Камера отодвинулась, чтобы продемонстрировать всю длину тела Полифема. Греки подбежали к голове великана с пылающим на конце заостренным столбом. Глаз Полифема удивленно раскрылся, но тлеющий столб тут же вонзился в него – глубоко, глубже, еще глубже!

Голова Полифема дернулась – шест вырвался из рук воинов; греки бросились врассыпную и попрятались в тених. Циклоп судорожно схватился за лицо и выдернул ствол из глаза. Вскочив, он стал метаться по пещере, хватая воздух одной рукой и прижимая ладонь другой к окровавленному лицу.

Камера сосредоточилась на греках, прижавшихся к стенам. Кривые толстые ноги великана протопали мимо них. Гигантская рука ловила воздух, шурша по стене над самыми их головами. Греки затаили дыхание; пот блестел у них на груди.

Спотыкаясь, Полифем отошел в сторону и забрел в костер, разбрасывая ступнями горящие поленья; жаркие угли разлетелись во все стороны. Циклоп отчаянно взревел.

На экране снова появились греки – они привязывались под гигантскими овцами.

Полифем стоял у входа в пещеру. Он отодвинул загородившую вход скалу и, расставив ноги над проходом, ошупывал спину каждой проходившей между его ногами овцы.

Греки пустились со всех ног к золотистому пляжу, отчалили на галере по винно-черным волнам и подняли парус – ветер помчал их в открытое море.

Полифем тоже спустился на пляж. Он поднял валун и швырнул его. Медленной дугой летел огромный камень, опускаясь все ближе к греческому кораблю. Валун обрушился в море: галеру высоко подбросило фонтаном воды и ярко-белой пены. Циклоп нагнулся, чтобы взять еще один валун. Экран потемнел.

«Вот и все на сегодня», – заключила медсестра.

Дети разочарованно вздохнули и принялись болтать.

Мартинон взглянул на Эйкена со странной перекошенной усмешкой: «Ну, что ты об этом думаешь?»

«Неплохо! – отозвался Эйкен. – Даже совсем неплохо. Местами заметны недоделки. Не помешало бы внимательнее изучить источники. Это парусное судно скорее напоминало баркас викингов, а не древнегреческую галеру».

Мартинон безразлично кивнул: «Это не мои съемки. Меня всего лишь наняли, чтобы я показывал фильм. Должен с тобой согласиться: изобретательно, но техники недостаточно. Что характерно для всех авангардистских экспериментов».

«Я не узнал никого из актеров. Кто сделал эту картину?»

«Студия „Мерлин“».

«Никогда о ней не слышал».

«Их компанию только что сформировали. В этом участвовал один мой приятель. Он попросил меня показать фильм детям, проверить их реакцию».

«Им понравилось», – заметил Эйкен.

Мартинон пожал плечами: «Детям легко угодить».

Эйкен повернулся, чтобы уйти: «До скорого и – спасибо!»

«Не за что».

В коридоре Эйкен встретился с доктором Кребиусом – тот беседовал с хорошенькой блондинкой лет шестнадцати или семнадцати. Кребиус приветствовал его дружеским взмахом руки: «Как вам понравился фильм?»

«Превосходная работа! – отозвался Эйкен. – Но кое-что вызывает недоумение».

«Ага! – Кребиус хитро подмигнул девушке. – Мы должны хранить наши маленькие секреты».

«Секреты? – промурлыкала девушка. – Какие секреты?»

«Ах да, я забыл! – спохватился врач. – Ведь ты не знаешь никаких секретов!»

Эйкен, смотревший на девушку с напряженным вниманием, бросил быстрый взгляд на врача. Кребиус кивнул: «Это юное создание – Кэрол Бэннистер. Она слепая».

«Очень сожалею!» – откликнулся Эйкен. Кэрол перевела на него глаза – широко раскрытые, голубые, отливающие синевой голландского фарфора, мягкие и спокойные. Теперь Эйкен понял, что девушка была года на два старше, чем показалось с первого взгляда.

Кребиус погладил ее шелковистые светлые волосы – так, словно гладил собачку: «Да, очень жаль, когда такие привлекательные девушки не могут видеть и флиртовать, как другие,

заставляя биться сердца влюбчивых парней. Но в случае Кэрол... что ж, мы работаем и надемся. Кто знает? Может быть, в один прекрасный день она будет видеть не хуже нас».

«Я очень на это надеюсь», – сказал Эйкен.

«Благодарю вас», – тихо ответила девушка. Эйкен попрощался с ней и с врачом.

Вернувшись к себе в лабораторию в необъяснимо мрачном настроении, он почувствовал, что неспособен взяться за работу. Целый час он сидел, курил и размышлял. Затем, вдохновленный неожиданной мыслью, он позвонил приятелю – репортеру, добывавшему сведения для знаменитого голливудского журналиста.

«Привет, Ларри! Это Эйкен».

«Пахнет чем-нибудь новеньким?»

«Хотел бы разузнать, что происходит в студии „Мерлин“. Ты что-нибудь слышал?»

«Нет. Никогда о них не слышал. А чем они занимаются?»

Эйкен решил, что ему, пожалуй, стоило не затягивать разговор: «Снимают короткометражки. Сказки, мифы – в таком роде».

«И у них хорошо получается?»

Эйкен вспомнил сцены в пещере Полифема и снова почувствовал острое любопытство: «В общем-то да. Очень даже неплохо. По сути дела – великолепно получается».

«Неужели? Студия „Мерлин“?»

«Вот именно. И я думаю – это всего лишь предположение – что во всем этом каким-то образом замешан Виктор Мартинон».

«Мартинон, а? Спрошу у Фиделии». Фиделия была начальницей Ларри. «Может быть, она что-то слышала. Если это полезная наводка – спасибо».

«Не за что».

Через час Ларри вернул звонок: «Мне удалось выяснить три вещи. Во-первых, никто в киноиндустрии ничего не знает о студии „Мерлин“. Во-вторых, Вик Мартинон в последнее время затеял какое-то очередное мошенничество и при этом время от времени ссылается на студию „Мерлин“. В-третьих, сегодня вечером у этой студии предварительный просмотр».

«Сегодня? Где?»

«В кинотеатре „Гарден-Сити“, в Помоне».

«Очень любопытно. Спасибо, Ларри!»

Эйкен вытерпел последние пять минут полнометражного фильма, вслед за которым сразу показали диапозитив с объявлением:

«Пожалуйста, не покидайте кинозал! Сейчас у вас будет возможность стать избранными участниками ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ПРОСМОТРА!

Мы будем приветствовать любые замечания».

Текст на экране растворился и сменился титрами:

**«Василиса
ОЧАРОВАННАЯ ПРИНЦЕССА**

Фантазия на основе старинной русской сказки

СТУДИЯ «МЕРЛИН»».

Серебристо-зеленый фон постепенно сменился оранжевым, на котором жирным серым шрифтом значилось:

«Режиссер-постановщик: Виктор Мартинон».

Никаких других сведений не было. Оранжевый фон рассеялся и превратился в серую дымку с блуждающими, едва заметными пятнами розового и зеленого оттенка.

Послышался голос: «Я увожу вас в дальние дали, в незапамятное прошлое... Некогда жил-был на Руси молодой дровосек по имени Иван. Возвращаясь из лесу, он нашел голубку, лежавшую под деревом. У голубки было сломано крыло; она смотрела на Ивана так печально, что он ее пожалел...»

Туман рассеялся, и взорам зрителей открылся сказочный мир – пейзаж, напоенный сиянием, богатством и разнообразием оттенков, пейзаж страны одновременно реальной и фантастической, страны, где каждый надеялся побывать, понимая, что это несбыточная мечта. Там был древний лес, подсвеченные солнцем поросли папоротников, сочные белые цветы, россыпи фиалок. Листву – коричневую, золотистую, рыжеватую, лимонно-зеленую и темно-зеленую – тоже пронизывали лучи солнечного света. За лесом простирался обширный луг, усеянный ромашками, лютиками, первоцветами, васильками – а вдали, в долине, виднелись коньки темных деревянных крыш и луковичный церковный купол.

Рассказ диктора продолжался: «Иван выходил голубку и получил за это малахитовый ларец. Как только он открыл ларец, на лугу вырос роскошный волшебный дворец, окруженный прекрасными садами, террасами из слоновой кости, статуями из нефрита, черного агата и киновари.

Морской Царь, проезжая мимо, увидел дворец и разгневался на Ивана за такую дерзость. Царь заставил Ивана выполнять невозможные поручения – вырубить целый лес за одну ночь, построить летучий корабль, объезжать железного жеребца.

Но голубка помогала Ивану. Потому что на самом деле она была очарованной Василисой, прекрасной девой с длинными светлыми волосами медового оттенка...»

Сказка продолжалась, полная чудес – героических битв, чародейства, походов на край Земли – и завершилась, разумеется, поражением заносчивого Морского Царя.

Зрители затаили дыхание. Каждый уставился на экран так, словно переживал самые драгоценные моменты своей жизни. Пейзажи, насыщенные сказочным светом, сияли розовыми, голубыми, черными, золотыми тонами. Каждая сцена поражала богатством воображения: реальной, осязаемой правдой поэзии. Царь, мощный смуглый персонаж, носил пунцовую мантию, а поверх нее – черные латы, инкрустированные нефритом. Его подручный с бледным перекошенным лицом, по прозвищу Чумичка, ковылял на кривых ногах, дико озираясь вокруг.

Повествование кишело чудищами и баснословными существами: грифонами, кустами-людоедами, ходячими рыбами и жар-птицами.

А Василиса! Как только Эйкен увидел Василису, он восторженно зашептал. Быстроногая девушка с золотистыми волосами, нежная, как пушинка одуванчика, Василиса Прекрасная радовала глаз подобно только что распустившемуся цветку. Василиса была таким же сказочным созданием, как чудесный дворец Ивана. Так же, как волшебные пейзажи ее страны, она возбуждала страстную тоску, обреченную и напрасную. В одном из эпизодов она спустилась к реке, чтобы поймать ведьму, обернувшуюся карпом. Под сенью черновато-зеленых тополей речная заводь напоминала бутылочное стекло. Василиса молча стояла, глядя на водную гладь. Карп выпрыгнул из воды, окруженный каскадами серебристых брызг; при этом девушка повернула голову так стремительно, что ее светлые волосы метнулись в сторону.

«Кажется, я совсем сошел с ума!» – сказал себе Эйкен.

В конечном счете Иван и Василиса спаслись от разгневанного Царя. «И с тех пор они счастливо жили во дворце на лугу у Придорожного леса», – завершил рассказ голос диктора. Фильм кончился.

Эйкен глубоко вздохнул. Присоединившись к аплодисментам остальных зрителей, он поднялся на ноги, вышел из кинотеатра и сломя голову помчался на машине домой.

Несколько часов он лежал и размышлял. Волшебная Василиса! Сегодня он ее видел – слепую девушку с шелковистыми светлыми волосами, грациозную, задумчивую, слегка застенчивую. Кэрол Бэннистер – Василиса? Несомненно, и в то же время невозможно. Кэрол – слепая. Василиса прекрасно видела все вокруг ярко-голубыми глазами. «Как странно!» – думал Эйкен, ворочаясь с боку на бок, то засыпая, то снова размышляя в полусне.

Джеймса Эйкена трудно было назвать привлекательным человеком, хотя в нем чувствовалась некая не поддающаяся определению способность, заменявшая колорит характерность. Уголки его рта были язвительно опущены; тощий и угловатый, он прихрамывал при ходьбе. Он много курил и нередко злоупотреблял выпивкой; у него было мало друзей, и он не слишком увлекался женщинами. Изобретательный и проницательный, он умел работать быстро и аккуратно – дела у «Лаборатории специальных эффектов Эйкена» шли неплохо. Служащие не испытывали к нему особой преданности. Они считали его циничным и замкнутым. Но циник – всего лишь разочарованный идеалист, а Эйкен был, пожалуй, одним из самых чувствительных и мечтательных идеалистов в Лос-Анджелесе.

Василиса, очарованная принцесса!

Мысли Эйкена навязчиво возвращались к Кэрол Бэннистер. Она не играла Василису в фильме, она *была* Василисой! От жгучего желания встретиться с ней в волшебной стране у него перехватывало дыхание – он чувствовал, он знал, что в жизни ничего не было важнее.

На следующее утро, без четверти десять, он уже ехал на север по бульвару Арройо Секо, чтобы подняться по дороге в Ломиту к детской клинике Кребиуса.

В приемной он представился и сказал, что хотел бы поговорить с доктором Кребиусом; уже через десять минут его провели в аскетический кабинет врача.

Кребиус встал из-за стола и чопорно поклонился: «Да, господин Эйкен?» Он больше не походил на вчерашнего грубовато-добродушного доктора Кребиуса – теперь он казался упрямым и подозрительным.

«Не могу ли я присесть?» – спросил Эйкен.

«Разумеется, – напряженно выпрямившись, Кребиус опустил в кресло. – Что я мог бы для вас сделать?»

«Я хотел бы поговорить с вами о Кэрол Бэннистер».

Кребиус вопросительно поднял брови, словно выбор такой темы для разговора оказался для него полной неожиданностью: «Что именно вас интересует?»

«Она когда-нибудь занималась исполнением ролей? В кино?»

«Кэрол? – с недоумением переспросил Кребиус. – Нет. Никогда. Я ее знаю уже много лет. Моя сестра замужем за двоюродным братом ее отца. Кэрол никогда не снималась в кино. Возможно, вы что-то перепутали. В кино снималась ее мать, Мария Леоне».

«Кэрол – дочь Марии Леоне?»

Кребиус позволил себе холодно усмехнуться: «Совершенно верно».

«Это заставляет меня еще больше сожалеть о судьбе Кэрол». Мария Леоне, давно потерявшая популярность субретка, была хорошо известна на бульваре Сансет как неисправимая, неизлечимая алкоголичка. Эйкен тут же вспомнил обрывок давней сплетни.

«Один из ее мужей покончил с собой».

«Отец Кэрол. Четыре года тому назад. Вечером того же дня Кэрол перестала видеть. С тех пор вся ее жизнь буквально омрачена этой трагедией».

Кребиус уселся поглубже в кресле, его голубые глаза неприязненно смотрели из-под опущенных пушисто-белых бровей.

Эйкен произнес примирительным тоном: «Вы считаете, что здесь есть какая-то связь? Между ее слепотой и самоубийством ее отца? Она испытала шок? Я где-то читал о таких вещах».

Кребиус развел руками, всем своим видом показывая, что вопрос выходил за рамки его компетенции: «Кто знает? Они жили высоко в горах, на даче, принадлежавшей тогда Марии Леоне. Кэрол было четырнадцать лет. Ночью случилась сильная гроза, а это нередко вызывает агрессивные, мрачные эмоции. Супруги поссорились. Ховард Бэннистер застрелился, и в то же время молния ударила в окно соседней спальни Кэрол. С тех пор она ничего не видит».

«Я вспомнил термин – истерическая слепота. Может быть, в этом и заключается ее проблема?»

Кребиус снова развел руками. Эйкен почувствовал, что поведение врача стало менее подозрительным, не таким враждебным.

«Возможно. Но я так не думаю. Оптический нерв больше не функционирует нормально, хотя во многих отношениях реагирует, как совершенно здоровая ткань. Кэрол стала жертвой единственного в своем роде нарушения. В чем его причина – кто знает? Ослепительная вспышка? Удар электрическим током? Приступ ужаса? В отсутствие прецедента приходится воздержаться от окончательных выводов. Я пытаюсь стимулировать нерв, разработал для этого специальное оборудование. Для меня Кэрол – как собственная дочь!» Кребиус наклонился вперед и подчеркнул свои слова ударом кулака по столу.

«Какова вероятность того, что она снова будет видеть?»

Кребиус снова откинулся на спинку кресла и отвел глаза в сторону: «Не знаю. Думаю, что она снова прозреет – когда-нибудь».

«Ваше лечение продвигается успешно?»

«Мне хочется в это верить».

«Еще один вопрос, доктор. Каким образом во всей этой истории замешан Виктор Мартинон?»

Кребиус слегка смутился: «Он – приятель ее матери. По сути дела... – Кребиус помолчал. – По сути дела, говорят, что в свое время...»

Эйкен кивнул: «Понятно. Но почему...»

Кребиус прервал его: «Виктор мне помогает. Его интересует методика лечения».

«Виктора Мартинона? – Эйкен рассмеялся настолько недоверчиво и язвительно, что Кребиус покраснел. – Легче представить себе Мартинона, марширующего в составе духового оркестра Армии Спасения!»

«Тем не менее, – возразил Кребиус, – он мне помогает».

«Лечить Кэрол?»

«Да, лечить Кэрол». Кребиус снова стал упрямым и враждебным. Глаза его вспыхнули, белые брови ощетинились, подбородок выпятился. Он спросил ледяным тоном: «Могу ли я поинтересоваться, почему вас так интересует Кэрол Бэннистер».

Эйкен ждал этого вопроса, но на него трудно было ответить. Он смущенно взглянул в сторону: «Я не хотел бы обсуждать эту тему... Считайте, что мой интерес носит романтический характер».

Подвижные брови Кребиуса снова удивленно взметнулись: «Романтический? Вы влюбились в маленькую Кэрол? Но она же еще ребенок!»

«Возможно, вы не знаете ее так хорошо, как вам кажется».

«Все может быть, – задумчиво пробормотал Кребиус. – Возможно, вы правы. Нынче дети быстро взрослеют».

«Кстати, – встрепенулся Эйкен, – у Кэрол нет сестер? Или двоюродной сестры, похожей на нее?»

«Нет. Никаких сестер у нее нет».

Эйкен решил закончить разговор и поднялся на ноги: «Не буду больше отнимать у вас время, доктор. Но, если вы не возражаете, я хотел бы поговорить с Кэрол».

Сначала Кребиус уставился на него так, словно собирался отказать, но в конце концов пожал плечами и крикнул: «Не возражаю. Но ей нельзя выходить из больницы. Она под моей опекой».

«Благодарю вас», – Эйкен вышел из кабинета и вернулся в приемную.

Как раз в этот момент туда же зашел с улицы Мартинон. При виде Эйкена его лицо вытянулось.

«Привет, Эйкен! Что ты тут делаешь?»

«Я мог бы задать тебе тот же самый вопрос».

«Я пришел сюда по делам».

«Я тоже, – Эйкен повернулся к медсестре. – Я хотел бы поговорить с Кэрол Бэннистер. Доктор Кребиус разрешил мне навестить ее».

«Я ее вызову. Вы можете подождать в регистратуре».

«Спасибо!» – Эйкен кивнул Мартинону и перешел в соседнюю комнату, находившуюся напротив кабинета Кребиуса.

Мартинон проводил его взглядом, повернулся и зашел в кабинет Кребиуса, не постучавшись.

Эйкен ждал, сидя на краешке софы; его ладони вспотели. Он страшно нервничал – и поэтому злился на себя. Кто к нему придет? Кэрол Бэннистер? Или Василиса? Может быть, он просто чего-то не понял, ошибся и сваял дурака? Тянулись минуты; Эйкен просто не мог больше сидеть в неподвижности. Он поднялся на ноги и стал расхаживать по комнате. Дверь была открыта, и он заметил, что Мартинон вышел в приемную в сопровождении доктора Кребиуса. Мартинон побледнел, его глаза блеснули. Кребиус выглядел рассерженным. Они прошествовали по коридору, не говоря ни слова, и скрылись в соседнем помещении с надписью «Лаборатория» на двери.

Коридор опустел. Эйкен вернулся на софу и заставил себя терпеливо ждать.

В дверном проеме появилась медсестра. Она деловито спросила: «Господин Эйкен?»

«Да», – Эйкен встал.

К двери подошла Кэрол; ощупывая косяк, она вступила в комнату. В белой блузе и серой фланелевой юбке она выглядела, как студентка-первокурсница. Ее волосы медового оттенка были расчесаны до блеска. Теперь она казалась Эйкену тонкой и хрупкой, не совсем такой, как при первой встрече, но к его воспоминаниям явно примешивался образ Василисы – проворной, отважной, жизнерадостной.

Девушка неуверенно смотрела в сторону Эйкена широко открытыми невидящими глазами, голубыми, как дельфтский фарфор.

«Привет!» – сказал Эйкен голосом, прозвучавшим незнакомо для него самого.

«Привет», – девушка явно недоумевала.

Эйкен взял ее за руку и подвел к софе. Медсестра коротко кивнула Эйкену и удалилась.

«Меня зовут Джеймс Эйкен. Вчера я говорил с тобой в коридоре».

«Ах да! Теперь я припоминаю».

Эйкен изучал ее лицо. Кто она? Кэрол? Или Василиса? А если она была Василисой, каким образом Кэрол могла видеть, исполняя роль Василисы? Эйкен принял окончательное решение. Что-то в ее позе, в постановке головы, в форме подбородка позволяло безошибочно распознать

Василису. Но теперь она жила в другой стране, в другой эпохе – а это не позволяло проявиться ее волшебству. Голубка со сломанным крылом...

Девушка смущенно поежилась. Эйкен торопливо произнес: «Надо полагать, ты хотела бы знать, зачем я к тебе пришел».

Она рассмеялась: «Мне нравится, что вы пришли. Мне тут бывает одиноко».

«Доктор Кребиус сообщил, что ты потеряла зрения от удара молнии во время грозы...»

Лицо Кэрол тут же напряглось, потеряло всякое выражение, стало холодным. Эйкен сказал нечто, о чем не следовало говорить.

«Он сообщил мне также, что ты, скорее всего, сможешь снова видеть».

«Да».

«Его лечение – оно тебе действительно помогает?»

«Вы имеете в виду „Оптикон“?»

«Если они это так называют».

«Ну, примерно три или четыре месяца тому назад мне показалось, что я вижу цвета. Короткие вспышки, что-то в этом роде. Но я их больше не вижу».

«Мартинон давно с тобой работает?»

«О, примерно с тех пор. Но он работает не так, как доктор Кребиус».

«А как именно он работает?»

«Ну... – она пожала плечами. – Он ничего особенного не делает. Просто читает мне книжки».

Эйкен ничего не понимал: «И какую пользу это приносит?»

«Не знаю. Наверное, он просто меня развлекает, пока включена его машина».

«Ты знаешь, что Мартинон раньше был кинорежиссером?»

«Я знаю, что он снимал какие-то фильмы. Но он никогда не рассказывает, чем именно он занимался».

«Ты давно с ним знакома?»

«Не так уж давно. Он говорит, что был знаком с мамой. Мама снималась в кино».

«Да, я знаю. Мария Леоне».

«Теперь она стала пьяницей», – сдержанно произнесла Кэрол; трудно было сказать, скрывала ли она при этом какие-то глубокие чувства. Девушка обратила к Эйкену слепые глаза: «Можно, я ощупаю ваше лицо?»

«Пожалуйста».

Кончики ее пальцев прикоснулись к его волосам, ко лбу, опустились по глазницам к носу, ко рту, к подбородку. Она не высказала никаких замечаний.

«Так что же?» – спросил Эйкен.

«Вы – частный детектив или работаете на полицию?»

«Я – несостоявшийся кинорежиссер».

«Вот как! Вы задаете много вопросов».

«Тебе это не нравится? У меня есть и другие вопросы».

«Спрашивайте, сколько хотите. Но сначала позвольте мне самой кое-что спросить».

«Я тебя слушаю. Спрашивай».

Поколебавшись, Кэрол выпалила: «Ну хорошо – почему вы ко мне пришли?»

Эйкен беззвучно усмехнулся: «Вчера вечером я был в кино и смотрел фильм под названием „Василиса: очарованная принцесса“».

«О! Сказочный фильм? Я хорошо знаю эту сказку. Об Иване и зловредном Морском Царе».

«В кино Василиса – очаровательная, красивая девушка. У нее шелковистые длинные волосы – совсем как у тебя. У нее голубые глаза – как у тебя. По сути дела... – Эйкен запнулся перед тем, как произнести судьбоносные слова. – По сути дела, она была тобой».

«Мной?»

«Да, тобой. Василиса – Кэрол Бэннистер».

Кэрол рассмеялась: «Вы мне льстите! Я никогда не была актрисой, даже в начальной школе. Мама вечно изображала всякие страсти, и у меня пропало всякое желание этим заниматься».

«Но в фильме снималась именно ты».

«Этого не может быть!» – девушка улыбалась, но ее улыбка тревожно дрожала.

«Постановщиком фильма был Виктор Мартинон. Мартинон ошивается в больнице Кребиуса. Ты здесь живешь. Это не может быть совпадением. Здесь кроется что-то неладное».

Кэрол молчала. Она задумалась. На ее лице появилась усмешка.

«Вчера я видел еще один фильм, – продолжал Эйкен. – Эпизод из „Одиссеи“».

«„Одиссея“... Виктор читал мне „Одиссею“. И сказку про очарованную принцессу».

«Все это очень странно», – заметил Эйкен.

«Да. А в последнее время...» Девушка покраснела – буквально вспыхнула розово-пунцовым огнем.

«Что случилось в последнее время?»

«Он стал говорить довольно-таки ужасные вещи. Задает вопросы».

Эйкен почувствовал, как медленно натягивалась кожа у него под затылком. Кэрол повернула голову так, словно на самом деле могла его видеть, подняла руку, прикоснулась к лицу: «Вы злитесь!»

«Да, я разозлился».

«Но почему?» – Кэрол недоумевала.

Эйкен разразился потоком слов: «Может быть, ты не поймешь – или поймешь, не знаю. Вчера вечером я видел этот фильм. Я видел Василису и – тебе это может показаться очень странным – все, что она делала, каждый поворот ее головы, каждое движение – что-то значили для меня. Я понимаю, что это звучит, как признание школьника, но я влюбился в Василису. И поэтому пришел, чтобы с тобой увидеться».

«Но я не Василиса», – сказала девушка.

«Да, ты – Василиса. Заколдованная Василиса. Василиса, замороженная в куске льда. Я хочу тебе помочь, хочу освободить тебя, чтобы ты снова стала Василисой».

Кэрол рассмеялась: «А вы – Иван».

«В глубине души, – отозвался Эйкен, – я – Иван».

Она снова протянула руку и прикоснулась к его лицу, но в этот раз прикосновение было другим, не таким отстраненным: «Но вы не такой, как Иван».

«Я не выгляжу, как Иван из сказки».

Дверной проем загородила фигура в белом халате. Кэрол опустила руку и обернулась.

«Господин Эйкен! – сказал Кребиус. – Я был бы очень благодарен, если бы вы согласились поговорить со мной – у меня в кабинете».

Эйкен медленно поднялся на ноги: «Через несколько минут, доктор».

«Сию минуту, если вы не возражаете».

«Хорошо!» – Эйкен повернулся к Кэрол. Девушка тоже встала и взяла его за руку.

«Доктор, вы хотите говорить обо мне?» – спросила она.

«Да, дитя мое».

«Я не ребенок, доктор Кребиус. Если дело касается меня, я хочу присутствовать при этом разговоре».

Врач находился в явном замешательстве: «Но, Кэрол, это мужской разговор».

«Если этот разговор – обо мне, я хочу слышать все, что вы скажете».

Эйкен вмешался: «Вы хотите меня выгнать? Если так, не беспокойтесь – я уйду без разговоров».

«Следуйте за мной!» – рявкнул Кребиус. Развернувшись, он протопал через приемную к своему кабинету и распахнул дверь.

Эйкен и Кэрол, все еще державшая его за руку, направились туда же. Кребиус приподнял ладонь, загораживая дорогу девушке: «Вернись к себе в палату, дитя!»

«Вам придется говорить в ее присутствии, – тихо возразил Эйкен. – И вы расскажете нам всю правду – иначе я обращусь в городской отдел здравоохранения и потребую, чтобы провели расследование. Я предъявлю вам обвинение в недобросовестной практике!»

Рука Кребиуса упала, как мокрая тряпка: «Вы мне угрожаете? Мне нечего скрывать! Моя репутация – выше всякой критики!»

«В таком случае почему вы позволяете Мартинону эксплуатировать Кэрол в своих целях?»

Кребиус выпрямился, сурово и надменно: «Вы говорите о вещах, в которых ничего не понимаете!»

«Я в них тоже ничего не понимаю», – заметила Кэрол.

«Ладно, заходите! – уступил Кребиус. – Заходите, оба!» Повернувшись, врач замер, глядя на свой письменный стол. Там лежали, лицевой стороной вверх, четыре глянцевые фотографии, 8 на 10 дюймов каждая. Кребиус бросился к столу, схватил фотографии и попытался засунуть их под пресс-папье. У него дрожали руки; одна из фотографий упала на пол. Эйкен поднял ее и скептически рассмотрел, закуривая сигарету. Кребиус выхватил фотографию у него из пальцев, яростно засунул ее вместе с другими под пресс-папье и уселся за стол.

«Это не настоящие снимки! – хрипло произнес он. – Это подделки! Махинация!» Вскочив на ноги, он ударил кулаком по столу: «Вздор, бессмыслица, бред!»

«Ладно, – отозвался Эйкен. – Я вам верю».

Тяжело дыша, Кребиус снова присел.

«Мартинон шантажирует вас этими снимками?» – спросил Эйкен.

Кребиус непонимающе взглянул на него.

«В них нет ничего, из-за чего вам следовало бы беспокоиться. Если Мартинон кому-нибудь их покажет, у него будет больше неприятностей, чем у вас».

Кребиус покачал головой. «Я хочу, чтобы вы ушли из моей больницы, господин Эйкен, – прохрипел он. – Уходите и никогда не возвращайтесь!»

«Доктор, скажите правду. Как Мартинон изготовил эти снимки? Каким-то образом ему удается фотографировать мысли Кэрол».

«Мои мысли? – Кэрол глубоко вздохнула. – *Он фотографирует мои мысли?*» Девушка задумалась на несколько секунд. «Ой, боже мой!» – она закрыла лицо руками.

Кребиус облокотился на стол, сжимая волосы обеими руками. «Да, – пробормотал он. – Да простит меня Бог».

«Как же так, доктор?» – воскликнула Кэрол.

Кребиус махнул рукой: «Я обнаружил этот эффект, когда впервые попробовал применить „Оптикон“. Заметил изображения – бледные, размытые. Но я был потрясен».

«Мягко говоря, я тоже потрясена», – заметила Кэрол.

«Я изготовил аппарат только для тебя. Твоя слепота уникальна. Ни глаза, ни оптические нервы не повреждены, но ты ничего не видишь. „Оптикон“ должен был стимулировать оптические нервы. Аппарат позволял проецировать цветные вспышки света на сетчатку твоих глаз и наблюдать за результатами в микроскоп. И я изумился, обнаружив изображения на внутренней оболочке твоих глаз».

«Почему же вы мне об этом не сказали?» – возмутилась Кэрол.

«Это воспрепятствовало бы непосредственности твоего восприятия. Ограничило бы свободный поток твоих мыслей. И такое явление наблюдалось только у тебя, больше ни у кого на этой планете! Только ты позволяла мне видеть эти чудеса, – доктор Кребиус откинулся

на спинку кресла. – Общеизвестно, что зрительная информация всегда поступает в одном направлении. Свет воздействует на сетчатку, палочки и колбочки – клетки сетчатки – генерируют электрические сигналы, а они уже передаются нервами в мозговой центр обработки визуальной информации. У тебя, Кэрол, этот канал односторонней передачи информации был пресечен разрядом молнии. Но при этом возник обратный процесс. Сигналы поступают по оптическим нервам из мозга и формируют изображения на сетчатке.

Я сделал несколько фотографий. Исключительно из любопытства, свойственного любому исследователю. Я обратился к твоей матери с просьбой о финансировании. Но она ничего мне не платит. Я не богат. Я встретился с Виктором, мы выпили виски, – Кребиус прищурился. – Я показал ему фотографии. Он хотел провести эксперимент. Я не увидел в этом никакого вреда. Его затея могла принести доход, и не только Виктору, но и мне, и тебе, Кэрол! Прежде всего тебе. Поэтому я согласился – с тем условием, что лечение продолжится. Никаких компромиссов в том, что касается лечения!»

«Но вы фактически не знаете, чем занимается Виктор?»

«Нет. Я считал, что в этом нет необходимости».

«Он не лечит Кэрол».

Кребиус молчал.

«Он не хочет, чтобы Кэрол прозрела, – продолжал Эйкен. – Для Виктора Кэрол – золотая жила».

«Да-да. Теперь я понимаю...»

«Кроме того, Кэрол предоставила ему возможность вас шантажировать, – Эйкен повернулся к девушке. – Виктор спрашивал у тебя что-нибудь про доктора Кребиуса?»

Лицо Кэрол порозовело от смущения: «Он задавал ужасные вопросы. И я не могла не думать о том, о чем он спрашивал».

«У Кэрол живое зрительное изображение, – скорбно заметил Кребиус. – Она в этом не виновата. Но эти снимки...»

«Их не примут к рассмотрению ни в каком суде».

«Да, но моя репутация!»

Эйкен промолчал.

Кребиус бормотал: «Я сваял дурака, я последний идиот! Как я могу искупить свою ошибку?» Он поднялся и сделал неуклюжий шаг к девушке: «Дорогая моя! – запинаясь, проговорил он. – Я тебя вылечу. Ты снова будешь видеть. У тебя здоровая сетчатка и здоровые оптические нервы. Стимуляция! Мы заставим тебя видеть!» И он униженно прибавил: «Если ты меня простишь».

Кэрол приглушенно произнесла нечто неразборчивое. Ее лицо сморщилось, напряглось. Казалось, она готова была упасть в обморок.

Эйкен сказал: «Я хотел бы, чтобы она проконсультировалась с кем-нибудь еще. С доктором Барнеттом, например».

«Нет! – отмахнулся Кребиус. – Я забыл об устройстве глаз больше, чем помнит любой врач в Калифорнии».

«Но что вы знаете об устройстве мозга?»

Кребиус ответил не сразу: «Нынче все одержимы психологией. Все верят в психологию, психология творит чудеса. А старую добрую хирургию выбросили на помойку».

«Но вы, конечно же, слышали об истерической слепоте», – возразил Эйкен.

«Я не истеричка, – еле слышно проговорила Кэрол. – Я просто сошла с ума».

«На войне, на фронте, – продолжал Эйкен, – когда происходит что-нибудь ужасное, люди иногда теряют способность ходить, слышать или видеть. Мне приходилось наблюдать такие случаи».

«Мне это известно, – отозвался Кребиус. – В Лейпциге я лечил нескольких таких пациентов. Что ж, можно попробовать». Он глубоко вздохнул и взял девушку за руки: «Дорогая моя, ты согласна подвергнуться эксперименту? Он может оказаться неприятным».

«Зачем?» – тихо спросила Кэрол.

«Чтобы помочь тебе видеть!»

«Что вы со мной сделаете?»

«Прежде всего нужно будет сделать небольшой укол, чтобы твой мозг успокоился. Чтобы тебе было легче говорить».

«Но я не хочу говорить», – строптиво отозвалась она.

«Даже если это поможет тебе видеть?»

Сначала казалось, что Кэрол откажется, но она сдержалась и сказала: «Хорошо. Если вы считаете, что это мне поможет».

«Привет!» – в дверном проеме стоял Виктор Мартинон; он быстро переводил взгляд с Кребиуса на Эйкена и на Кэрол. Его глаза остановились на Эйкене: «Ты все еще здесь? Надо полагать, у тебя хорошо идут дела, если ты позволяешь себе терять столько времени. Пойдем, Кэрол! Пора приступить к упражнениям».

«Не сегодня, Виктор», – вмешался Кребиус.

Красивые брови Мартинона взметнулись: «Почему нет?»

«Сегодня мы попробуем кое-что другое», – пояснил врач.

«Даже так?» – судя по всему, Мартинон слегка удивился.

«Пойдем, Кэрол, – сказал Кребиус. – К „Оптикону“. Попробуем сфотографировать дьявола, мешающего твоему мозгу работать нормально».

Напряженно выпрямившись, девушка вышла в коридор. Эйкен последовал за ней. В коридоре Мартинон повернулся к нему: «Прошу прощения, Эйкен, но я не думаю, что доктор Кребиус разрешает посторонним наблюдать за лечением. Не так ли, доктор?»

Кребиус натянуто ответил: «Если ему так хочется, Эйкен может присутствовать».

Мартинон пожал плечами: «Как вам угодно. Не мне придется отвечать перед матерью Кэрол за последствия».

Кэрол спросила: «С каких пор мама стала обо мне беспокоиться? Она на меня плевать хотела!»

«Она к тебе очень привязана, Кэрол, – терпеливо возразил Мартинон. – Но в последнее время она болеет».

Лицо девушки осунулось: «Скорее всего, у нее похмелье после очередного запоя».

Эйкен вмешался, как бы невзначай: «Не знал, что ты все еще в близких отношениях с Марией Леоне».

«Мы давно знакомы, – с достоинством отозвался Мартинон. – Именно я предоставил ей последнюю роль – в комедии „Они не знали, что к чему“».

Кребиус распахнул дверь лаборатории. Кэрол зашла внутрь, сразу приблизилась к массивному черному офтальмологическому креслу и села. Кребиус открыл запертый на замок шкаф и выкатил тяжелое устройство с длинным бинокляром. «Один момент!» – сказал Кребиус и вышел из помещения.

Мартинон устроился на стуле у противоположной входу стены и скрестил ноги с выражением терпеливой скуки на лице: «Насколько я понимаю, меня все считают последней скотиной».

«Не стану говорить за всех, – откликнулся Эйкен. – Что же касается меня...»

Мартинон беззаботно отмахнулся рукой, державшей дымящую сигарету: «Не трудись объясняться. Ты не понимаешь, что я тут пытаюсь сделать – в этом вся проблема».

«Ты пытаешься сделать деньги».

Мартинон медленно кивнул: «Деньги – это само собой. Но, кроме того, новый способ снимать кино. Кто-то должен положить этому начало. Появилась возможность развития целой индустрии – новой киноиндустрии!»

Мартинон замолчал.

Эйкен похлопал девушку по руке: «Ты боишься?»

«Конечно, боюсь. Что со мной сделают?»

«Ничего особенного».

«Вы думаете, я сошла с ума? И поэтому ничего не вижу?»

«Нет. Но у тебя в уме может скрываться нечто, не желаемое, чтобы ты видела».

«Но я хочу видеть! А если я хочу видеть, почему я не могу? Это непонятно, это бессмысленно!»

«Теории приходят и уходят, проблемы остаются», – усталым голосом отозвался Мартинон.

Помолчав, Кэрол сказала: «Я боюсь „Оптикона“. Я боюсь думать».

Эйкен взглянул на Мартинона – тот равнодушно встретился с ним глазами: «Вполне могу себе представить, почему ты боишься думать».

«Тебе не хватает научного подхода к вещам», – заметил Мартинон.

«Тебе тоже кое-чего не хватает», – отрезал Эйкен.

Кребиус вернулся с наполненным шприцем.

«Что это?» – спросил Эйкен.

«Скополамин».

«Препарат истины», – усмехнулся Мартинон.

Кребиус проигнорировал его и протер предплечье Кэрол ваткой, пропитанной спиртом: «Всего лишь маленький укол, Кэрол. И скоро ты сможешь расслабиться».

Полчаса прошло в мертвой тишине. Кэрол лежала в кресле, откинув голову назад, у нее на шее пульсировала тонкая жилка.

Кребиус наклонился над ней: «Как ты себя чувствуешь, Кэрол?»

«Хорошо», – глухо, без всякого выражения пробормотала она.

«Ладно, теперь пора подготовиться», – деловито сказал Кребиус. Он сложил руки девушки у нее на коленях, осторожно закрепил ее голову между двумя прокладками из губчатой резины, подкатил «Оптикон» поближе и отрегулировал его так, чтобы окуляры прижимались к ее глазам: «Вот таким образом! Тебе удобно?»

«Все в порядке».

«Ты что-нибудь видишь?»

«Нет».

«Но ты хочешь видеть?»

Наступила пауза – как если бы Кэрол выбирала один из нескольких возможных ответов: «Да. Я хочу видеть».

«Существует ли какая-нибудь причина, по которой ты не хочешь видеть?»

Еще одна пауза, более продолжительная. «Кажется, есть лицо, которое я не хочу видеть».

«Чье лицо?»

«Не знаю, как его зовут».

«А теперь, Кэрол, – продолжал доктор Кребиус, – вернемся на несколько лет в прошлое. Где ты находишься?»

«Я жила с мамой в Беверли-Хиллз. Ходила в начальную школу».

«И ты могла видеть?»

«О да!»

Кребиус нажал на кнопку; «Оптикон» тихо зажужжал и стал пощелкивать. Эйкен узнал звук пленки, скользящей мимо затвора. Кребиус протянул руку к стене и выключил потолоч-

ные лампы. Рядом с Мартиноном тлел рубиновый огонек ночника. Лаборатория погрузилась в почти непроглядный мрак.

Кребиус ласково спросил: «Ты помнишь, как вы поехали в горы, на дачу у озера Холли?»

Кэрол колебалась: «Да. Помню». Судя по всему, ее мышцы постепенно напрягались. Даже в темноте Эйкен заметил, как ее пальцы сжались на ручках кресла.

«Не бойся, Кэрол! – увещевал ее Кребиус. – Тебе никто не причинит вреда. Расскажи нам: что там случилось?»

«Но я почти ничего не помню».

«Что там случилось, Кэрол?»

Напряжение девушки нарастало – это чувствовали все, кто был в лаборатории. Голос Кребиуса стал резче; Мартинос перестал усмехаться.

Кэрол тихо проговорила: «Мама была в отчаянии. Ее последний фильм провалился. Студии больше не предлагали ей никаких ролей... Она много пила».

«Что случилось той ночью, когда началась гроза?»

Кэрол молчала секунд пять. Заскрипел стул – Мартинос наклонился вперед.

Кэрол говорила хрипловатым полупшепотом: «К маме пришел приятель. Ее любовник. Я никогда не знала, как его зовут. Они были в кухне, смешивали коктейли и смеялись... К даче подъехал мой отец... Я любила отца. Хотела, чтобы он остался со мной, но суд отдал меня матери... Снаружи гремел гром. Ветер выл – сначала громко – но потом все затихло. Наползли тучи – низкие, темные, тяжелые. Они как будто давили сверху».

Мартинос вмешался: «Вы напугаете бедную девочку до смерти!»

«Заткнись!» – приказал ему Эйкен.

«Продолжай, Кэрол, – сказал Кребиус. – Продолжай. Расскажи нам. Не держи эту тяжесть внутри. И тогда ты сможешь видеть – когда помотришь правде в лицо».

Голос Кэрол стал повышаться: «Папа зашел в дом. Я его встретила и рассказала все, что видела. Он очень разозлился. Мама вышла к нам, шатаясь и смеясь. Папа сказал, что возьмет меня с собой, что мама не может обо мне позаботиться. А потом они увидели маминого любовника». Теперь Кэрол подвывала от горя и ужаса: «Снаружи сверкали молнии. И свет погас». Кэрол вскрикнула: «Он застрелил папу! Я видела его в отсветах молний. И раздался этот ужасный звук! Весь мир взорвался...» Девушка хрипела и тяжело дышала: «Вспыхнула молния – прямо мне в глаза...»

Эйкену показалось? Или он действительно заметил в темноте искру в глазах девушки? Кэрол обмякла и неподвижно лежала в кресле.

Кребиус поднялся на ноги, тяжело вздохнул. «Вот как! – пробормотал он. – Ужасно. И все это время она помнила об этом, носила это в своей несчастной голове – ее отца убили у нее на глазах!»

«И она ослепла, чтобы больше не смотреть матери в лицо», – прибавил Эйкен.

Мартинос возразил: «Вам не кажется, что вы спешите с выводами? Может быть, ее ослепила молния. Может быть, она никогда не прозреет».

«Это мы скоро узнаем», – откликнулся Эйкен. Он приложил ладонь к горячему, вспотевшему лбу девушки; ее волосы прилипали к его пальцам.

Кребиус включил потолочные лампы, но не на полную мощность.

Мартинос встал и приблизился к «Оптикону»: «Так или иначе, это был любопытный эксперимент. Я проявлю пленку – любопытно будет взглянуть, что на ней».

«Ни в коем случае! – выпалил Эйкен. – Не трогай пленку!»

«Почему же? – возмутился Мартинос. – Яправляю пленку в этот аппарат. Это мои фильмы!»

«Это улика, – ответил Эйкен. – Бэннистер не покончил с собой. Ты слышал, что сказала Кэрол. Его убили. Лицо убийцы – на этой пленке».

«Да, – согласился Кребиус. – Лучше всего оставить фильм у меня на хранении».

«Не хотел бы настаивать, – сказал Мартинон, – но эти фильмы принадлежат мне. Вы сможете их просмотреть в любое время, когда они будут проявлены». Он наклонился над «Оптиконом», собираясь вынуть из него бобину.

Эйкен приблизился к нему: «Я тоже не хотел бы настаивать, Мартинон. Но мне придется забрать эту пленку. Я должен знать, кто был любовником Марии».

«Держись от меня подальше», – спокойно произнес Мартинон.

Эйкен оттолкнул его от «Оптикона». Мартинон успел схватить бобину с пленкой, но выронил ее – бобина покатила по полу, пленка стала разматываться беспорядочной спиралью.

«Теперь ты никогда не увидишь лицо этого человека!» – воскликнул Мартинон.

Эйкен больше не мог выносить самоуверенную, самодовольную ухмылку на лице Мартинона. Он размахнулся, чтобы съездить кулаком по его красивым серым усам. Но Мартинон ловко парировал удар и ответил таким же выпадом – Эйкен растянулся на полу среди витков размотанной пленки.

«Господа, господа! – закричал Кребиус. – Ведите себя, как воспитанные люди!»

Эйкен поднялся на колени, пригнулся и боднул Мартинона головой в живот – тот пошатнулся, сделал пару шагов назад и уперся в стену, раскинув руки, чтобы удержаться на ногах. В то же мгновение глаза Кэрол открылись – Виктор стоял прямо напротив нее.

Глядя Мартинону в лицо, девушка издала хриплый, прерывистый вопль ужаса. Она пыталась вырваться из кресла, но резиновые прокладки удерживали ее голову. Она указывала пальцем на Мартинона: «Я тебя узнала! Мне знакомо твое лицо! Ты застрелил моего отца!»

«Что ж! – сказал Мартинон. – Пренеприятнейшая ситуация. С этим придется что-то делать». Он вынул из кармана складной нож, встряхнул его – выскочило лезвие. Убийца шагнул к девушке.

«Мартинон! – закричал Эйкен. – Ты спятил!» Он с силой толкнул «Оптикон» – тяжелый аппарат на колесиках столкнулся с Мартиноном, повалил его и опрокинулся на него. Эйкен наступил на кисть убийцы; нож со звоном упал на пол. Эйкен схватил Мартинона за узел галстука, повернул его, надавил костяшками пальцев на яремную вену и стал колотить противника головой по полу.

Мартинон потерял сознание. Эйкен отпустил его и выпрямился: «Позовите полицию». Мартинон перевернулся набок, застонал и продолжал лежать неподвижно.

Кребиус выбежал в коридор. Эйкен обернулся к Кэрол. Та сидела в кресле с широко открытыми глазами, сторбившись и обхватив руками колени подобранных под себя ног.

Эйкен сказал: «Привет, Кэрол! Теперь ты можешь видеть, не так ли?»

«Да. Я вижу».

«Ты меня узнаешь?»

«Да, вы – Джеймс Эйкен».

«Нам тут пришлось немного набедокурить».

«А это кто? – прошептала девушка, глядя на человека, лежащего на полу. – Это Виктор?»

«Да».

«И все это время он снимал со мной свои фильмы... – она зажмурилась. – Я устала, хочу спать...»

«Подожди немного, не засыпай».

«Ладно...»

Послышалась сирена патрульной машины, подъехавшей к клинике. Минуту спустя Мартинона увели.

Кэрол прихлебывала крепкий черный кофе в кабинете Кребиуса: «Теперь я не хочу спать. Боюсь, что опять проснусь слепой».

«Нет, – покачал головой Эйкен, – такого больше не будет. Заклинание рассеялось. Василиса снова свободна».

«Чудеса!» – сказала Кэрол, подняла к нему глаза и улыбнулась. Да, отныне она была настоящей Василисой – веселой, умной, дерзкой – такой, какой должна была быть очарованная принцесса. Девушка взяла его за руку.

«Чудеса, – повторил Эйкен. – Чудеса!»

ГОНЧАРЫ ФИРСКА

На столе Фомма стояла желтая чаша высотой сантиметров тридцать; она расширялась от основания, сантиметров двадцать в поперечнике, до ободка с диаметром, равным ее высоте. Ее профиль изгибался простой, ровной и отчетливой кривой, вызывавшей ощущение завершенности. Тонкостенная чаша, однако, не казалась хрупкой. В целом она производила впечатление звонкой сводчатой солидности.

Мастерству изготовления основы не уступала красота глазури: великолепной, прозрачно-желтой муравы, светящейся, как заря жаркого летнего вечера. Глазурь эта словно впитала сущность ноготков и водянисто-волнистого шафрана: желтая, как прозрачное золото, как желтое стекло, создающее в себе и отражающее завесы света, как желтый бриллиант – но мягкий, терпкий, как лимон, сладостный, как конфитюр из айвы, умиротворяющий, как теплый солнечный свет.

На всем протяжении интервью в кабинете Фомма, начальника отдела кадров департамента межпланетных дел, Кесельский исподтишка поглядывал на чашу. Теперь, когда интервью подошло к концу, он не мог не наклониться, чтобы рассмотреть чашу поближе, и с очевидной искренностью заметил: «Это самый чудесный образец из всех, какие я когда-либо видел!»

Фомм, человек средних лет с жесткими серыми усами и проницательным, но снисходительным взглядом, откинулся на спинку кресла: «Это сувенир. То есть, эту чашу вполне можно назвать своего рода сувениром. Мне ее подарили много лет тому назад, когда я был примерно в вашем возрасте». Он взглянул на настольные часы: «Пора обедать».

Кесельский поднял глаза и торопливо потянулся за портфелем: «Прошу прощения, мне не пришло в голову...»

Фомм приподнял руку: «Не спешите. Я хотел бы, чтобы вы со мной отобедали».

Кесельский стал было смущенно отказываться, но Фомм настаивал: «Присаживайтесь, не беспокойтесь». На экране появилось меню: «А теперь выберите то, что вам по вкусу».

Не дожидаясь дальнейших приглашений, Кесельский сделал выбор, и Фомм произнес несколько слов в микрофон. Открылась панель в стене, выдвинулся столик с уже приготовленным обедом.

Даже во время еды Кесельский не мог оторвать глаз от чаши. Когда настало время для кофе, Фомм наклонился над столом и передал ему чашу. Кесельский взвесил ее в руках, погладил ободок и стенки, заглянул глубоко в глазурь.

«На всей Земле не видел ничего подобного! Где вы нашли такую чудесную вещь?» Кесельский прищурился, глядя на доньшко чаши и пытаясь разобрать выцарапанные в глине символы.

«Эта чаша не с Земли, – сказал Фомм. – Она с планеты Фирск». Усевшись поудобнее, он прибавил: «С ней связана любопытная история». Фомм замолчал, ожидая дальнейших вопросов.

Кесельский поспешно заявил, что ничто не доставило бы ему большего удовольствия, чем выслушать рассказ Фомма – о чем бы тот ни пожелал рассказывать. Фомм бледно улыбнулся. В конце концов, Кесельский впервые устраивался на работу.

«Как я уже упомянул, мне тогда было примерно столько же лет, сколько вам, – начал Фомм. – Может быть, я был на пару лет старше, но к тому времени я уже провел девятнадцать месяцев на Каналии. Когда меня перевели на Фирск, я обрадовался, конечно, потому что Каналия, как вам, может быть, известно – унылая планета, покрытая льдами и кишашая морозными блохами, причем скучнее тамошних аборигенов нет никого в обозримом космосе...»

Фирск очаровал Фомма. Фирск был всем, чем не была Каналия: теплым, ароматным миром ми-туунов, благовоспитанного народа с разнообразной и причудливой древней культурой. Фирск никак нельзя было назвать крупной планетой, хотя сила тяжести там приближалась к земной. Суша на Фирске занимала небольшую площадь единственного экваториального континента, формой напоминавшего гантель.

Местное Бюро межпланетных дел находилось в Пенолпане – полном обаяния старинных традиций городе, в нескольких километрах от побережья Южного моря. Там откуда-нибудь издали всегда доносился тихий музыкальный перезвон, там приятный воздух был напоен ароматами фимиама и тысяч всевозможных цветов. Приземистые жилища из тростника, пергамента и темного дерева, небрежно разбросанные, утопали на три четверти в листве деревьев и лоз. Город орошала ажурная сеть каналов, наполненных зеленой водой, с деревянными арочными мостами, поросшими свисающим плющом с оранжевыми цветами, а по каналам безмятежно плыли лодки, украшенные сложными многоцветными узорами.

Обитатели Пенолпана, янтарнокожие ми-тууны – незлобивые, целиком и полностью посвятившие себя радостям жизни, чувственные, но сторонившиеся излишеств, непринужденные и жизнерадостные – руководствовались соблюдением ритуалов. Они рыбачили в Южном море, выращивали зерновые культуры и фрукты, мастерили изделия из дерева, смолы и бумаги. На Фирске металл встречался редко, и его нередко заменяли керамические инструменты и утварь, изготовленные так изобретательно, что недостаток металла никогда не ощущался.

Фомм находил работу в пенолпанском Бюро исключительно приятной – ее омрачал только характер его начальника, каковым являлся Джордж Ковилл, румяный коротышка с выпученными голубыми глазами, тяжелыми морщинистыми веками и редкими волосами песочного оттенка. Когда Ковилл был чем-нибудь раздражен – а этом случалось нередко – он наклонял голову набок и смотрел на собеседника несколько напряженных секунд, после чего, если причина для раздражения была достаточно существенной, взрывался вспышкой гнева. В не столь важных случаях он просто разворачивался на месте и уходил.

В Пенолпане обязанности Ковилла носили скорее административный, нежели социальный характер – при этом у него оставалось много свободного времени, так как Бюро рекомендовало как можно меньше вмешиваться в быт уравновешенных, самодостаточных культур. Он координировал импорт кремнистой пряжи, заменявшей коревые волокна, из которых ми-тууны плели свои сети; он соорудил небольшую установку для крекинга, позволявшую очищать и осветлять рыбий жир, горевший в лампадах туземцев. Лакированная плотная бумага, которую ми-тууны Пенолпана использовали при постройке своих жилищ, быстро впитывала влагу и, как правило, начинала растрескиваться уже через несколько месяцев. Ковилл привез на Фирск пластиковый лак, защищавший пергамент практически вечно. Помимо этих незначительных нововведений, Ковилл почти ничего не предпринимал. Бюро стремилось повышать уровень жизни туземцев в рамках их собственной культуры, предлагая земные методы, идеи и принципы очень постепенно и только тогда, когда сами аборигены испытывали в них нужду.

Довольно скоро, однако, Фомм стал замечать, что на самом деле Ковилл относился с пренебрежением к провозглашенным принципам Бюро. Фомму, свято верившему в эти принципы, некоторые поступки начальника представлялись непонятными и необоснованными. Например, Фомм не находил никакого оправдания тому, что Ковилл построил здание управления Бюро в броском земном стиле, из стекла и бетона, что полностью противоречило мягким желтовато-белым и коричневым тонам местной архитектуры. Ковилл работал строго по расписанию, в связи с чем делегациям ми-туунов, прибывших в пышных церемониальных одеяниях, десятки раз приходилось уходить не солоно хлебавши, сопровождаемым сбивчивыми извинениями Фомма, в то время как Ковилл, ненавидевший жесткость своего полотняного костюма, раздевался до пояса и сидел, развалившись в плетеном кресле с сигарой и кружкой пива, любуясь танцами обнаженных девиц на телеэкране.

Фомму поручили борьбу с вредителями, то есть выполнение обязанностей, каковые Ковилл считал ниже своего достоинства. Именно во время одного из инспекционных обходов Фомм впервые услышал о гончарах Фирска.

Обремененный баллонами с инсектицидом, распылителем и висящими на поясе патронами с крысиным ядом, он бродил по беднейшим окраинам Пенолпана – там, где кончались рощи и начиналась засушливая равнина, простиравшаяся до самых Кукманкских гор. В этом относительно унылом и грязноватом районе ему встретился длинный открытый навес гончарного рынка. На полках и столах были расставлены всевозможные изделия – от керамических горшков для маринования рыбы до миниатюрных ваз с тонкими, как бумага, прозрачными, как молоко стенками. Здесь торговали блюдами, большими и маленькими, мисками любых размеров и форм – ни одна не была точной копией другой – кувшинами, супницами, бутылками, высокими пивными кружками. На одном из стеллажей лежали керамические ножи из глины, спекшейся до стекловидного состояния и звеневшей, как чугун, с зачищенным и наточенным слоем глазури, превращенным в лезвие острее бритвы.

Фомма поразили богатые оттенки местных изделий: редкостно насыщенный рубиновый, подобный проточной речной воде зеленый, лазурный в десять раз глубже небесно-голубого. Он заметил пурпурную утварь с металлическим отливом, пронизанную желтоватыми прожилками коричневую, розовую, фиолетовую, серую, пеструю рыжеватую, купоросно-голубую и кобальтовую синюю, причудливые потеки и прожилки рутированного стекла. Порой глазурь расцветала кристаллами подобно снежинкам, а иногда содержала словно плавающие внутри микроскопические блестки металла.

Фомм не мог нарадоваться своему открытию. Здесь он обнаружил красоту – красоту форм, материалов, ремесленного мастерства. Надежная утварь, которой придавали прочность естественные качества дерева и глины, литые из цветного стекла, смелые беспокойные изгибы стенок ваз, вместимость мисок, кубков и чаш, обширность блюд – все это вызывало у Фомма безудержный энтузиазм. И все же... кое-что на гончарном рынке вызывало недоумение. Прежде всего – что подтверждалось внимательным осмотром полок и столов – здесь чего-то не хватало. Во всей многоцветной выставке утвари не хватало одного цвета – желтого. Никакие изделия не были покрыты желтой глазурью. Кремовые, соломенные, янтарные тона встречались – но яркий, насыщенный, пылающий желтый отсутствовал.

Может быть, гончаров заставлял избегать желтого цвета какой-то предрассудок? Или, возможно, желтый цвет ассоциировался с королевскими регалиями – так, как это практиковалось в древнем Китае на Земле? Или желтый цвет символизировал смерть или болезнь?... Пока Фомм строил предположения, ему пришел в голову еще один вопрос: где были гончары? В Пенолпане не было никаких обжиговых печей, позволявших изготавливать такую утварь.

Фомм подошел к продавщице – еще не совсем повзрослевшей девушке, изящной и очаровательной. На ней был типичный наряд ми-туунов: «пареу», украшенный цветами пояс и тростниковые сандалии. Ее кожа светилась, как одна из янтарных глазурованных ваз у нее за спиной. Стройная и молчаливая, она дружелюбно ожидала покупателей.

«Все это очень красиво! – сказал Фомм. – Например, вот это – сколько это стбит?» Он прикоснулся к высокой фляге, покрытой светло-зеленой глазурью с серебристыми полосками и нитями.

Несмотря на красоту изделия, упомянутая юной продавщицей цена превзошла ожидания Фомма. Заметив его удивление, девушка сказала: «Это наши предки – продавать их дешево, как дерево или стекло, значило бы проявлять неуважение».

Фомм поднял брови и решил игнорировать то, что он рассматривал как церемониальное одушевление предметов домашнего обихода.

«А где изготавливают эту керамику? – спросил он. – В Пенолпане?»

Девушка не спешила отвечать – Фомм почувствовал, что затронул щекотливую тему. Продавщица обернулась в сторону Кукманкского хребта: «Там, в холмах – там обжигают горшки. Туда уходят наши предки, а оттуда возвращаются горшки. Больше я ничего не знаю».

Фомм тщательно выбирал слова: «Ты предпочитаешь об этом не говорить?»

Она пожалала плечами: «Мне ничто не запрещает об этом говорить. Но мы, ми-тууны, боимся гончаров и стараемся о них не вспоминать – такие мысли удручают».

«Почему же?»

Девушка поморщилась: «Никто не знает, что скрывается за первым холмом. Иногда мы видим по ночам отблески пламени. А иногда, если мертвых недостаточно, гончары забирают живых».

Фомм подумал, что, если это действительно было так, у Бюро были все основания вмешаться – вплоть до применения оружия.

«Кто такие эти гончары?»

«А вот он! – девушка указала пальцем. – Вот гончар».

Взглянув туда, куда указывала продавщица, Фомм увидел на равнине человека, ехавшего верхом. Он был выше и массивнее ми-тууна. На таком расстоянии его трудно было хорошо разглядеть – тем более, что он закутался в длинный серый бурнус – но, судя по всему, у него были красновато-коричневые волосы и бледная кожа. Фомм заметил заполненные доверху корзины, висевшие по бокам вьючного животного: «Что он везет в горы?»

«Рыбу, бумагу, одежду, лампадное масло – все, что обменял на свои изделия».

Фомм подобрал свои средства уничтожения вредителей: «Рано или поздно я хотел бы навестить этих гончаров».

«Не надо...» – пробормотала девушка.

«Почему?»

«Это очень опасно. Они свирепо охраняют свои секреты...»

Фомм улыбнулся: «Я буду осторожен».

Вернувшись в управление, Фомм обнаружил Ковилла в его обычном состоянии: руководитель Бюро развалился в плетеном кресле и дремал. Услышав шаги Фомма, он встрепенулся и выпрямился: «Где вас черти носят? Я же сказал, что смету строительства электростанции нужно было сдать уже сегодня!»

«Я положил бумаги к вам на стол, – вежливо отозвался Фомм. – Если бы вы сегодня зашли к себе в кабинет, вы сразу их заметили бы».

Ковилл смерил подчиненного яростным взглядом, но в этот раз не смог ни к чему придраться. Крякнув, он снова расслабился в кресле. Как правило, Фомм не обращал особого внимания на возмутительные манеры начальника, учитывая тот факт, что Ковилла бесконечно раздражало отношение к нему вышестоящего руководства. Ковилл считал, что его таланты заслуживали повышения в должности и предоставления ему гораздо больших полномочий.

Фомм присел и налил себе стакан пива из бутылки Ковилла: «Вы что-нибудь знаете о гончарных мастерских – там, в предгорьях?»

Ковилл хмыкнул: «Шайка бандитов и голодранцев, что-то в этом роде». Наклонившись, он потянулся за пивной кружкой.

«Я заглянул сегодня на гончарный рынок, – сказал Фомм. – Продавщица называет горшки „предками“. Мне это показалось довольно-таки странным».

«Чем дольше бродишь по далеким планетам, – изрек Ковилл, – тем больше замечаешь самые странные вещи. Меня больше ничто не может удивить – разве что назначение на работу в главное управление». Ковилл горестно хрюкнул и опрокинул в глотку полкружки пива. Освежившись, он продолжал не столь язвительным тоном: «Я слышал всякие сплетни по поводу этих гончаров – ничего определенного, однако, и у меня никогда не было времени ими зани-

маться. Надо полагать, они отправляют своего рода религиозный обряд, ритуальное погребение. Забирают мертвых и совершают надлежащие церемонии в обмен на товары – или взимают плату».

«Продавщица сказала, что, если им не хватает мертвых, иногда они забирают живых».

«Как? Как вы сказали?» – пронзительные голубые глаза Ковилла загорелись на покрасневшем лице. Фомм повторил свое замечание.

Ковилл почесал подбородок и через некоторое время выкарабкался из кресла: «Давайте-ка туда слетаем – посмотрим, какой чертовщиной занимаются эти гончары. Давно хотел их навестить».

Фомм выкатил вертолет из ангара, взлетел на нем и тут же приземлился у входа в управление; Ковилл опасливо забрался в кабину. Внезапный прилив энергии, продемонстрированный начальником, привел Фомма в некоторое замешательство – тем более, что Ковилл сам предложил поездку на вертолете. Ковилл ненавидел летать и, как правило, отказывался даже подходить к любому воздушному транспортному средству.

Лопасты засвистели, захватывая воздух, и вертолет поднялся высоко в небо. Пенотпан превратился в чересполосицу коричневых крыш и листья. В пятидесяти километрах, за пустынной песчаной равниной, возвышался Кукманкский хребет – бесплодные отроги и обнажения серых скал. На первый взгляд любая попытка обнаружить в этом хаосе какое-либо поселение казалась обреченной на провал.

Глядя вниз, на осыпи и каменистые пустоши, Ковилл пробормотал нечто в этом смысле; Фомм, однако, указал вперед, на столб дыма: «Гончарам нужны печи. В печах разжигают огонь...»

Приближаясь к источнику дыма, они заметили, что он исходил не из кирпичных труб, а из трещины в конической вершине.

«Вулкан! – заключил Ковилл таким тоном, словно подтвердилось какое-то его невысказанное предсказание. – Попробуем пролететь вдоль хребта – а если ничего не найдем, вернемся в город».

Тем временем Фомм напряженно вглядывался вниз: «Кажется, мы их нашли. Посмотрите внимательнее, вы заметите их сооружения».

Он опустил вертолет, и теперь ряды каменных зданий невозможно было не различить.

«Следует ли приземляться? – с сомнением спросил Фомм. – Говорят, это племя головорезов».

«Спускайтесь, нам нечего бояться! – отрезал Ковилл. – Мы – официальные представители межпланетной Системы».

Фомм подумал: «Вполне может быть, что горцам плевать на столь несущественное с их точки зрения обстоятельство». Тем не менее, он приземлился на каменистой площадке посреди селения.

Если вертолет не напугал гончаров, по меньшей мере он заставил их проявлять осторожность. Несколько минут вокруг не было никаких признаков жизни. Каменные хижины казались опустевшими и мрачными, как груды камней.

Ковилл спустился из кабины. Убедившись в том, что его гамма-лучемет можно было быстро выхватить из кобуры, Фомм последовал за начальником. Ковилл стоял под лопастями ротора, посматривая то направо, то налево вдоль вереницы строений. «Скрытные мерзавцы! – проворчал он. – Что ж, лучше оставаться здесь, пока кто-нибудь не появится».

Фомм целиком и полностью согласился с таким планом действий; они стали ждать в тени вертолета. Без всякого сомнения, они приземлились в поселке гончаров. Черепки валялись повсюду – сверкающие кусочки глазурованной керамики, мерцающие, как потерянные драгоценности. Ниже по склону возвышалась груда битого фарфора, явно предназначенного для дальнейшего использования, а за ней находилось продолговатое строение с черепичной кры-

шей. Фомм напрасно искал какую-нибудь обжиговую печь. Но ему бросилась в глаза расщелина в горном склоне – туда вела тропа, явно протоптанная многими поколениями. У него в уме сформировалась любопытная гипотеза – но в этот момент появились наконец три горца в серых бурнусах: высоких, гордо выпрямившихся. С капюшонами, откинутыми на спину, они выглядели бы, как монахи средневековой Земли, если бы не отсутствие монашеских тонзур – у них на головах торчали остроконечные пучки курчавых рыжих волос.

Предводитель гончаров приближался решительными шагами, и Фомм напрягся, готовый ко всему. Ковилл, однако, сохранял презрительно-беззаботную позу повелителя, принимающего делегацию рабов.

Предводитель остановился метрах в трех от вертолета – человек выше Фомма, с горбатым носом и каменным пронизательным взглядом темно-серых глаз, напоминавших окатыши. Он ждал приветствия, но Ковилл продолжал молча наблюдать за ним.

Наконец гончар вежливо произнес: «Что привело чужеземцев в деревню гончаров?»

«Меня зовут Ковилл, я работаю в Бюро межпланетных дел в Пенолпане и официально представляю Систему. Мы решили вас навестить, просто чтобы узнать, как идут дела в вашем поселке».

«Мы ни на что не жаловались», – отозвался вождь гончаров.

«До меня дошли слухи о том, что гончары похищают ми-туунов, – сказал Ковилл. – Как по-вашему, есть в этих сплетнях какая-то доля правды?»

«Похищают? – с некоторым недоумением переспросил вождь. – Что это значит?»

Ковилл объяснил. Вождь погладил подбородок, уставившись на Ковилла глазами темными, как колодезная вода.

«Есть древнее соглашение, – сказал наконец вождь. – Гончарам отдают тела умерших. Иногда, когда возникает насущная потребность, мы упреждаем естественную смерть на год или на пару лет. Какая разница, однако? Душа живет вечно в горшке, который она украшает».

Ковилл вынул трубку, и Фомм затаил дыхание. Процесс набивания трубки иногда предшествовал ледяным взглядам искоса, а такие взгляды – вспышке гнева. Но Ковилл пока что сдерживался.

«Что именно вы делаете с телами умерших?»

Вождь удивленно поднял брови: «Разве это не очевидно? Нет? Но вы не гончары, откуда вам знать... Для глазурей нужны свинец, песок, глина, щелочь, известь и шпат. Все это у нас есть – кроме извести, а ее мы получаем, пережигая кости умерших».

Ковилл разжег трубку и стал ею попыхивать. Фомм успокоился. Опасность миновала.

«Понятно, – кивнул Ковилл. – Что ж, мы не хотели бы вмешиваться в местные обычаи, обряды или процедуры – в той мере, в какой не нарушается общественное спокойствие. Вам придется понять, что дальнейшие похищения живых людей недопустимы. То, что касается мертвецов, зависит от вашего соглашения с теми, кто несет ответственность за тела умерших, но человеческая жизнь важнее горшков. Если вам нужна известь, я привезу вам тонны извести. Где-нибудь на этой планете должны быть залежи извести. Как-нибудь я поручу Фомму найти такую залежь, и у вас будет больше извести, чем вы сможете истратить».

Вождь покачал головой – ситуация его слегка забавляла: «Ископаемая известь не сможет заменить свежую, полученную из костей. В костях есть другие соли, служащие незаменимыми примесями. Кроме того, разумеется, дух умершего содержится в его костях и, таким образом, переселяется в глазурь, придает ей внутренний огонь. Никакие другие ингредиенты не позволяют добиться того же эффекта».

Ковилл долго пыхтел трубкой, глядя в каменные серые глаза вождя своими каменными голубыми глазами. «Мне все равно, какими ингредиентами вы будете пользоваться, – сказал он наконец, – с тем условием, что не будет никаких похищений и никаких убийств. Если вам нужна известь, я помогу вам ее найти – для этого меня и прислали на эту планету: помогать вам

и повышать уровень вашей жизни. Но при этом я обязан также защищать ми-туунов от набегов. Я способен выполнять обе функции – одна не менее полезна, чем другая».

На лице вождя появилось нечто вроде угрожающей усмешки. Фомм поспешил вставить вопрос прежде, чем предводитель гончаров успел выпалить какую-нибудь гневную угрозу: «Скажите – где находятся ваши обжиговые печи?»

Вождь сосредоточил на нем каменный взор: «Изделия ежемесячно обжигаются Великим Пламенем. Мы складываем утварь в пещерах. На двадцать второй день из недр поднимается всепоглощающий огонь. Целый день ревет и полыхает белое пламя. Еще через две недели пещеры остывают достаточно для того, чтобы мы могли спуститься и забрать утварь».

«Очень любопытно! – сказал Ковилл. – Я хотел бы взглянуть на ваши полуфабрикаты. Надо полагать, горшки внизу, в этом сарае?»

На лице вождя не дрогнул ни один мускул. «Никому не разрешено заглядывать в мастерскую, – медленно произнес он, – если он не гончар, и даже в таком случае он обязан сначала доказать, что стал матером ремесла».

«И каким образом демонстрируется такая квалификация?» – беззаботно поинтересовался Ковилл.

«Достигнув четырнадцатилетнего возраста, гончар выходит из родного дома с молотком, ступой и кульком извести из жженных костей. Он обязан добыть глину, свинец, песок и шпат. Он обязан найти железо для коричневой глазури, малахит – для зеленой и кобальтовую руду – для синей, после чего он должен истолочь в ступе глазурь, сформовать и украсить плитку и поместить эту плитку в пещеру Великого Пламени. Если у него получится удачная плитка – если ни глина, ни глазурь не растрескаются – ему позволят зайти в длинный склад и познать тайны ремесла».

Ковилл вынул трубку изо рта и с некоторой иронией спросил: «А если плитка треснет?»

«Нам не нужны плохие гончары, – ответил вождь. – Но известь из костей всегда пригодится».

Фомм поглядывал на осколки цветной керамики: «Почему вы не используете желтую глазурь?»

Вождь широко развел руками: «Желтую глазурь? Она неизвестна! Ни одному гончару еще не удалось раскрыть ее секрет. Железо дает желтовато-рыжий оттенок, серебро – серовато-желтый, а сурьма выгорает в Великом Пламени. Чистый, насыщенный желтый цвет, цвет солнца... О, это мечта!»

Ковилл не интересовал этот вопрос: «Что ж, если вы не желаете показать местные достопримечательности, нам пора возвращаться. Помните, однако – если вам потребуются материалы или какое-нибудь оборудование, я могу их достать. Может быть, смогу даже узнать, как приготовить вашу драгоценную желтую глазурь...»

«Невозможно! – прервал его вождь. – Как вы можете решить загадку, над которой тысячи лет ломали голову гончары всей Вселенной?»

«...Но никаких убийств я не допущу, – спокойно продолжал Ковилл. – И если для этого потребуется остановить все ваше гончарное производство, я это сделаю».

Глаза вождя вспыхнули: «Вы смеете нам угрожать?»

«Если вы думаете, что я не смогу осуществить свою угрозу, вы заблуждаетесь, – сказал Ковилл. – Я сброшу бомбу в жерло вулкана, и вся гора обвалится на ваши пещеры. Межпланетная Система защищает любого человека на любой планете – а это значит, что она защищает, в том числе, ми-туунов от племени гончаров, похищающих ми-туунов ради их костей».

Фомм тревожно потянул начальника за рукав. «Садитесь в вертолет, – прошептал он. – Они не на шутку разозлились. Через минуту-другую на нас набросятся».

Ковилл повернулся спиной к набычившемуся вождю и решительно забрался в кабину. Беспokoйно оглядываясь, Фомм последовал за ним. Взгляд вождя свидетельствовал о готовности напасть, а Фомм не испытывал никакого желания стрелять в гончаров.

Он передвинул рычаг сцепления; лопасти ротора врезались в воздух – вертолет поднялся, оставив внизу молчаливую троицу горцев в серых бурнусах.

Ковилл удовлетворенно откинулся на спинку сиденья: «С такими людьми можно обращаться только таким образом: а именно, с позиции силы. Только тогда они начинают тебя уважать. Достаточно проявить любой признак слабости, и они это почувствуют – это неизбежно – и тогда тебе конец».

Фомм ничего не сказал. Методы Ковилла могли привести к желаемым результатам сегодня, но в долгосрочной перспективе его подход представлялся близоруким, нетерпимым, лишенным всякого сочувствия. На месте Ковилла Фомм подчеркнул бы способность Бюро предоставить подходящий заменитель извести, полученной из костей, и, возможно, помочь в решении каких-либо технических проблем – хотя, судя по всему, местные гончары действительно были мастерами своего дела, полностью уверенными в своих способностях и возможностях. Тем не менее, им все еще не давался секрет изготовления желтой глазури.

Вечером того же дня Тамм вставил в переносной просмотрный прибор микрофильм из библиотеки Бюро, посвященный гончарному делу, и усвоил все доступные на эту тему сведения.

Любимый проект Ковилла – строительство небольшой атомной станции для электрификации Пенолпана – занял у него несколько следующих дней, хотя он работал неохотно. Пенолпан, с его каналами, мягко освещенными желтоватым светом масляных фонарей, с его садами, мерцающими огоньками свеч, с его ароматом распускающихся по ночам цветов, был поистине сказочным городом. Электричество, двигатели, флуоресцентные лампы, автоматические насосы – все это, несомненно, нанесло бы ущерб очарованию Пенолпана. Ковилл, однако, настаивал на том, что планете оказалось бы только полезным постепенное внедрение достижений чудовищного промышленного комплекса межпланетной Системы.

Дважды Фомм проходил мимо гончарного рынка – и дважды задерживался, чтобы подивиться на мерцающую утварь и поговорить с девушкой-продавщицей, расставлявшей изделия на полках. Ее красота, ее изящество и очарование, привитое ей жизнью и традициями Пенолпана, безудержно притягивали Фомма. Она интересовалась всем, что Фомм мог рассказать о других планетах, и Фомм – молодой, влюбчивый и одинокий – со все возрастающим волнением ожидал повторных встреч с этой красавицей.

Некоторое время Фомм был занят сверх головы выполнением поручений Ковилла. Пора было представлять отчеты в центральное управление, и Ковилл поручил их подготовку Фомму, а сам либо дремал в плетеном кресле, либо курсировал по каналам Пенолпана в своей особой красно-черной лодке.

Наконец, однажды вечером, Фомм отбросил ведомости и пошел прогуляться по улице под сенью развесистых каотангов. Он прошел по центральному базару, где бойко торговали оживившиеся с наступлением прохлады лавочники, повернул по тропе, спускавшейся к каналу с поросшими мхом крутыми берегами, и вскоре оказался на гончарном рынке.

Но он тщетно искал девушку-продавщицу. Вместо нее покупателей молча ожидал тощий субъект в черной куртке. В конце концов Фомм спросил его: «Где же Су-Зен?»

Продавец колебался и не спешил с ответом.

Фомм сгорал от нетерпения: «Так что же, где она? Больна? Или больше здесь не работает?»

«Она ушла».

«Ушла? Куда?»

«Ушла к предкам».

У Фомма мороз пробежал по коже: «Как вы сказали?»

Продавец опустил голову.

«Она умерла?»

«Да, умерла».

«Но... как, почему? Она была здорова только вчера или позавчера!»

Продавец – типичный ми-туун – не хотел больше ничего объяснять: «Смерть приходит разными путями, землянин».

Фомм разгневался: «Скажите мне! Сейчас же! Что с ней случилось?»

Ошарашенный внезапной яростью Фомма, продавец выпалил: «Гончары призвали ее в холмы. Она ушла, но скоро будет жить вечно, ее дух воплотится в сияющем стекле...»

«Подождите-ка, подождите! – прервал его Фомм. – Что же получается? Ее забрали гончары – живьем?»

«Да, живьем».

«И других вместе с ней?»

«Еще троих».

«И все они были живы?»

«Все».

Фомм со всех ног вернулся в Бюро. Ковилл случайно оказался в управлении – он проверял отчеты Фомма. Запыхавшийся Фомм сообщил: «Гончары снова занялись похищениями. Только вчера утащили четырех ми-туунов».

Ковилл выпятил подбородок и разразился многоэтажными ругательствами. Насколько понимал Фомм, гнев начальника был вызван не столько похищением как таковым, сколько тем фактом, что гончары пренебрегли его предостережением и не выполнили его распоряжения. Ковиллу нанесли личное оскорбление; теперь бездействовать он не мог.

«Подайте вертолет к парадному крыльцу!» – сухо приказал Ковилл.

Когда Фомм приземлился у входа, Ковилл ожидал его с одной из трех атомных бомб из арсенала Бюро – продолговатым цилиндром, пристегнутым к автоматически раскрывающемуся парашюту. Ковилл засунул бомбу в кабину вертолета и отступил на пару шагов. «Поднимитесь над их чертовым вулканом и сбросьте это в жерло, – резко приказал он. – Преподайте головорезам урок, который они никогда не забудут. И скажите им, что в следующий раз я взорву их чертову деревню!»

Учитывая неприязнь Ковилла к летательным аппаратам, Фомм не удивился такому поручению. Без лишних слов он взлетел над Пенолпаном и направился к Кукманкскому хребту.

Тем временем его гнев слегка поостыл. Гончары, убежденные в непогрешимости древних обрядов, не ведали, что творили зло. Распоряжения Ковилла представлялись непродуманными – опрометчивыми, мстительными, поспешными. Что, если ми-тууны были еще живы? Не лучше ли было как-нибудь договориться об их освобождении? Вместо того, чтобы взлететь над вулканом, Фомм опустился на площадь серокаменной деревни, убедился в том, что гамма-лучемет был под рукой, и спрыгнул из кабины на унылую поверхность, усеянную щебнем и черепками.

На этот раз ему не пришлось долго ждать. Вождь сразу вышел на улицу и приблизился быстрыми размашистыми шагами – длинный бурнус развевался у него за спиной, на его лице застыла мрачная усмешка: «Вот как! Подручный наглого начальника снова явился! Прекрасно! Нам как раз не хватает костной извести, а твои кости ничем не хуже других. Приготовь душу к объятиям великого пламени – в следующей жизни ты познаешь вечную славу совершенной глазури!»

Фомм боялся, но в то же время ощущал нечто вроде безрассудной отваги. Положив руку на лучемет, он произнес голосом, показавшимся странным ему самому: «Я успею перестрелять целую толпу гончаров, а тебя – в первую очередь. Я прилетел, чтобы забрать четверых ми-туу-

нов, похищенных из Пенолпана. Вашим набегам пора положить конец. Мы можем вас жестоко наказать. Возникает впечатление, что ты этого не понимаешь».

Вождь заложил руки за спину, очевидно не впечатленный угрозой: «Вы умеете летать, как птицы, но птицы умеют только гадить на голову».

Фомм вынул из кобуры гамма-лучемет и направил его на валун, лежавший на склоне метрах в четырехстах от площади: «Взгляни на этот камень!» Гранитный валун разнесло взрывом на мелкие осколки.

Вождь отшатнулся, поднял брови: «Поистине, тебе подчиняются неведомые силы! Но... – он указал кивком на кольцо уже окруживших Фомма гончаров в бурнусах, – мы успеем тебя убить прежде, чем ты причинишь непоправимый ущерб. Мы, гончары, не боимся смерти. Смерть – всего лишь вечное блаженное размышление в просветленной глубине стекла».

«Послушайте меня! – серьезно обратился к нему Фомм. – Я прилетел не для того, чтобы вам угрожать, а для того, чтобы договориться. Мой начальник, Ковилл, приказал мне уничтожить вулкан и обрушить ваши обжиговые пещеры – и я могу это сделать так же легко, как взорвал этот валун!».

Гончары начали тревожно бормотать.

«Если вы на меня нападете, вас ждет суровое наказание. Но – опять же – я приземлился у вас в деревне вопреки распоряжениям начальника, чтобы заключить с вами сделку».

«Какой сделкой ты мог бы нас заинтересовать? – презрительно обронил предводитель гончаров. – Мы беспокоимся только о нашем ремесле». Он подал знак – и прежде, чем Фомм успел пошевелиться, два коренастых гончара схватили его и вырвали лучемет у него из руки.

«Я могу раскрыть тайну настоящей желтой глазури! – в отчаянии воскликнул Фомм. – Настоящей, королевской, светящейся желтой глазури, способной выдержать жар вулканических пещер!»

«Пустые слова!» – отозвался вождь, но тут же язвительно спросил: «И что бы ты хотел получить за свой секрет?»

«Верните четырех похищенных ми-туунов и дайте мне слово, что никогда больше не будете похищать людей из города».

Вождь внимательно прислушался к его предложению и задумался. «Как, в таком случае, мы сможем изготавливать глазурь? – он задал этот вопрос терпеливо, как старик, объясняющий ребенку прописную истину. – Костная известь – одна из важнейших необходимых присадок».

«Ковилл уже упомянул, что мы можем предоставить вам неограниченное количество извести, с любыми желательными свойствами. На Земле гончарным делом занимались тысячи лет, нам многое известно о приготовлении глазури».

Предводитель гончаров покачал головой: «Это очевидная ложь! Смотри! – он пнул валявшийся за земле лучемет Фомма. – Эта штука сделана из тусклого матового металла. Люди, понимающие в обжиге глины и прозрачной глазури, никогда не пользуются такими материалами».

«Может быть, было бы полезно, если бы вы дали мне возможность продемонстрировать наши методы, – предложил Фомм. – Если я покажу, как делается желтая глазурь, вы заключите со мной сделку?»

Главный гончар изучал лицо Тамма не меньше минуты, после чего ворчливо уступил: «Какую желтую глазурь ты умеешь делать?»

Фомм ответил уклончиво: «Я не гончар и не могу точно предсказать ее свойства, но известная мне формула позволяет изготавливать желтую глазурь любого оттенка – от яркого светло-желтого до пламенного оранжевого».

Вождь подал знак: «Освободите его! Заставим его подавиться своим обещанием».

Фомм размял руки, затекшие от хватки гончаров. Нагнувшись, он подобрал гамма-лучемет и засунул его в кобуру под ироническим наблюдением главного гончара.

«Условия сделки таковы, – сказал Фомм. – Я покажу вам, как делается желтая глазурь, и гарантирую поставки любого количества извести. Вы освободите захваченных ми-туунов и поклянетесь больше никогда не похищать из Пенолпана живых мужчин и женщин».

«Все это зависит от того, сможешь ли ты приготовить желтую глазурь, – отозвался вождь гончаров. – Мы сами умеем получать глазурь грязновато-желтых оттенков, это нетрудно. Но если после обжига мы увидим чистую, яркую желтую глазурь, я выполню твои условия. Если нет, мы объявим тебя шарлатаном, и твой дух будет навеки заключен в глине ночного горшка!»

Фомм вынул атомную бомбу из кабины вертолета и отстегнул от нее парашют. Взвалив на плечо длинный цилиндр, он сказал: «Отведите меня в мастерскую. Посмотрим, что у меня получится».

Без лишних слов главный гончар провел его вниз по склону к продолговатому сооружению с черепичной крышей; они зашли под арку каменного портала. Справа стояли глубокие лотки с глиной; к стене прислонились два или три десятка гончарных кругов. Середину помещения занимал длинный стеллаж с выставленной на просушку утварью. Слева громоздились чаны с растворами, еще какие-то стеллажи и верстаки. Из бокового прохода доносился ритмичный скрежет – где-то что-то мололи. Главный гончар провел Фомма налево, мимо верстаков для глазурования, в конец мастерской. Здесь на стеллажах хранились многочисленные горшочки, лоханки и мешочки, помеченные незнакомыми Фомму символами. Поблизости был еще один боковой арочный проход; заглянув туда, Фомм заметил ми-туунов, уныло и безвольно сидевших на скамьях. Девушка, Су-Зен, подняла глаза и узнала Фомма – ее рот удивленно раскрылся. Она вскочила на ноги и хотела было подбежать к нему, но тут же остановилась, взглянув на суровую фигуру главного гончара.

Фомм сказал ей: «Если мне повезет, тебя освободят». Повернувшись к главному гончару, он прибавил: «У вас есть какая-нибудь кислота?»

Вождь указал на шеренгу керамических фляг: «Кислота из соли, кислота из уксуса, кислота из фтористого шпата, кислота из селитры, кислота из серы».

Фомм кивнул и, уложив бомбу на верстак, открыл поворотную дверцу ее корпуса и достал изнутри один из урановых стержней. Пользуясь карманным складным ножом, он настрогал опилки урана в пять фарфоровых чашек, после чего налил в разные чашки немного кислоты из разных фляг. Горстки металлической стружки стали выделять пузырьки газа.

Сложив руки на груди, главный гончар наблюдал за ним: «Что ты пытаешься сделать?»

Фомм отступил на шаг, глядя на дымящиеся чашки: «Хочу, чтобы выделилась соль урана. Дайте мне пищевой соды и щелока».

В одной из чашек выпал наконец осадок – желтый порошок; Фомм торжествующе схватил эту чашку и промыл ее содержимое.

«А теперь, – сказал он главному гончару, – принесите мне прозрачную глазурь».

Он налил глазурь в шесть лотков и размешал в каждом то или иное количество желтой соли. Устало опустив плечи, Фомм отошел от верстака: «Вот ваша глазурь. Проверьте ее».

Вождь отдал указания. Явился гончар с полным лотком керамической плитки. Вождь подошел к верстаку, нацарапал на первой чашке номер, погрузил плитку в глазурь и пометил плитку тем же номером. Он повторил эту операцию с пятью другими плитками и лотками.

Вождь отступил от верстака; один из гончаров загрузил шесть плиток в небольшую кирпичную печь, закрыл дверцу и разжег огонь в топке.

«Теперь, – произнес главный гончар, – у тебя осталось двадцать часов. Поразмысли о том, что тебе сулит этот обжиг – жизнь или смерть. Можешь заняться этим в компании своих друзей. Сбежать вам не удастся – мастерская строго охраняется». Он развернулся на месте и удалился размашистыми шагами вдоль центрального прохода.

Фомм повернулся к соседнему помещению – Су-Зен стояла в боковом проходе. Она с радостью, самым естественным движением бросилась к нему в объятия.

Тянулись часы. В топке ревело пламя, кирпичи раскалились сначала докрасна – потом до желтовато-красного оттенка и, наконец, почти добела, после чего огонь постепенно притушили. Теперь керамические плитки остывали. Там, за дверцей печи, прикрытой теплоизолирующим слоем кирпичей, глазурь уже приобрела окончательные оттенки. Фомм с трудом удерживался от того, чтобы разобрать кирпичи и распахнуть дверцу. В конце концов он задремал, сидя на скамье – Су-Зен опустила голову ему на плечо.

Его разбудили тяжелые шаги – Фомм встал и подошел к проходу. Главный гончар отодвигал кирпичи, загородившие дверцу печи. Фомм приблизился и напряженно наблюдал за происходящим. В печи было темно – можно было заметить только отблески стекловидной глазури, покрывавшей плитки. Главный гончар протянул руку внутрь и достал первую плитку. Она была покрыта коркой грязновато-горчичного цвета. Фомм нервно сглотнул. Вождь язвительно усмехнулся и достал вторую плитку. На ней образовалась масса коричневатых лопнувших пузырей. Вождь снова улыбнулся и достал еще один образец: не более чем спекшийся комок грязи.

Ухмылка вождя стала широкой: «Подручный начальника, твоя глазурь хуже первых опытов несмышленого ребенка!»

Он достал четвертую плитку. Плитка сверкнула сияющей желтой глазурью, настолько яркой, что, казалось, озарилась вся полутемная мастерская.

Главный гончар ахнул; другие гончары столпились вокруг, наклонившись над плиткой, а Фомм облегченно прислонился к стене: «Она желтая...»

Когда Фомм вернулся, наконец, в Бюро, Ковилл был в ярости: «Где вас черти носят? Я дал вам поручение, на выполнение которого хватило бы двух часов, а вы отсутствовали два дня!»

Фомм сказал: «Я вернулся с четырьмя похищенными ми-туунами и заключил договор с гончарами. Больше никаких набегов не будет».

У Ковилла отвисла челюсть: «*Что* вы сделали?»

Фомм повторил.

«И вы не выполнили мои распоряжения?»

«Нет, – отозвался Фомм. – Мне пришло в голову лучшее решение проблемы – как оказалось, я был прав».

Глаза Ковилла горели холодным голубым огнем: «Фомм, вы уволены из Бюро на Фирске, уволены из департамента межпланетных дел! Если вам нельзя доверить выполнение недвусмысленных указаний, вам нечего делать в Бюро. Соберите свои вещи и улетайте на первом пассажирском корабле!»

«Как вам будет угодно», – сказал Фомм и отвернулся.

«Вы все еще здесь работаете до четырех часов пополудни, – холодно прибавил Ковилл. – До тех пор вам придется выполнять мои распоряжения. Поставьте вертолет в ангар и верните бомбу в арсенал».

«Бомбы у меня больше нет, – объяснил Фомм. – Я отдал уран гончарам. Таково одно из условий нашего договора».

«*Что?* – Ковилл выпучил глаза. – *Как вы сказали?*»

«Вы меня слышали, – ответил Фомм. – И если вы думаете, что бомба нашла бы лучшее применение в качестве средства уничтожения индустрии целого племени, снабжающего город незаменимой уварью, вы не в своем уме».

«Фомм, возьмите вертолет, вернитесь в деревню гончаров и отнимите у них уран. Не возвращайтесь без урана! Несчастный идиот! Неужели вы не понимаете, что этим ураном гончары могут разнести в щепки весь Пенолпан, смести его с лица планеты?»

«Если вам так нужен этот уран, – парировал Фомм, – слетайте туда сами и попробуйте его привезти обратно. Вы меня уволили, мне тут больше нечего делать».

Ковилл уставился на него, раздувшись, как испуганная жаба. Слова застревали у него в горле.

Фомм прибавил: «На вашем месте я оставил бы всё, как есть. Думаю, что пытаться отнять у гончаров уран было бы опасно».

Ковилл повернулся, пристегнул к поясу пару гамма-лучеметов и промаршировал к выходу. Фомм услышал свист лопастей ротора.

«Храбрец! – пробормотал Фомм. – И дурак в придачу».

Через три недели Су-Зен взволнованно сообщила о приходе посетителей. Фомм поднял голову и, к своему изумлению, увидел, что к нему явился вождь гончаров в сопровождении двух соплеменников. Суровые, они неподвижно стояли в серых бурнусах.

Фомм вежливо приветствовал их и предложил им присесть, но те продолжали стоять.

«Я спустился в город, – произнес главный гончар, – чтобы удостовериться в том, что наш договор остается в силе».

«Насколько мне известно, это так», – подтвердил Фомм.

«В нашу деревню прилетел безумец, – сказал вождь гончаров. – Он утверждал, что у тебя не было полномочий на заключение сделки, и что наше соглашение его устраивает, но он не может позволить гончарам хранить тяжелый металл, позволяющий делать стекло цвета вечерней зари».

Фомм просил: «И что случилось?»

«Твой начальник стал стрелять, – без всякого выражения продолжал вождь. – Он убил шестерых здоровых, умелых гончаров. Но это не имеет значения. Я пришел, чтобы узнать, остался ли в силе наш договор».

«Да, – кивнул Фомм. – Он скреплен моим обещанием и обещанием моего главного начальника на Земле. Я говорил с ним, и он подтвердил действительность договора».

Главный гончар кивнул: «В таком случае я должен вручить тебе дар». Он подал знак, и один из его спутников передал Фомму большую чашу, отливавшую чудесным желтым блеском.

«Твоему сумасшедшему начальнику повезло, – заметил вождь гончаров. – Его дух живет в ярчайшем стекле, когда-либо порожденном Великим Пламенем».

Брови Фомма взметнулись: «Вы имеете в виду, что кости Ковилла...»

«Огненный дух безумца придал дополнительный глянец этой великолепной глазури, – сказал главный гончар. – Он будет вечно жить в ее волшебных переливах...»

ПОСЕТИТЕЛИ

Эйвери, старший помощник капитана, поднялся в рубку управления по трубе подъемника, прихлебывая кофе из колбы. Второй помощник Дарт с усилием поднялся с сиденья, на котором провел всю вахту: «Твоя очередь».

У худошавого, горбоносого Эйвери были редкие гладкие волосы и желтоватая кожа землистого оттенка. Черные, слегка раскосые глаза с узкими веками придавали ему некоторое сходство с печальным клоуном. Коренастый курносый Дарт, рыжий и курчавый, как эрдельтерьер, двигался порывисто и решительно. Потянувшись, чтобы размять короткие руки, он присоединился к Эйвери под передним смотровым куполом.

Эйвери наклонился, приглядываясь вверх и вниз, направо и налево, прослеживая розовые и ярко-голубые прожилки на черном фоне макроидного пространства. Обернувшись, он сказал через плечо: «Тускло. Прибавь яркости. Ничего не вижу дальше шести-семи метров».

Полусонно моргая, Дарт отрегулировал реостат, чтобы стали ярче потоки света, исходящие из двух носовых прожекторов, и напоминающие сухожилия силовые линии макроидного пространства стали блестящими и отчетливыми.

Эйвери крикнул: «Так-то оно лучше. Приближается очаг – там, где сходятся два пропластка».

Дарт тоже наклонился, наблюдая за тем, как линии задрожали, расширяясь навстречу одна другой. Этот участок начинал брезжить полупрозрачными завесами бледно-желтого, розового и зеленого оттенков. Внезапно появилась ярко-красная точка.

«Очаг! – угрюмо пробормотал Эйвери. – Прямо у нас под носом – центр звезды».

Дарт мрачно поглаживал подбородок, благодарный судьбе за то, что Эйвери, а не капитан Бадт, застал его спящим на посту.

«Да, надо полагать».

«Небольшой или средней величины, судя по изгибу внутренней голубой линии, – сказал Эйвери. – Что ж, давай проверим планеты – для чего еще мы тут торчим?»

Они обыскивали купол пядь за пядью – сверху, снизу, справа и слева. Дарт воскликнул: «Смотри-ка, вот она! Совсем как на картинке в учебнике. Может быть, нам еще дадут премиальные».

Ярко-красная точка поблекла, пожелтела. Сплетение цветных прожилок, отмечавшее планету, начинало распускаться. Эйвери отскочил назад и шлепнул ладонью по выключателю дрейфа: силовые линии застыли.

Некоторое время они изучали закономерности изображения на полусферическом куполе. «Звезда примерно здесь, – Эйвери указал на точку между собой и Дартом. – А планета – над самым краем купола».

«Мы прославимся!» – сказал Дарт.

Рот Эйвери язвительно покривился: «Может быть. А может быть, мы попали пальцем в небо».

«И зачем все эти спецы, считающие себя гениями? – задал риторический вопрос Дарт. – Забавно, что ни один из них все еще не разобрался, что к чему».

Эйвери рассматривал купол в поиске других изгибов силовых линий: «Не разобрался в чем?»

«В том, что случается, когда мы переходим в макроидное пространство».

«Ты слишком много думаешь, – заявил Эйвери. – Вселенная сжимается – или мы, вместе с кораблем, становимся больше космоса. Так или иначе, мы прибываем в пункт назначения, а это главное. Спроси Баскома, он даст тебе десять разных ответов. Тоже мне гений». Баском,

корабельный биолог, приобрел репутацию неистощимого спорщика, выдвигавшего всевозможные теории.

Эйвери снова взглянул на крутой изгиб силовой линии: «Позови капитана и предупреди команду. Мы переходим в нормальное пространство».

* * *

Униген был разумным организмом, хотя ни форма, ни материальная структура не входили в число его характеристик. Он состоял из подвижных узлов светящейся субстанции, не являвшейся ни материей, ни энергией. В нем были миллионы узлов, и каждый соединялся с каждым другим узлом волокнами, сходными с силовыми линиями макроидного пространства.

Унигена можно было бы уподобить огромному мозгу, узлы которого соответствовали нейронам, а силовые линии – нервным волокнам. Он мог выглядеть, как яркая сфера – или рассеивать свои узлы со скоростью света по всем уголкам Вселенной.

Так же, как любой другой аспект действительности, Униген был подвержен энтропии. Для того, чтобы выживать, он перерабатывал энергию так, чтобы она становилась доступной, поглощая ее из радиоактивных веществ. Единственное занятие в жизни Унигена заключалось в постоянном поиске энергии.

Случались периоды изобилия, когда Униген мог насыщаться энергией и размножать узлы посредством процесса, сходного с партеногенетическим делением. В другие времена узлы истощались и становились тусклыми, а Униген начинал охотиться за энергией, как голодный хищник, рыская по планетам, спутникам, астероидам и погасшим звездам, вынюхивая крохи даже самого низкогокачественного радиоактивного материала. Именно в такой период недостатка энергии один из его узлов, приближаясь к планете небольшого солнца, осознал присутствие радиоактивности, воспринятое как блеск особого оттенка на хаотическом пестром фоне.

Надежда – эмоция, сочетающая в себе желание и воображение – не была чужда Унигену. Он ускорил поступательное движение узла, и ощущение радиоактивности стало жестким и отчетливым. Узел нырнул сквозь слой рваных облаков. Цветное сияние растянулось, удлинилось – почти в его середине, подобно алмазу на серебряном браслете, сверкнула отчетливая яркая точка: место, где радиоактивный материал очевидно выступал над поверхностью. Униген направил узел к этому пункту.

По мере того, как узел опускался, Униген регистрировал любые признаки опасности: следы поглотителей энергии, источники статического электричества – такие, как грозовые тучи, способные повредить разрядом тугие обмотки узла.

Воздух был чист; на планете, судя по всему, не было опасных живых существ. Узел падал, как яркая снежинка, к средоточию радиоактивности.

* * *

Корабль кружил над планетой по разведочной орбите. Капитан Бадт – молчаливый, но иногда придирчивый человек – стоял перед телеэкраном рубки управления, выслушивая отчеты технических специалистов и не высказывая никаких замечаний.

Дарт язвительно пробормотал на ухо Эйвери: «Эту планету трудно назвать курортным местечком».

«Местами мрачновата. Но дело идет к тому, что мы действительно получим премиальные».

Дарт вздохнул и покачал круглой рыжей головой: «Никогда еще не было мира настолько негостеприимного, чтобы колонисты не бросились к нему наперегонки. Если на планете не замерзает воздух и не кипит вода, если там можно вздохнуть, и при этом глаза не вылезают из орбит – значит, это пригодная для жизни территория, и люди хотят ее заселить».

«Я родился и вырос на планете, где было гораздо хуже, чем здесь», – суховаато обронил Эйвери.

Дарт немного помолчал, но вскоре продолжил – тоном человека, отказывающегося признать поражение: «Ну, вполне может быть, что здесь можно жить. Атмосфера не ядовита, температура и сила притяжения в пределах допустимого – и, по меньшей мере до сих пор, не замечается никаких признаков туземной фауны». Он прошествовал под купол, теперь позволявший обозревать раскинувшийся внизу мир: «У нас дома – синий океан. На планете Александра – желтый, на Кораласане – красный. А здесь он зеленый. Зеленый, как майская трава!»

«Здесь – совсем другое дело, – возразил Эйвери. – Красным и желтым океан становится из-за планктона. А эта зелень – водоросли или мох. Трудно сказать, какой толщины здесь зеленый слой. Может быть, люди смогут по нему ходить и выпасать на нем коров».

«Ничего себе пастбище! – не мог не согласиться Дарт. – Не меньше десяти миллионов квадратных километров, даже на первый взгляд. Может быть, эти водоросли и насыщают местную атмосферу кислородом. По словам Баскома, заметной сухопутной растительности тут нет. Может быть, лишайники или кустарник какой-нибудь... А на дне океана должен быть толстый слой перегноя...»

Щелкнул сигнал вызова из лаборатории. Капитан Бадт, стоявший в другом конце рубки, рывкнул: «Слушаю!»

Прозвучал переливчатый звуковой код соединения; голос геолога Джейсона произнес: «Получены результаты анализа атмосферы. Кислород – тридцать один процент; гелий – одиннадцать; азот – сорок; аргон – десять процентов; углекислый газ – четыре процента; другие инертные газы – четыре процента. По существу, атмосфера земного типа».

«Благодарю вас, – церемонно ответил капитан Бадт. – Это всё».

Заложив руки за спину и нахмурившись, капитан стал прохаживаться по рубке.

«Старик торопится, – тихонько сказал Дарту Эйвери. – Я читаю его мысли. Ему не нравится разведка, и он прикидывает, что, если найдет добротную планету класса А, под этим предлогом можно было бы вернуться на Землю».

Капитан, продолжавший расхаживать взад и вперед, вдруг остановился и подошел к микрофону: «Джейсон!»

«Да, капитан?»

«Каковы геологические характеристики?»

«С такой высоты трудно что-нибудь сказать наверняка, но, по всей вероятности, местный рельеф в основном образован сейсмической и вулканической деятельностью, а не эрозией. Конечно, это не более чем предположение».

«Значит, здесь может быть много полезных ископаемых?»

«Скорее всего. Я вижу складчатость и множество сдвигов, а осадочные породы почти незаметны. Там, где горы подступают к побережью, можно ожидать выходов кристаллического сланца, гнейса, трещиноватых пород с включениями кварца и кальцита».

«Благодарю вас!» Капитан Бадт подошел к экрану микроскопа и стал рассматривать проплывающий внизу ландшафт. Повернувшись к Эйвери, он сказал: «Думаю, можно обойтись без дальнейших предварительных изысканий и приземлиться».

Щелкнул сигнал вызова. «Говорите!» – рывкнул Бадт.

Капитана снова беспокоил Джейсон: «Я обнаружил существенное обнажение радиоактивной руды – вероятно, смоляной урановой или, возможно, карнотита. Когда я рассматриваю

этот участок в рентгеновском диапазоне, он светится, как прожектор. Обнажение пролегает вдоль берега, к югу от глубокого продолговатого залива».

«Благодарю вас!» Капитан снова повернулся к старшему помощнику: «Приземлимся там».

* * *

Эйвери и Джейсон, составлявшие разведывательный отряд, брели по мелкой черной гальке побережья. Слева от них до самого горизонта простирался океан – зеленая бархатная плоскость, напоминавшая невероятной величины бильярдный стол. Справа к пустынным нагромождениям зубчатых скал поднимались крутые ложбины, испещренные черными тенями. Здешнее солнце было меньше и желтее земного; свет казался вечерним или проникшим сквозь дымку далекого пожара. Несмотря на то, что атмосфера, по всем имеющимся данным, была пригодна для дыхания, астронавты надели шлемы – нельзя было исключить присутствие в воздухе вредоносных бактерий или спор.

Капитан Бадт наблюдал за происходящим с помощью телекамеры, установленной на шлеме Эйвери: «Какие-нибудь насекомые или другая живность?»

«Пока что ничего такого... Хотя в покрове этого океана с бархатной обивкой должны водиться какие-нибудь букашки. Джейсон бросил туда камень, и он все еще лежит на поверхности – сухой, как на пляже. Думаю, человек вполне мог бы передвигаться по этому покрову в снегоступах».

«А что это за растительность справа от вас?»

Эйвери задержался, рассмотрел куст: «Не слишком отличается от тех кустов, что вокруг корабля. Тоже напоминает малярную кисть, только побольше. По-видимому, здесь очень сухо, несмотря на близость океана. Плодородной почве нужны дожди. Не так ли, Джейсон?»

«Верно».

Капитан Бадт сказал: «Через некоторое время мы проверим, что делается в этом океане. Пока что меня интересует обнажение урановых руд. Вы должны быть уже почти на месте».

«Кажется, оно начинается в ста метрах отсюда, там, где виднеется выступ черной породы... Да, датчик Джейсона бешено жужжит... Джейсон говорит, что это смоляная урановая руда – окись урана». Эйвери резко остановился.

«В чем дело?»

«Над обнажением руды роятся какие-то огни. Мерцают, носятся вверх и вниз, как стая светлячков».

Капитан Бадт сфокусировал камеру на черном уступе: «Да, я их вижу».

«Может быть, это в самом деле светлячки», – предположил Джейсон.

Эйвери сделал несколько осторожных шагов вперед, снова остановился. Одна из летучих искорок взметнулась и помчалась к Эйвери, пролетела вокруг его шлема, обогнула Джейсона и вернулась к выступу окиси урана.

Эйвери не слишком уверенно сказал: «Надо полагать, они не опасны. Наверное, какие-то насекомые».

Капитан Бадт заметил: «Странно, что они сосредоточились вдоль уступа – так, как будто питаются ураном или радиоактивным излучением».

«Рядом больше ничего нет. Никакой растительности. Значит, они питаются ураном».

«Я пошлю туда Баскома, – решил капитан. – Он рассмотрит их поближе».

* * *

Узел, первоначально обнаруживший планету, осел на обнажении окиси урана; через некоторое время к нему присоединились другие узлы, слетевшиеся из областей, не столь насыщенных энергией. Началось поглощение излучения. Прижимаясь к массивной иссиня-черной скале, узел генерировал достаточное количества тепла для того, чтобы испарилось некоторое количество руды. Окружив полученный таким образом газ, узел применял сложный многоступенчатый процесс преобразования и высвобождения латентной энергии. Впитывая эту энергию, узел наращивал свою структуру, все плотнее закручивая вихри силовых полей. В то же время узел разряжал потоки энергии по силовым линиям, ведущим к другим элементам Унигена, и узлы, рассеянные по всей Вселенной, загорались новым золотисто-зеленым блеском.

В той мере, в какой удивление можно уподобить регистрации явлений, ранее считавшихся пренебрежимо маловероятными, Униген удивился, когда ощутил приближение по берегу двух существ.

Униген наблюдал живых существ в других мирах. Некоторые были опасны – например, зеркально-металлические поглотители энергии, плававшие в густой атмосфере другой богатой ураном планеты. Как правило, однако, они не имели значения в качестве конкурентов, потреблявших энергию. В частности, эти медленно движущиеся твари выглядели безвредными.

Для того, чтобы познакомиться с ними поближе, Униген выслал узел и получил данные об инфракрасном излучении существ и флуктуациях их электромагнитных полей.

«Безвредные автохтоны, – заключил Униген. – Существа, выживающие благодаря химическим реакциям на низком энергетическом уровне – такие же, как сухопутные черви на планете 11432. Бесплезные в качестве источников энергии, неспособные нанести ущерб высокоэнергетическим оболочкам узла».

Отказавшись от дальнейшего изучения двух существ, Униген всецело посвятил себя обработке обнажения урановой руды... Странно! На поверхности руды появилось нечто вроде растительности – россыпь мельчайших шипов на маленьких кольцевых утолщениях-воротничках. Раньше Униген их не замечал.

По берегу приближалось еще одно медленно движущееся существо. Так же, как другие, оно излучало в инфракрасном диапазоне и, гораздо слабее, на других электромагнитных частотах.

Существо остановилось, после чего медленно приблизилось к выступу руды.

Униген наблюдал за ним с некоторым любопытством. Отчетливое визуальное восприятие было недоступно Унигену, в связи с чем движения сухопутного червя выглядели, с его точки зрения, как плывущие размытые пятна излучения.

Судя по всему, существо манипулировало блестящим металлическим объектом, отражавшим солнечный свет – надо полагать, подобрало кусочек урановой руды, привлечший его внимание.

Сухопутный червь переместился ближе. Смутно покопавшись на месте, он неожиданно выдвинул одну из конечностей – по меньшей мере, так показалось Унигену. Червь снова переместился, и один из узлов Унигена окружила сетка из углеродистого материала.

«Любопытно!» – подумал Униген. По-видимому, сухопутного червя привлекали блеск и движение. Его действия свидетельствовали о проявлении интереса. Может быть, существо было более развитым, чем позволяла предположить его структура? Или, возможно, оно поддерживало жизнедеятельность посредством ловли маленьких блестящих организмов – таких, как фосфоресцирующие медузы в море?

Сухопутный червь пододвинул сетку к себе. Чтобы понять, чем занималось существо, Униген позволил ему переместить узел.

Существо накрыло узел другой хрупкой оболочкой из углеродистого соединения.

Следовало ли заключить, что таков был пищеварительный орган сухопутного червя? Но оболочка не выделяла пищеварительных соков, не пыталась раздавить или размолоть содержимое.

Сухопутный червь слегка отодвинулся от обнажения руды и осуществил ряд таинственных операций. Униген недоумевал.

Внутри хрупкой оболочки погрузились две металлические иглы. Внезапно испугавшись, Униген попытался вырвать узел из оболочки.

* * *

Эйвери и Джейсон продолжали идти вдоль выступа урановой руды. Вскоре обнажение породы скрылось под землей и сменилось пляжем, усыпанным серовато-черной галькой, занимавшим все пространство между бархатно-зеленым океаном и массивным горным отрогом.

«Дальше ничего нет, капитан, – сообщил Эйвери. – Только пляж и горы – километров на пятнадцать или даже тридцать».

«Хорошо, возвращайтесь». Капитан ворчливо прибавил: «Баском уже изучает мерцающих светлячков. Он считает, что это какие-то эманации энергии, вроде блуждающих огней».

Эйвери подмигнул Джейсону и, выключив канал связи с кораблем, сказал: «Баском не успокоится, пока не пригвоздит одного из светлячков к доске, как бабочку».

Джейсон поднял руку, призывая Эйвери к вниманию. Эйвери снова включил связь и услышал размеренный голос Баскома: «С расстояния в десять метров спектроскоп показывает сплошную полосу излучения, по всей видимости одинаковой интенсивности на всех частотах. Это любопытно. Обычные фосфоресцирующие материалы излучают в дискретных диапазонах. Возможно, здесь имеет место явление типа „огней святого Эльма“, хотя, должен признаться, не совсем понимаю...»

Капитан Бадт нетерпеливо проворчал: «Так они живые или нет?»

Голос Баскома приобрел обиженный оттенок: «Не имею никакого представления. В конце концов, это незнакомая планета. Кроме того, термин „жизнь“ допускает тысячи толкований. Кстати, я замечаю чрезвычайно странную растительность на поверхности обнажения урановой руды».

«Эйвери не упоминал о какой-либо растительности, – сказал капитан. – Я специально спрашивал его об этом».

Баском хмыкнул: «Вряд ли он мог бы ее не заметить. Это вереница ростков, сантиметров пятнадцать высотой каждый. Они похожи на шипы – очевидно жесткие и острые; они выдвигаются из присосок, укрепившихся на поверхности. Напоминает то, что я когда-то видел на Ювенеале в системе Марциуса, где на поверхность выходит жила смоляной урановой руды... В высшей степени необычное явление. По всей видимости, корни углубляются в сплошную породу».

«Ты – биолог, – отозвался капитан Бадт. – Тебе лучше знать».

В голосе Баскома появилась нотка жизнерадостной самоуверенности: «Что ж, посмотрим. Я читал об эманациях, наблюдавшихся поблизости от залежей урановой руды, но никогда не видел их своими глазами. Возможно, сфокусированное радиоактивное излучение как-то воздействует на микроскопические капли конденсирующейся влаги...»

Капитан Бадт прокашлялся: «Очень хорошо, действуй по своему усмотрению. Будь осторожен, однако, и не возбуждай светлячков – они могут быть опасны».

«Я взял с собой сачок и флакон для образца, – отозвался Баском. – Хочу поймать одну из блесток и рассмотреть ее под микроскопом».

«Надо полагать, ты знаешь, что делаешь», – устало заметил капитан.

«Я посвятил всю жизнь изучению внеземной фауны и флоры, – слегка напряженным тоном сказал Баском. – Могу представить себе, что эти светлячки аналогичны искроклецам

с Прочиона В... Сейчас, осталось только накрыть его сачком. Вот и всё! Поймал одного! Полежай во флакон. Надо же! Он ярко светится! Видите, капитан?»

«Вижу. Как он выглядит под микроскопом?»

«Гм... – Баском вынул карманный увеличитель и присмотрелся. – Изображение не фокусируется. Наблюдается центральное сосредоточение светимости – несомненно, там и находится насекомое. Думаю, что пропущу через него электрический разряд – это его убьет, после чего, возможно, можно будет рассмотреть его с бóльшим увеличением».

«Не возбуждай светлячков!» – снова предупредил капитан Бадт. Экран осветился белой вспышкой и погас. «Баском! Баском!»

Ответа не было.

* * *

Уничтожение узла вызвало беспокойную дрожь во всей разветвленной сети Унигена. Узел представлял собой неотъемлемую частицу мозга Унигена; его функция заключалась в модификации определенной категории мыслей. После исчезновения узла мышление этой категории ограничивалось до тех пор, пока не будет генерирован другой узел, наделенный точно такими же каналами связи.

Возможные последствия этого события служили дополнительной причиной для тревоги. Металлические поглотители энергии с другой планеты применяли тот же метод – ударный поток электронов пересекал центр узла, нарушая равновесие сил, что приводило к вспышке высвобожденной энергии, поглощавшейся яйцевидными металлическими вредителями. По всей видимости, взрыв застал врасплох сухопутного червя и убил его; возможно, червь ошибся и принял узел за какое-то не столь насыщенное энергией существо.

Униген решил, что было бы предусмотрительно уничтожать сухопутных червей по мере их появления, чтобы предотвращались дальнейшие инциденты.

Еще одно обстоятельство раздражало Унигена: шипы, растущие из «воротничков», распространялись по поверхности обнажения урановой руды, глубоко внедряя корни в содержащий энергию материал. Очевидно, шипы состояли из вытесненного таким образом субстрата. Когда Униген поручил узлу поглотить выделенный растительностью уран, узел наткнулся на непроницаемую инертную оболочку, защищавшую шипы от выделяемого узлом тепла.

По мере того, как Униген сосредоточивал свои вычислительные мощности, его узлы дрожали и мерцали по всей Вселенной. Предстояло принять решительные меры.

* * *

Эйвери и Джейсон, далеко ушедшие по пляжу, заметили белую вспышку взрыва, на мгновение озарившего призрачным светом черные расщелины горного склона. Сразу после этого раздался рокочущий звук; их встряхнула ударная волна.

Эйвери встревожился и включил передатчик: «Эйвери вызывает капитана. Что случилось?»

«Глупец Баском умудрился взорваться!» – резко ответил капитан.

«Мы на берегу, примерно в полутора километрах от того места, где произошел взрыв, – поспешно проговорил Эйвери. – Следует ли...»

Капитан Бадт прервал его: «Ничего не делайте! Ни к чему не прикасайтесь! Это неизвестная и опасная планета. Баском только что доказал это своей смертью».

«Что он сделал?»

«Насколько я понимаю, пропустил электрический ток через одну из летучих ярких мошек, и она взорвалась у него перед носом».

Эйвери остановился, беспокойно озираясь по сторонам: «Мы проходили рядом с ними. Они нас не беспокоили. Значит, всему виной электрический разряд».

«Возвращаясь, будьте осторожны. Я больше не могу терять людей. Держитесь подальше от этих светлячков».

«Так точно! – Эйвери подал знак Джейсону. – Пойдем. Лучше держаться поближе к воде».

Пробираясь по самому краю поросшего мхом океана вдоль пологой дуги залива, они приблизились к месту взрыва.

«Похоже на то, что от Баскома почти ничего не осталось», – тихо сказал Джейсон.

«Воронки от взрыва тоже почти не осталось», – отозвался Эйвери. – «Странное дело!»

«Смотри-ка, светлячков теперь тысячи! Как пчелы над ульем. И что-то растет из черного уступа! Когда мы шли в другую сторону, такой поросли не было! Эти шипы буквально растут, как грибы...»

Эйвери разглядывал обнажение руды в бинокль: «Может быть, это как-то связано с летучими блесками. Светлячки могут быть спорами или пылью – чем-то в этом роде».

«Все может быть, – согласился Джейсон. – На Антеусе я видел лианы пятьдесят километров длиной и толщиной с дом; они вибрировали по всей длине, когда в них тыкали палкой. Дети из земных колоний переговариваются с помощью этих гигантских лиан морзянкой. Лианам это не нравится, но что они могут с этим поделать?»

Эйвери обернулся, глядя через плечо на танцующих в воздухе светлячков: «Они как будто следят за нами... Прежде, чем устраивать здесь колонию, этих чертовых мушек нужно вывести. Поблизости от электрических приборов и проводов они опасны».

Джейсон воскликнул: «Бежим! Сюда летит пара светлячков!»

«Не надо так волноваться, – нервно отозвался Эйвери. – Их просто несет по ветру».

«Несет, как же! Ну их к дьяволу!» – Джейсон припустил к кораблю со всех ног.

* * *

Униген наблюдал за возвращением сухопутных червей по берегу – по-видимому, они искали какую-нибудь съедобную морскую растительность. Для того, чтобы исключить возможность случайного разрушения еще одного узла, однако, предусмотрительно было бы уничтожать этих существ по мере их появления, а также очистить от них окружающий обнажение руды район планеты.

Униген направил два узла к сухопутным червям. Судя по всему, они почувствовали опасность и стали неуклюже удаляться. Униген ускорил движение узлов – они устремились вперед со скоростью, достигавшей половины световой, пронзили сухопутных червей, вернулись, пронзили их снова и повторили эту операцию раз двадцать, в каждом случае оставляя в телах червей небольшие дымящиеся отверстия. Сухопутные черви упали на черную гальку и лежали без движения.

Униген вернул узлы к обнажению руды. Его беспокоила более серьезная проблема: растительность, все плотнее покрывавшая поверхность окиси урана своими «воротничками» и корнями.

Униген сосредоточил тепло двадцати узлов на одном из шипов. Возникло отверстие, подорвавшее корень ростка. Шип осел, съежился, рассыпался.

Структура Унигена не могла ощущать «удовольствие» – для него наибольшим приближением к этой эмоции было спокойное преодоление препятствий, сознание способности и возможности контролировать перемещения. В этом состоянии Униген приступил к систематическому разрушению шипов.

Второй росток стал бледно-коричневым и рассыпался, третий...

В небе появился летящий объект, сходный с сухопутными червями – с той разницей, что он сильнее излучал в инфракрасном диапазоне.

Неужели от этих надоедливых существ никак нельзя было избавиться?

* * *

Первым выдвинул это предложение второй помощник Дарт – сначала тихо и неуверенно, наполовину ожидая, что капитан Бадт заморозит его неумолимым взором цинковых глаз. Но капитан стоял, как статуя, глядя на погасший телеэкран, и все еще прислушивался к молчащему передатчику Эйвери.

Набравшись храбрости, Дарт повысил голос: «Пока что мы не можем представить окончательный отчет. Пригодна эта планета для обитания или нет? Если мы сразу улетим, убедительных оснований для ответа на этот вопрос не будет».

Капитан отозвался приглушенным, почти сдавленным голосом: «Я не могу рисковать жизнью других людей».

Дарт почесал затылок, покрытый жесткими рыжими кудряшками. Ему пришло в голову, что капитан Бадт постарел.

«Здесь светлячки – смертельно опасные твари, – настойчиво продолжал Дарт. – Мы все в этом убедились. Они убили трех человек. Но с ними можно справиться. Они взрываются под воздействием электрических разрядов. И еще одно: они роются над урановой рудой, как пчелы вокруг улья, и занимаются своими делами, пока их ничто не беспокоит. Баском, Эйвери, Джейсон – все они погибли, потому что слишком близко подошли к обнажению руды. Я кое-что придумал и готов сам проверить целесообразность своей идеи. Нужно соорудить что-то вроде легкой прямоугольной рамы, обмотать ее натянутой проволокой и подать к проволоке напряжение так, чтобы в соседних проводниках чередовались положительные и отрицательные заряды. Потом я поднимусь на разведочном вертолете и медленно пролечу над обнажением руды. Там теперь собралась такая плотная стая светлячков, что можно будет сразу взорвать две или три сотни, а потом пролететь над ними еще и еще раз».

Капитан Бадт сжимал и разжимал кулаки: «Хорошо. Приступайте!» Повернувшись спиной к Дарту, он снова сосредоточил взгляд на погасшем экране. Он решил, что это был его последний полет.

С помощью Генри, корабельного электрика, Дарт собрал раму, натянул на нее проволоку и оснастил ее аккумулятором, подающим ток под высоким напряжением. Устроившись в подвесной системе ремней миниатюрного разведочного вертолета, он поднялся прямо вверх, разматывая тонкий кабель длиной в полтора километра. Вертолет превратился в едва заметную точку в серовато-голубом небе.

«Вот и всё, – в наушниках Дарта послышался голос электрика. – Теперь я хорошенько закреплю эту мухоловку и... у меня возникла еще одна идея. Для того, чтобы рама не болталась, а висела вертикально, я привяжу к ней оттяжку с небольшим грузом».

Генри привязал балласт и подключил аккумулятор к проволоке: «Готов!»

Дарт, в полутора километрах над побережьем, направил вертолет к обнажению урановой руды.

Капитан Бадт крепко схватился за поручень в рубке управления, наблюдая за продвижением Дарта на телеэкране.

«Выше, Дарт! – сказал он. – На полтора метра выше... Так держать... Все правильно, не спеши...»

* * *

Диапазон восприятия Унигена – диапазон из миллиона оттенков – позволял регистрировать как самые слабые радиоволны, так и жесткое космическое гамма-излучение. Стереоскопическая оценка расстояния до объектов обеспечивалась благодаря тому, что каждый из узлов выполнял функцию зрительного органа. Достаточно высокое разрешение изображений достигалось посредством регистрации только излучения, перпендикулярного поверхности узла. Таким образом, каждому из узлов была доступна приблизительная сферическая картина излучения всех окружающих источников, хотя такие подробности, как рама, обмотанная проволокой, оставались практически невидимыми.

Первым предупреждением для Унигена стало давление, исходившее от приближающихся электростатических полей; затем рама с проводниками пролетела над выступом урановой руды там, где наблюдалось самое плотное скопление узлов.

Взрыв опалил побережье, превратив участок радиусом метров пятнадцать в огненный бассейн расплавленного камня. Узлы, не столкнувшись с проводниками, разнесло ударной волной во все стороны, в том числе далеко в просторы океана.

Непосредственно в эпицентре взрыва шиповатая растительность выгорела, но в других местах осталась почти неповрежденной.

Структура Унигена была настолько же неспособна испытывать гнев, как и получать удовольствие; тем не менее, его стремление к выживанию было интенсивным. В небе летел сухопутный червь. Такой же, как он, уничтожил один узел электрическим разрядом; возможно, летучий червь был каким-то образом связан с катастрофическим взрывом. Четыре узла поднялись по диагонали со скоростью света и прошли сухопутного червя, двигаясь вперед и назад, как иглы швейной машины, подрубающие отрез ткани. Существо упало на землю.

Униген собрал оставшиеся узлы в тридцати метрах над обнажением урановой руды. Он потерял девяносто шесть узлов.

Униген оценил ситуацию. Планета была богата ураном, но здесь обитали смертоносные сухопутные черви.

Униген принял решение. Уран часто встречался во Вселенной, на тысячах молчаливых, темных планет, лишенных признаков жизни. Ему преподали урок: следовало избегать миров, населенных живыми существами, какими бы примитивными они ни были.

Узлы взметнулись сверкающей стаей в небо и рассеялись в космическом пространстве.

* * *

Капитан Бадт, схватившийся за край стола, отпустил его и выпрямился. «Вот таким образом, – без всякого выражения сказал он. – Мир, где мы потеряли четырех храбрых, опытных астронавтов за четыре часа – мир, населенный стаями кошмарных атомных пчел... Здесь не место человеку! Четыре незаменимых астронавта...»

Опустив плечи, капитан мрачно молчал.

В рубку управления поднялся курсант; увидев капитана в непривычной позе, он широко открыл глаза. Многолетняя привычка, однако, взяла свое. Капитан Бадт расправил плечи, напряженно выпрямился. Его брюки и туника были безукоризненно выглажены, глаза снова повелительно сверкнули.

«Младший лейтенант, вы будете выполнять функции первого помощника до получения дальнейших указаний. Мы покидаем эту планету и возвращаемся на Землю. Будьте добры, проследите за тем, чтобы все выходные люки были закрыты».

«Так точно!» – отдал честь новый первый помощник.

* * *

На планете было тихо. Ярко-зеленый океан простирался до горизонта, горы вздымались и опускались, перемежаясь безжизненными каменистыми пустошами – утесами, ущельями, плоскогорьями, черными и серыми обнажениями скал, наносами вулканического пепла.

Растительность на выступе смоляной урановой руды быстро развивалась, достигнув полутораметровой, трехметровой, а затем и семиметровой высоты; высокие серые шипы покрылись белыми, желтоватыми, серебристыми пятнышками. В каждом из шипов образовалась центральная полость – шипы превратились в прямые трубки, твердые, как пушечные стволы.

В основании каждой трубки начал формироваться плод – спорангий, окруженный впитывающей влагу оболочкой, а под ним – сферическая камера, соединенная с основанием шипа четырьмя сходящимися каналами.

В этой камере накапливался уран-235: сначала граммов двадцать пять, потом пятьдесят, потом сто – все большее количество металла диффундировало сквозь мембраны растения благодаря странному метаболизму, выработанному за миллиарды лет эволюции.

Плод созрел. Первый шип достиг кульминации развития. Напряжение в оболочке спорангия превысило ее прочность: оболочка разорвалась, вода затопила камеру, содержащую урановое ядро.

Взрыв! Пар вырвался в направленные к основанию шипа каналы, заполняя его полость под высоким давлением и создавая реактивную тягу. Трубочатые шипы один за другим взлетали прямо вверх, с резкими хлопками освобождаясь от балласта лишних оболочек. Выше, выше, еще выше – с яростным ускорением – в космос...

Металлические трубки выпустили последние облачка пара. Спорангии дрейфовали в пространстве по инерции. Сила притяжения планеты слабела, становилась едва ощутимой. Спорангии летели все дальше. Охладившись в вакууме, они треснули и широко раскрылись. Из каждого созревшего плода рассыпались тысячи капсул, причем сотрясение треснувшей оболочки направило каждую по своему неповторимому курсу, к одной из мириад звезд.

Продолжался бесконечный цикл распространения спор по Вселенной.

Падая на ту или иную планету, некоторые споры оказывались на радиоактивной поверхности, прорастали и достигали кульминации развития, после чего взрыв и паровая тяга придавали трубчатым шипам ускорение, достаточное для побега за пределы гравитационного колодца.

Снова космос, снова годы бесшумного равномерного полета. В неизмеримую даль – и дальше...

НЕОБУЗДАНАЯ МАШИНА

I

Во всем Терминале не было никого выше, толще и тяжелее бармена по прозвищу «Бык». Краснолицый детина с плоскими обвисшими щеками, он вышвыривал пьянчуг грудью и животом, выпяченными наподобие бочки из костей и мышц – подталкивая их к выходу, пританцовывая и напирая пузом с разбега, как неуклюжий, возбужденный сладострастием слон. По отзывам надежных свидетелей, его толчки не уступали силой ударам копыт брыкающегося мула.

Марвин Алликстер, нервный худошавый субъект лет сорока, хотел было обозвать бармена мерзавцем, мошенником и скупердяем, но предусмотрительно придержал язык.

Бармен вертел в руках прозрачный шарик, рассматривая со всех сторон заключенное в нем маленькое существо. Существо сияло и мерцало, как призма – солнечно-желтыми, изумрудными, мягкими розовато-лиловыми, ярко-розовыми сполохами чистейших оттенков. «Двадцать франков», – без особого энтузиазма произнес бармен.

«Двадцать франков? – Алликстер ударил кулаками по стойке бара – театрально преувеличенным жестом. – Ты шутишь!»

«Без шуток», – проворчал бармен.

Алликстер серьезно наклонился вперед, пытаясь воззвать к разуму собеседника: «Послушай, Бык! О чем ты говоришь? Этот шарик – чистый, как слеза, горный хрусталь, ему не меньше миллиона лет. Попрыгунчики копаются целый год и считают, что им повезло, если они находят пару таких кристаллов, да и то внутри огромных кусков кварца. Они шлифуют и полируют находку, крутят ее и вертят, а если она ненароком выскальзывает из рук – беда! Шарик разлетается вдребезги, зудень вытекает и погибает».

Бармен отвернулся, чтобы налить по стаканчику виски паре ухмыляющихся грузчиков: «Слишком хрупкая штука. Если я ее куплю, а кто-нибудь из треклятых дебоширов ее разобьет, я потеряю двадцать франков – только и всего».

«Двадцать франков? – изумленно повторил Алликстер. – Называть такую сумму, глядя на эту драгоценность, язык не поворачивается. Я уж лучше продам свое ухо за двадцать франков!»

«Это меня вполне устроит», – пошутил Бык, поигрывая ножом.

Теперь Алликстер попробовал возбудить в собеседнике алчность: «Я получил эту штуковину из первых рук за пятьсот франков».

Бармен рассмеялся ему в лицо: «Все вы, из магистральных бригад, поете одну и ту же песню. Подбираете безделушку на какой-нибудь станции, пронесите ее контрабандой на обратном пути и рассказываете сказки о том, во сколько она вам обошлась, чтобы сплавить ее втридорога первому простофиле, готовому развесить уши, – Бык налил себе стаканчик воды и опорожнил его, подмигнув грузчикам. – Как-то раз я попался на эту удочку. Купил козявку у Хэнка Эванса – он утверждал, что она умела танцевать и выучила все туземные танцы Калонга. Козявка выглядела так, будто и вправду танцевала. Выложил за нее сорок два франка. Оказалось, что у нее от земного притяжения затекли ступни – она просто переминалась с ноги на ногу, чтобы ей было не так больно стоять. Вот и все танцульки!»

Алликстер тревожно поежился, оглянувшись в сторону входной двери. Сэм Шмитц, диспетчер, вызывал его уже целый час, а Сэма никак нельзя было назвать терпеливым человеком. Алликстер снова облокотился на стойку бара, не слишком убедительно изображая безразличие: «Взгляни на цвета, смотри, как переливается эта маленькая тварь! Вот! Пламенный крас-

ный блеск! Ты видел что-нибудь ярче? Только представь себе, как эта штука будет выглядеть на шее какой-нибудь дамы!»

Китти, пышнотелая блондинка-официантка, промурлыкала восхищенным контральто: «Какая прелесть! Я не отказалась бы сама ее носить».

Бармен снова взял хрустальный шарик: «Не знаю никаких дам». С сомнением рассмотрев шарик, он заметил: «Красивая штукавина. Что ж, может быть, я отстегну двадцать франков».

На телеэкране за спиной бармена прожужжал сигнал вызова. Бык включил изображение и звук одновременно, не позаботившись спросить, кто звонил, и отступил в сторону, чтобы не загоразивать экран своей тушей. Алликстер не успел спрятаться под стойкой. Сэм Шмитц смотрел прямо ему в глаза.

«Алликстер! – рявкнул Шмитц. – Даю тебе пять минут. После этого можешь не приходиться на работу!» Экран погас.

Алликстер задумчиво сдвинул темные брови, глядя на отвечавшего безмятежным взглядом бармена. «Так как ты торопишься, – сказал Бык, – так и быть, я дам за эту блестящую висюльку двадцать пять франков».

Не отрывая глаз от лица бармена, Алликстер поднялся на ноги и поиграл хрустальным шариком, перекидывая его из одной ладони в другую. Бык нервно протянул руку: «Полегче! Он может разбиться». Бармен выдвинул денежный ящик: «Вот твои двадцать пять франков».

«Пятьсот», – сказал Алликстер.

«Не получится», – буркнул бармен.

«Ладно, четыреста».

Бык снова покачал головой, наблюдая за Алликстером хитро прищуренными глазами. Алликстер повернулся и молча направился к выходу. Бык стоял неподвижно, как статуя. Уже в дверном проеме продолговатое загорелое лицо Алликстера снова повернулось к пузатому бармену: «Триста».

«Двадцать пять франков».

Алликстер скорчил раздраженную гримасу и вышел.

На улице он задержался. Озаренное зимним солнечным светом депо – огромный куб – возвышалось, как утес, над более или менее сомнительными окрестностями Терминала. У основания депо расположились склады – блестящие алюминиевые корпуса, каждый длиной метров четыреста. Грузовики и автоприцепы примкнули к боковым складским воротам, как красные и синие пиявки.

Крыши складов служили разгрузочными площадками – по ним гибкие составные конвейеры перемещали в трюмы воздушных судов продукцию сотен миров. Несколько секунд Алликстер наблюдал за этой деятельностью; он знал, что девять десятых всего оборота грузов экспортировали незаметно по магистралям – на континентальные земные станции и на станции других планет, к далеким звездам.

«Мерзавец!» – отвел душу Алликстер и не спеша направился к транспортному пункту на углу, размышляя о блестящей безделушке. Может быть, следовало продать ее бармену – двадцать пять франков в любом случае принесли бы Алликстеру двадцать четыре франка прибыли. Но он отверг эту мысль. По магистралям можно было пронести не так уж много, и любой уважающий себя контрабандист рассчитывал на приличный доход от рискованного предприятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.